ПЕРЕПИСКА 1911–1936

В. И. Срезневский

А. Л. Бем

Альфред Людвигович Бем /

Всеволод Измайлович Срезневский

ПЕРЕПИСКА

1911 – 1936

Составление,

подготовка текста,

введение,

комментарии,

именной указатель:

Милуша Бубеникова и Андрей Николаевич Горяинов

Славистическое общество Франка Вольмана

Брно 2005

ПЕРЕПИСКА 1911 – 1936

Федеральное архивное агентство

Российский государственный архив литературы

и искусства

(Москва)

Российская Академия наук

Институт славяноведения

(Москва)

Literární archiv Památníku národního písemnictví

(Praha)

Сверка копий писем с подлинниками:

Е. В. Бронникова, Т. Л. Латыпова (РГАЛИ)

Финансовая поддержка издания:

внуки А. Л. Бема, Университет им. Масарика в Брно,
Й. Бобок, Чешская Ассоциация Русистов

Vědečtí recenzenti:

PhDr. Zdeněk Sládek, DrSc.
Prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc.

ISBN 80-210-3681-8

От составителей

Предлагаемые читателю письма хранятся в следующих архивах:

1) Письма А. Л. Бема к В. И. Срезневскому в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 436. Срезневские. Опись 1. Дело 2580. Листы 1–55.

2) Письма В. И. Срезневского к А. Л. Бему в Литературном архиве Памятника национальной письменности (LA PNP) в Праге. Фонд А. Бем. Карт.7.

3) Письма, публикующиеся в Приложении, - в разных архивах России и Чехии. Названия этих архивов приводятся в комментариях к данным письмам.

Письма, помещенные в Приложении, в том числе несколько писем к третьим лицам, позволяют лучше понять содержание переписки между Бемом и Срезневским.

Эпиграфы к Введению взяты из публикуемых писем.

При составлении примечаний наряду с другими источниками были использованы сведения о сотрудниках Библиотеки Российской академии наук из электронного ресурса Библиотеки (составление Н. Н. Елкина и В. В. Рубцов), любезно предоставленные в наше распоряжение директором БАН В. П. Леоновым.

Составители выражают глубокую благодарность Т. М. Горяевой (Российский государственный архив литературы и искусства, Москва), В. К. Волкову (Институт славяноведения РАН, Москва), М. Бринцковой (Архив литературы и искусства Словацкой национальной библиотеки, Мартин), М. Климовой (Славянская библиотека при Национальной библиотеке, Прага), Й. Кршестя-

ну (Национальный архив, Прага) и Славистическому обществу Франка Вольмана за оказанную помощь в подготовке этой публикации.

О невосполнимых потерях: Альфред Людвигович Бем и Всеволод Измайлович Срезневский

«В письме не передашь и сотой доли того, что хотелось бы».

А. Л. Бем.

«...Я хочу передать то, что помню, что знаю, и к этому я стремлюсь всеми силами. Как мне Вас недостает!»

В. И. Срезневский.

Потери... Исчезновение сведений о прошлом и вынужденное умолчание о фактах современной нашим «героям» эпохи, утрата личных контактов и затрудненность общения, но вместе с тем и продолжавшиеся десятилетия попытки сохранить историческую память, сделать широко доступными архивные документы, исследовать литературные и исторические реалии, преодолеть воздвигнутые между учеными искусственные барьеры - вот характерные черты публикуемой ниже переписки. Письма Бема и Срезневского не только чрезвычайно интересны по содержанию, но и передают тот «аромат эпохи», без которого немыслимо глубокое проникновение в историю и литературу. Это - ценный источник как по истории русской науки, которая волей истории оказалась разделенной на отечественную и зарубежную части и представители которой вынуждены были вести свои исследования независимо друг от друга, так и по истории событий первой трети XX века в России, особенно в Петрограде и Киеве. И, разумеется, публикуемые письма содержат много новых сведений об авторах. Они представляют собой как бы комментарий к со-

бытиям личной жизни двух крупных ученых, долгое время почти совершенно забытых на родине. О причинах забвения мы скажем ниже, здесь же отметим только их схожесть по сути, хотя и известное различие по форме: А. Л. Бем был подвергнут гонениям как не принявший марксистские догмы «белоэмигрант», В. И. Срезневский - как ученый «старой школы», осмелившийся к тому же досаждать властям своими требованиями бережного отношения к письменным памятникам прошлого.

Впервые судьба свела Альфреда Людвиговича Бема (23. 4. 1886 - 1945?) и Всеволода Измайловича Срезневского (29. 5. 1867 - 29. 6. 1936) летом 1908 г., когда только что представивший прошение о зачислении в Санкт-Петербургский университет бывший студент историко-филологического факультета киевского Университета Святого Владимира Бем (он проучился в Киеве лишь осенний семестр 1906/1907 учебного года, а затем был уволен с правом поступления в другие высшие учебные заведения «за участие в недозволенной студенческой сходке, имевшей место в стенах Университета Св. Владимира 17 ноября 1907 г.»),[1] был вместе с несколькими студентами направлен к Ученому хранителю Библиотеки Академии наук В. И. Срезневскому, занимавшемуся устройством Толстовской выставки в ознаменование 80-летия великого русского писателя. «В значительной мере это как будто случайное событие... - вспоминал впоследствии А. Л. Бем, имело определяющее значение на всю мою жизнь. Оно не только сблизило меня с В. И. Срезневским, но и ввело в Рукописное отделение...»[2]

По-видимому, интерес к филологии и способности в этой области проявились у Бема уже в ранней юности. Окончив в июне 1905 г. Киевское реальное училище, где не преподавались древние языки, он сумел в течение двух лет настолько хорошо изучить латынь и греческий, что успешно выдержал дополнитель-

---

[1] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53350.

[2] *Бем А. Л.* Письма о литературе. - Praha, 1996. - С. 239.

ные испытания, необходимые для поступления в университет.[3] В дальнейшем выдающиеся способности юноши отмечал авторитетнейший русский филолог, директор 1-го отделения Библиотеки Академии наук академик А. А. Шахматов. «Бем - мой ученик прямо выдающийся (сужу по его синтаксическим наблюдениям над Новгородской 1-й летописью)» - писал он в середине февраля 1911 г. Ф. Е. Коршу.[4]

В 1910 г. студент Бем был принят на работу в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук (оно входило в состав ее 1-го отделения). Там Бем начал работать под руководством Срезневского, у которого прошел хорошую археографическую, библиографическую и филологическую выучку.

А. Л. Бем только начинал свой путь в науке и общественной жизни, но начинал его чрезвычайно активно. «Маленького роста, хромой, с высоким лбом, умными, голубыми, ясными глазами, - вспоминал о его облике и деятельности в эти годы товарищ Бема Н. П. Анциферов, - Альфред Людвигович был типичный русский интеллигент типа «вечного студента». Однако он... очень много и организованно работал. Все мы были уверены, что из него выйдет крупный ученый».[5] Анциферов вспоминает, что в Киевском студенческом землячестве, где началась общественная деятельность А. Л. Бема, Альфред Людвигович пользовался большим авторитетом и обычно председательствовал на собраниях. Бем не примыкал ни к одной из земляческих группировок и, как правило, пытался примирить боровшиеся между собой группы внутри земля-чества.[6] Его политические взгляды в то время еще

---

[3] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53350.

[4] См.: *Горяинов, А. Н., Робинсон, М. А.* Шесть писем А. Л. Бема и о А. Л. Беме // Славяноведение. - М., 1998. - № 4. - С. 95. Надо особо подчеркнуть, что Шахматов отметил способности Бема в той области филологии, которой тот впоследствии почти не занимался, сосредоточив свое внимание на более созвучных его общественному темпераменту проблемах отечественной литературы XIX-XX вв.

[5] *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания. - М., 1992. - С. 192.

[6] Там же.

не сложились, но Бем, несомненно, сочувствовал революционному движению: по собственному признанию, он принадлежал к тем молодым интеллигентам, которые искали себя на путях, в конечном счете ведущих к революции.[7]

В годы учебы в Петербурге началась научно-литературная деятельность Бема. Альфред Людвигович сразу же после поступления в университет принял участие в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова, из которого вышло немало известных впоследствии литературоведов, составлял генеалогию рода Аксаковых.[8] В феврале 1910 г. в семинарии Венгерова А. Л. Бем сделал доклад «К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина», из которого выросла первая значительная печатная работа молодого исследователя. [9] Для нее характерен тщательный текстологический анализ, который автор определял как метод «мелких наблюдений», поиска «параллельных мотивов» и их оригинальных преломлений в произведениях русской и мировой литературы [10], и который впоследствии он широко применял в своих литературоведческих трудах.

В Библиотеке Академии наук А. Л. Бем был встречен радушно и доброжелательно, о чем он неоднократно упоминает в своих письмах. На первых порах ему было поручено помогать В. И. Срезневскому в составлении библиографического указате-

---

[7] *Бем А. Л.* Письма о литературе... - С. 116.

[8] *Сурат И., Бочаров, С.* Альфред Людвигович Бем // Вопросы литературы. - М., 1991. - № 6. - С. 68-69; *Горяинов А. Н.* Некоторые новые материалы об А. Л. Беме // Международная конференция «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Результаты и перспективы исследований: Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов»: Прага, 14-15 августа 1995 г.: Сборник докладов. - Прага, 1995. [Т. 1.] - С. 349, 344.

[9] *Бем А. Л.* К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина // Пушкин и его современники. - СПб., 1911. - Вып. 15. - С. 146-163. Перепечатано в сборнике «Пушкинист» (СПб., 1914)

[10] *Бем А. Л.* К уяснению понятия историко-литературного влияния: (По поводу статьи А. С. Полякова «Пушкин и Пнин») // Пушкин и его современники. - СПб., 1916. - Вып. 23/24. - С. 23-44.

ля церковнославянских книг 40-х и 50-х годов XVIII в.[11] Бем вместе с В. И. Срезневским вошел также в состав коллектива, готовившего на базе Библиотеки Академии наук, но на основе отдельного финансирования, «Обозрение трудов по славяноведению»[12] - крупнейшую отечественную библиографию вновь выходящей литературы о России и зарубежных славянских странах, участвовал вместе с ним в создании Толстовского музея в Петербурге. Так началось тесное сотрудничество Бема и Срезневского, которого Альфред Людвигович впоследствии закономерно считал одним из своих учителей.

Как и Бем, его учитель был неординарным деятелем науки. Младший сын замечательного русского слависта академика И. И. Срезневского, он в детстве являлся центром семьи маститого ученого и воспитывался по его личным указаниям.[13] В 1891 г. Всеволод Измайлович окончил юридический факультет Петербургского университета. В студенческие годы он не только изучал право, но и приобщился к филологии, помогая сестре Ольге и другим членам семьи готовить к изданию классический труд отца – «Материалы для словаря древнерусского языка». Видимо, и атмосфера семьи, и участие в словарной работе не способствовали формированию Всеволода Измайловича как юриста. Завершив обучение кандидатской работой о юридических терминах в «Русской правде», он поступил в Публичную библиотеку, а в 1893 г. перешел в Библиотеку Академии наук.[14]

Библиотека Академии в конце XIX в. находилась в тяжелом состоянии: она была буквально забита книгами и периодически-

---

[11] *Срезневский В. И., Бем А. Л.* Издания церковной печати времени императрицы Елизаветы Петровны, 1741-1761. – СПб. 1914. - 552 с. - (Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». - Т. 4).

[12] Обозрение трудов по славяноведению. - СПб., Пг., 1909-1918. - Всего вышло 17 вып.

[13] *Копанев А. И.* Всеволод Измайлович Срезневский - библиотекарь Библиотеки Академии наук // Сборник статей и материалов по книговедению / Б-ка АН СССР. - Л., 1973. - Вып. 3. - С. 214-215.

[14] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 338. Ед. хр. 18. Л. 55-56 об.

ми изданиями, в ее штате числилось всего 10 человек, а в русском и иностранном отделениях были совершенно по-разному организованы библиотечные процессы.[15] Всеволод Измайлович стал сотрудником первого (русского) отделения, где хранились книги, периодические издания, а также рукописи на русском и других славянских языках. Вскоре ему поручили заведывание Журнальным отделом и рукописным собранием отделения.[16] Первым результатом деятельности Срезневского в академической библиотеке стал отпечатанный в виде корректур «Список русских повременных изданий ... », вобравший в себя сведения о русских журналах и газетах с их возникновения.[17] При подготовке «Списка» к печати Срезневский дополнил его сведениями о периодических изданиях Публичной библиотеки и данными библиографической литературы, превратив, по сути, в первую подробную библиографию русских журналов и газет. Особенно плодотворной оказалась деятельность Всеволода Измайловича как археографа. Он начал с приведения в порядок рукописных фондов библиотеки, а затем вместе со своими немногочисленными помощниками приступил к работе по научному описанию рукописей. Согласно плану Срезневского, описания должны были составляться параллельно на старые фонды и на новые поступления и публиковаться в самостоятельных изданиях.[18] Первые выпуски этих изданий были опубликованы,[19] но дальше дело не пошло, оно оказалось не под силу небольшому числу сотрудников Рукописного отделения.

Принимая в описании рукописей самое активное личное участие, Всеволод Измайлович постоянно заботился, вместе с тем, о пополнении фондов Отделения новыми рукописями. Благодаря

---

[15] История Библиотеки Академии наук СССР, 1714-1964. - М.; Л., 1964. - С. 230-232.

[16] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 338. Ед. хр. 18. Л. 55-56 об.

[17] Список русских повременных изданий 1703-1899 гг. со сведениями об экземплярах, принадлежащих Библиотеке Академии наук. - СПб., 1901. - 1115 с.

[18] *Копанев А. И.* Всеволод Измайлович Срезневский... - С. 222-225.

[19] Подробнее см.: История Библиотеки Академии наук СССР... - С. 290-291.

его усилиям в Библиотеку Академии наук поступил ряд коллекций рукописных книг, среди которых была и ценнейшая коллекция его знаменитого родителя.[20] Для сбора рукописей Всеволод Измайлович в 1901-1905 гг. регулярно совершал в летние месяцы археографические экспедиции на север России. Он объездил ряд северных губерний и сумел получить для библиотеки много памятников письменности,[21] среди которых были целые собрания рукописей, например ценнейшее собрание рукописей епископа Олонецкого Павла Доброхотова, которое А. А. Шахматов считал «неоценимым» в научном отношении.[22]

Археографические находки В. И. Срезневского вызвали широкий общественный резонанс. О них сообщали газеты, пристальное внимание к ним проявляли ученые. В итоге рос авторитет Библиотеки Академии наук, увеличивался приток в нее новых рукописей. Видимо, именно на этой почве возникли контакты Всеволода Измайловича с В. Д. Бонч-Бруевичем, одним из видных большевиков, входивших в ближайшее окружение В. И. Ленина. В начале 1900-х годов Бонч-Бруевич занимался изучением истории религиозных движений, порожденных народным протестом против господствующих церковных и государственных институтов. Ему удалось собрать много сектантских и старообрядческих рукописей, сделать интересные записи о жизни, быте и верованиях сектантов-духоборов. Собранные материалы были переданы Бонч-Бруевичем в Библиотеку Академии наук.[23] Возникшие таким образом связи между Срезневским, Шахматовым и Бонч-Бруевичем вскоре упрочились и привели к поступлению в академическую библиотеку большого числа нелегальных и запрещенных цензурой социал-демократических изданий.

---

[20] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 338. Ед. хр. 18. Л. 56 об.

[21] История Библиотеки Академии наук СССР.... - С. 285.

[22] *Копанев А. И.* Всеволод Измайлович Срезневский... - С. 222-225.

[23] *Демиденко Г. Г.* Дел у революции немало...: Очерк жизни и деятельности В. Д. Бонч-Бруевича. - М., 1976. - С. 40-41.

Контакты с социал-демократами свидетельствуют не только о демократических убеждениях Срезневского, но и о его интересе, наряду со старинными манускриптами, к документам современности. Восприняв все шире распространявшиеся в российском обществе на переломе XIX и XX веков настроения, А. А. Шахматов и В. И. Срезневский еще в 1899 г. пришли к выводу о необходимости максимально широко собирать материалы, отражающие взгляды сторонников различных общественных сил и политических направлений российского общества. Библиотека Академии наук становилась вследствие такого решения средоточием памятников общественной мысли новейшего времени. В соответствии с ним Срезневский стал принимать в Рукописное отделение документы революционных организаций, например дал согласие на присылку туда архива Латышской социал-демократической партии.[24]

Особенно значительными оказались поступления в Библиотеку Академии наук материалов Л. Н. Толстого. Переданные родственниками творческие рукописи и письма писателя,[25] запрещенные в России издания произведений Л. Н. Толстого и его последователя В. Г. Черткова,[26] вышедшие в России произведения Льва Николаевича из фондов библиотеки сделали возможным участие Библиотеки Академии наук в той Толстовской выставке, которая в 1908 г. свела Срезневского с Бемом, а в следующем году библиотека смогла внести значительный вклад в организацию «Выставки для устройства Музея имени Л. Н. Толстого в Петербурге».

Выставки 1908 и 1909 гг. представляли крупное событие в общественной жизни России. В ходе их подготовки возникло

---

[24] *Бонч-Бруевич В. Д.* Нелегальный отдел Библиотеки Академии наук (по личным воспоминаниям) // Известия. - М., 1925. - 6.XI. - С. 6.

[25] *Маковицкий Д. П.* У Толстого, 1904-1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. - М., 1979. - Т. 4. - С. 172; Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1912 г. - СПб., 1913. - С. 39-40.

[26] История Библиотеки Академии наук СССР... - С. 242, 274.

широкое движение за создание «Общества имени Льва Толстого», объединившего представителей прогрессивно настроенной интеллигенции вне зависимости от политических убеждений. Важнейшей заботой нового общества стало создание Музея Толстого. В. И. Срезневский принял в его организации самое активное участие. Всеволод Измайлович вошел в Совет Общества, неоднократно жертвовал музею различные экспонаты, организовал передачу в состав музейных фондов из Библиотеки Академии наук дублетных экземпляров произведений Л. Н. Толстого, книг и газет с материалами о нем.[27] Срезневский стоял у истоков издательской деятельности музея, выпустив в 1911 со своим предисловием в виде первого тома серии «Толстовский музей» переписку Л. Н. Толстого с родственницей писателя А. А. Толстой из фондов Рукописного отделения.[28]

В конце 1911 или в начале 1912 г. Срезневский возглавил Толстовский музей в Петербурге (подобный музей был создан к тому времени и в Москве). Он выступал за создание такого музея Толстого, в котором получили бы воплощение замыслы «устроить не только хранилище предметов, связанных с его именем», но и «создать Толстому памятник живой и деятельный..., культурный центр с рядом просветительных учреждений, библиотекой, читальней, аудиторией для собраний и чтений по литературно-общественным вопросам».[29] В виду недостатка средств планы развития музея могли быть осуществлены лишь в небольшой мере, но все же Толстовскому музею в Петербурге удалось переехать в более обширное помещение, а на его базе благодаря усилиям В. И. Срезневского и привлеченных им к работе сотрудников была развернута значительная исследователь-

---

[27] См. например: Отчет Совета Общества Толстовского музея Годичному общему собранию 1 мая 1911 года о деятельности Общества за 1910-1911 гг. // Известия Общества Толстовского музея. - СПб., 1911. - №1. - С. 69-76.

[28] Толстовский музей. - СПб., 1911. - Т. 1. Переписка Л. Н. Толстого с графиней А. А. Толстой (1857-1903). – 13, 394 с.

[29] *Срезневский В. И.* Толстовский музей в Петербурге // Солнце России. - СПб., 1912. – № 145. - С. 23.

ская и публикаторская работа. Согласно данным, содержащимся в отчете за 1912-1913 годы, при музее действовали издательская, библиографическая и художественно-музейная комиссии, вели работу пять групп музейных сотрудников. Всеволод Измайлович, несмотря на свою занятость, сам водил по музею экскурсии, ему помогал знакомить экскурсантов с музеем выдающийся скульптор И. Я. Гинцбург.[30]

Одной из новаций В. И. Срезневского было сосредоточение в недрах Рукописного отделения запрещенных и нелегальных изданий. В. Д. Бонч-Бруевич свидетельствует, что в отделении, руководимом Всеволодом Измайловичем, были собраны не только рукописные, но и печатные материалы самых различных партий и политических групп. В то же время в его воспоминаниях подробно рассказано о деятельности Срезневского по собиранию социал-демократических изданий. Бонч-Бруевич, в частности, пишет об использовании для их получения авторитета В. И. Ленина, который по просьбе Бонч-Бруевича дал указание большевистским организациям о присылке в Библиотеку Академии наук выпускаемой в России и за границей социал-демократической литературы.[31]

Результаты научного творчества В. И. Срезневского проявились в его довольно многочисленных и разнообразных по тематике трудах. Всего, как сообщает сам Всеволод Измайлович, «научных работ он напечатал до 165».[32] Кроме описаний рукописей Срезневский опубликовал ряд трудов по истории славяноведения. Он - автор работ о своем отце в «Русском биографическом словаре» и в сборнике памяти И. И. Срезневского,[33] о со-

---

[30] См.: Отчет Общества Толстовского музея в Санкт-Петербурге, 1912-1913. - СПб., 1914. - С. 3, 7-8.

[31] *Бонч-Бруевич В. Д.* Владимир Ильич и Всесоюзная академия наук // Ленин и Академия наук: Сборник документов. - М., 1969. - С. 276-283; История Библиотеки Академии наук СССР... - С. 274-276.

[32] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 338. Ед. хр.18. Л. 56 об.

[33] *Срезневский В. И.* Срезневский Измаил Иванович // Русский биографический словарь. - СПб., 1909. - [Т. 19]. - С.276-298; *Он же.* Краткий очерк жизни и

ставлении родителем словаря древнерусского языка,[34] об истории редактировавшихся И. И. Срезневским «Известий» и «Ученых записок» Отделения русского языка и словесности Академии наук,[35] о встречах Измаила Ивановича с И. П. Котляревским,[36] его отношении к творчеству Л. Н. Толстого[37] и т. д. Младший Срезневский напечатал также несколько статей, в которых исследовал ранний период жизни и деятельности А. X. Востокова; важным вкладом в изучение жизни и деятельности этого выдающегося слависта стала осуществленная Всеволодом Измайловичем публикация его автобиографических заметок.[38] Наконец, Всеволодом Срезневским были изданы древнеславянский перевод византийской хроники Симеона Логофета[39] и некоторые памятники древнерусской литературы.

Публикации Всеволода Измайловича снабжены, как правило, обстоятельными примечаниями, указателями и приложениями. В приложениях он напечатал, в частности, ценные указатели литературы, например капитальный указатель работ об И. И. Срезневском.[40]

продолж..

деятельности И. И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. - Пг., 1916. - Кн. 1. - С. 1-68.

[34] *Он же.* Об истории составления словаря древнерусского языка И. И. Срезневского // Известия Академии наук СССР. VII сер. Отделение общественных наук. – Л., 1933. - № 9. - С. 705-728.

[35] *Он же.* К истории издания Известий и Ученых записок Второго отделения Императорской Академии наук. - СПб., 1905. - 143 с.

[36] *Он же.* Знакомство И. И. Срезневского с И. П. Котляревским // Киевская старина. - Киев, 1899. - № 1. - С. 1-4.

[37] *Он же.* И. И. Срезневский о Л. Н. Толстом: («Война и мир» и «Азбука») // Сборник статей в честь Алексея Ивановича Соболевского. - Л., 1928. - С. 53--56.

[38] *Востоков А. X.* Заметки Востокова о его жизни. - СПб., 1901. - 114 с.

[39] *Срезневский В. И.* Симеона Метафраста и Логофета списание мира от бытия и летовник собран от различных летописей. - СПб., 1905.

[40] *Срезневский В. И.* Материалы для биографии И. И. Срезневского: (Печатные источники) // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. - Пг., 1916. - Кн. 1. - С. 333-406.

Публикуемая переписка А. Л. Бема и В. И. Срезневского состоит преимущественно из писем Бема, письма Срезневского (да и то не полностью) сохранились только с декабря 1922 г. Переписка открывается письмами Бема из Киева, куда он вынужден был уехать после исключения в начале 1911 г. из университета, ареста и последующей высылки из Петербурга за участие в студенческих волнениях.[41] В нелегкой жизни Альфреда Людвиговича этот период был одним из самых трудных: к личной материальной необеспеченности и необходимости помогать родителям прибавлялись полицейские преследования, завершившиеся 8 июля 1912 г. арестом и заключением в Лукьяновскую тюрьму Киева, где Бем пробыл до 14 сентября.[42] «Живу, брат, погано, и совсем даже, - жаловался он университетскому товарищу А. С. Искозу (Долинину) в письме от 6 апреля 1911 г. - Пришлось снова взяться за уроки... Если что и приобретено за этот промежуток, то внутренние ценности, результат прежнего опыта и наблюдений».[43] Таким образом, по свидетельству самого Альфреда Людвиговича, в Киеве интенсивно шло формирование его мировоззрения. Обобщая, можно сказать, что именно в студенческие годы Бем вырос и как гражданин, живо интересующийся политической жизнью России, и как ученый, что именно в этот период были заложены основы и уже в определенной мере проявились его профессиональные навыки текстолога, специалиста по теории литературы, литературного критика, педагога.

Несмотря на все трудности, весной 1912 г., в промежутке между действием приказа о высылке и арестом, А. Л. Бему удалось сдать выпускные экзамены в университете. В этом ему оказал содействие академик А. А. Шахматов.[44] Надо сказать, что маститый ученый постоянно относился к Бему с симпатией и искрен-

---

[41] Подробнее см.: *Горяинов А. Н.* Некоторые новые материалы об А. Л. Беме... - С. 344-345.

[42] *Горяинов А. Н., Робинсон М. А.* Шесть писем А. Л. Бема и о А. Л. Беме... - С. 95, 98-99.

[43] ОР и РК РНБ. Ф. 1304. Д. 23. Л. 8.

[44] *Горяинов А. Н.* Некоторые новые материалы об А. Л. Беме... - С. 345-346.

ним сочувствием; оно особенно отчетливо проявилось во время пребывания Альфреда Людвиговича в тюрьме. О высоких человеческих качествах Шахматова А. Л. Бем неоднократно упоминает в публикуемых письмах.

По-видимому, следствие в отношении А. Л. Бема завершилось для него благополучно. Несколько последующих лет оказались, вероятно, самыми спокойными на жизненном пути Альфреда Людвиговича. Как видно из писем к В. И. Срезневскому за 1913-1916 годы, Бем в это время жил в Петербурге, весной и летом наезжая на Украину. Иногда он отдыхал также в Прибалтике, а в июне 1913 г. после посещения Киева, где по заданию Срезневского работал с книжным собранием Киево-Печерской Лавры, совершил путешествие по России.[45] У Бема сложились прекрасные отношения с Шахматовым и Срезневским, со многими другими сотрудниками библиотеки и, среди них, с гражданской женой Всеволода Измайловича Н. А. Вукотич. 29 марта 1915 г. А. Л. Бем обвенчался с Антониной Иосифовной Омельяненко, с которой прожил долгие годы, тяжело переживая вынужденные разлуки в период гражданской войны. 13 февраля 1916 г. у них родилась старшая дочь Ирина.[46]

В Библиотеке Академии наук А. Л. Бему было поручено изучение толстовских материалов. Он составлял, редактировал и рецензировал библиографические указатели произведений Л. Н. Толстого, работал, как это видно из публикуемых писем, над обзором педагогических статей писателя, принимал участие в предварительной работе по созданию Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. В. И. Срезневский привлек Бема к работе в Толстовском музее, он участвовал в подготовке издававшихся музеем «Толстовских ежегодников». Впоследствии Бем отмечал, что в произведениях Толстого «было нечто такое,

---

[45] Там же. - С. 349; см. также письмо № 5.

[46] *Горяинов А. Н., Робинсон М. А.* Шесть писем А. Л. Бема и о А. Л. Беме... - С. 96; *Рейзер (Бем) Т.* Украденное счастье // *Veber V. a kol.* Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918-1945. - Praha, 1995. - Sborník studií - 3. - S. 93.

что поразило меня и оставило след на всю жизнь», что он постоянно обращался к Толстому в трудные и решающие минуты, что после смерти писателя его «потянуло к научной работе над Толстым, захотелось проникнуть в тайну его творческого духа», что в этой работе В. И. Срезневский, «едва ли не лучший знаток жизни и творчества Толстого, был превосходным руководителем».[47]

Работая над «Обозрением трудов по славяноведению» (после возвращения из ссылки он не только продолжал активно участвовать в его составлении, но и стал ответственным секретарем издания) и над толстовской библиографией, А. Л. Бем скоро вырос в отличного библиографа и внес значительный вклад как в библиографическую практику, так и в теорию и методику библиографии. В 1915 г. он теоретически обосновал осуществленный вскоре план преобразования «Обозрения» из повременного издания в серию страноведческих ежегодников,[48] а его обзор печатных и рукописных библиографических работ о Толстом «К истории изучения Толстого»[49] вошел в отечественное библиографоведение как интересная попытка теоретического осмысления некоторых вопросов персональной библиографии.

В 1915 г. Альфред Людвигович создал кружок молодых литературоведов, где собирались известные в будущем ученые А. С. Долинин, Е. П. Казанович, поэт и литературный критик В. Н. Княжнин, другие филологи. Впервые Бем посвятил один из докладов на заседаниях кружка творчеству Ф. М. Достоевского - теме, ставшей впоследствии центральной в его научном творчестве.[50] Не порывал А. Л. Бем связей и с семинарием

---

[47] *Бем А. Л.* Письма о литературе... - С. 236, 237.

[48] *Он же.* Библиография славяноведения // Библиологический сборник. - СПб., 1915. - Т. 1. Вып. 1. - С. 40-46.

[49] *Он же.* К истории изучения Толстого: 1. Толстовские общества и их издательская деятельность. 2. Обзор библиографических работ о Толстом. - Пг., 1916. – 63 с. – (Библиологическийсборник. - Т. 1. Вып. 2).

[50] *Горяинов А. Н.* Некоторые новые материалы об А. Л. Беме... - С. 349.

С. А. Венгерова. В начале 1917 г. он прочел там доклад о мотиве, сюжете и содержании художественного произведения. На заседании присутствовали известные в будущем литературоведы Н. Л. Бродский, В. М. Жирмунский, П. Н. Сакулин, Б. М. Энгельгардт, популярный литературный критик Е. А. Колтоновская. В одном из писем А. С. Долинину А. Л. Бем отмечал, что обсуждение прошло очень оживленно и было «скорее успешным», и С. А. Венгеров посоветовал доклад напечатать.[51] Так возникла наиболее важная теоретико-литературная статья А. Л. Бема доэмигрантского периода «К уяснению историко-литературных понятий», где анализируются теоретические положения, содержащиеся в работах А. Н. Веселовского и А. А. Потебни.[52]

Несколько публикуемых писем А. Л. Бема связаны с событиями первой мировой войны. Как свидетельствует Н. П. Анциферов, Бем вместе с российскими социал-демократами верил в способность международного рабочего движения не допустить войны.[53] Но война началась и непосредственно затронула как уходивших на фронт друзей Бема, так и его ближайших родственников - родители Альфреда Людвиговича как прусские подданные были высланы в Вятскую губернию, где уже отбывал ссылку за участие в студенческих волнениях брат Альфреда Людвиговича Отто. Война наложила свой отпечаток и на всю деятельность Библиотеки Академии наук. Отложен был переезд в новое, специально построенное для библиотеки здание, там в 1916 г. был размещен лазарет. Проявлением чувств патриотизма и гуманизма стало решение В. И. Срезневского по совместительству с основной работой встать во главе лазарета, впослед-

---

[51] Там же. - С. 349-350.

[52] *Бем А. Л.* К уяснению историко-литературных понятий // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. - Пг., 1919. - Т. 23. Кн. 1. - С. 225-245.

[53] *Анциферов Н. П.* Из дум о былом... - С. 187-188.

ствии Всеволод Измайлович считал работу в нем одним из важнейших своих достижений.[54]

И А. Л. Бем и В. И. Срезневский стали не только свидетелями, но и, в известной мере, участниками революционных событий февраля 1917 г. в Петрограде. Бем принял их «радостно, бодро и уверенно»; 1 марта он был на улице и до хрипоты спорил, пытаясь утихомирить «слепые страсти», а в последующие дни «втянулся в обывательские организации», вошел в состав районного комитета и вечерами пропадал на заседаниях.[55] Что же до В. И. Срезневского, то он непосредственно участвовал в спасении выброшенных при пожаре из здания Охранного отделения жандармских архивов.[56]

Многие из публикуемых писем А. Л. Бема относятся к периоду гражданской войны в России. Это связано с поездками Бема в Киев, куда Альфред Людвигович вынужден был перевезти семью из голодного Петрограда. Письма в Петроград интересны как свидетельства о положении на Украине в 1918-1919 гг. и особенно о культурной жизни Киева этого времени, они рассказывают также о деятельности Бема в оккупированном немецкими войсками Киеве, где он вынужден был жить с декабря 1917 до лета 1918 г. Как видно из письма от 12 июня 1918 г., Бем мечтал вновь вернуться к своим толстовским штудиям, но в большинстве его киевских писем не упоминается о литературе, что объясняется тяжелыми обстоятельствами жизни семьи Бемов в Киеве и экстремальными событиями в городе.

Последнее письмо А. Л. Бема, отправленное В. И. Срезневскому из Киева, датировано 12 августа 1919 г. Следующее его послание написано после более чем двухлетнего перерыва уже в пражской эмиграции. Причины выезда Бема из России до сих пор точно неизвестны. На вопросы Срезневского супруга Альф-

---

[54] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 338. Ед. хр. 18. Л. 55 об.

[55] *Горяинов А. Н.* Некоторые новые материалы об А. Л. Беме... - С. 350.

[56] *Бонч-Бруевич В. Д.* В. И. Ленин и Библиотека Академии наук // *Бонч-Бруевич В. Д.* Избранные сочинения. - М., 1961. - Т. 2. - С. 453-461.

реда Людвиговича 16 августа 1920 г. ответила очень сдержанно. Она писала, что муж в ноябре 1919 г. уехал из Киева «по делам... на юг» и до сих пор о нем ничего неизвестно.[57] Причины сдержанности понятны: А. И. Бем боялась навредить супругу, хотя, несомненно, знала о том, почему Альфред Людвигович решил уйти от большевиков. Возможно, что Бем работал в это время в Киевском земстве или был как-то связан с этой организацией, поскольку известный эмигрантский философ В. В. Зеньковский вспоминает, что он ехал из Киева в Одессу и далее в Белград вместе с Бемом,[58] а в другом месте отмечает, что выехал из города в вагоне, предоставленном сотрудникам Киевского земства. Поезд с Зеньковским и Бемом отправился 29 ноября, когда выяснилось, что советские войска овладеют Киевом со дня на день. Он сначала шел в Ростов-на-Дону, но, чтобы избежать встречи с красными, вынужден был повернуть на Одессу, куда и прибыл через десять дней.[59] 23 декабря 1919 г. одесским градоначальником А. Л. Бему был выдан заграничный паспорт. В нем он был назван хранителем рукописей Российской Академии наук, командируемым за границу с научной целью, однако эта причина выезда являлась, конечно, фиктивной. В паспорте имеется разрешительный штамп паспортного пропускного пункта отдела генерального штаба белой армии от 9 января 1920 г.[60] 26 января Зеньковский и Бем на английском пароходе выехали из покидаемой врангелевскими войсками Одессы и скоро прибыли в Югославию, после чего Зеньковский «сразу очутился в Белграде».[61] Таким образом, удается и проследить маршрут А. Л. Бема после выезда из Киева, и установить точную дату начала его эмигра-

---

[57] *Горяинов А. Н., Робинсон М. А.* Шесть писем А. Л. Бема и о А. Л. Беме... - С. 99-100.

[58] *Зеньковский В. В.* Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской академической группы в С.Ш.А. - New York, 1994. - Т. 36. - С. 10.

[59] *Зеньковский В. В.* Пять месяцев у власти (15 мая - 19 октября 1919 г.): Воспоминания. - М., 1995. - С. 190-192.

[60] LA PNP. F. A. Bem. Kart. 1.

[61] *Зеньковский В. В.* Пять месяцев у власти... - С. 190-192.

ции - 26 января 1920 г. Если принять версию о работе Альфреда Людвиговича перед эмиграцией в Киевском земстве, оказываются также вполне логичными свидетельства документов из личного дела А. Л. Бема[62] о его работе в первые месяцы эмиграции в белградском филиале Земско-городского комитета.

Видимо, в конце ноября 1920 г. А. Л. Бем перебрался в Варшаву. И условия его жизни в Польше, и обстановка в России, где остались его близкие, были неустойчивыми, а перспективы - неясными. Бем принимал участие в литературном кружке «Таверна поэтов», но основной сферой его деятельности на польском этапе эмиграции была политическая борьба против укрепляющегося в России большевизма. Альфред Людвигович ведет ее на страницах русской «политической, литературной и общественной» газеты «Свобода» (с ноября 1921 г. – «За свободу»). В этой газете, основанной видным эсером Б. Савинковым (1879–1925), Бем, примкнув к эсеровской по идеологии Крестьянской партии, публикует серию динамичных, лапидарных и несколько категоричных по оценкам статей, стиль которых как бы соответствует стремительному ходу исторических событий. Собирая материал для своей критики большевистского режима, он учится «читать между строк» советскую печать, и делает на этой основе острые замечания и интересные выводы, касающиеся положения в России, прежде всего, советской экономики. Показывая разруху на родине, вызванную политикой большевистских властей, Бем в то же время часто критикует нерешительность и равнодушное отношение стран Западной Европы к событиям в России. Он пишет также о повседневной жизни русской диаспоры в Польше, информирует о значительных культурных и научных событиях, выступает в газете в связи с различными юбилеями и годовщинами. С особой горечью Бем рассказывает о бедственном положении работников культуры и, в частности, своих бывших коллег–ученых. Лучшей системой общественных отношений Альфред Людвигович считает парламентскую демократию, в рамках

[62] LA PNP. F. A. Bem. Kart. 1.

которой в наибольшей степени обеспечивается свободное волеизъявление каждого члена общества. Выражая свое категорическое несогласие со строем, установленным большевиками, он одновременно столь же решительно выступает против реставрации самодержавия.[63]

В январе 1922 г. по приглашению чехословацкого правительства Альфред Людвигович переехал в Прагу. В рамках так называемой «русской акции» - программы поддержки эмигрантов из России,[64] он получил стипендию Министерства иностранных дел Чехословакии и место преподавателя русского языка в Карловом университете. Преподавательская деятельность А. Л. Бема в старейшем среднеевропейском университете началась в 1922/1923 учебном году. Он, согласно программе, должен был вести практические занятия по русскому языку для начинающих (3 часа в неделю), разговорные практические занятия по тому же предмету для продолжающих обучение (2 часа в неделю) и курс «с изложением важнейших сочинений русской литературы» (2 часа в неделю). [65]

После почти двухлетних скитаний А. Л. Бем получил, наконец, постоянное пристанище. Как следует из публикуемых писем, в начале 1923 г. он сумел выписать к себе из России семью.[66] Хотя Чехословакия и не в состоянии была полностью заменить Альфреду Людвиговичу родину, однако его новое положение вселяло надежды на постоянство жизненных условий и привлекало возможностью академической работы. Бем быстро нашел новые и восстановил старые научные контакты, наладил

---

[63] Подробнее о политических взглядах и варшавском периоде жизни А. Бема см: *Бубеникова М.* А. Бем – homo politicus // Prague Perspectives I. – Prague, 2004. – С. 390-409.

[64] О «русской акции» подробнее см.: *Сладек З., Белошевская Л. и кол.* Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918-1939). - Прага, 1998. – 343 с. и др.

[65] Archiv Karlovy univerzity, Praha. F. A. Bem.

[66] Впервые А. Л. Бем упоминает о приезде к нему жены и дочерей в письме В. И. Срезневскому от 3 марта 1923 г.

сотрудничество с коллегами и в результате смог в пражских условиях продолжить, хотя и в несколько ограниченном и модернизированном виде, свою личную научную программу. Очень характерно высказывание А. Л. Бема в письме к В. И. Срезневскому от 3 октября 1922 г. «я здесь живу так, точно нахожусь в академической командировке...». Оно не только символично для всей эмигрантской жизни Бема, но и наилучшим образом свидетельствует о его устремленности к литературоведческим исследованиям. Вместе с тем, приглашение в Карлов университет и особенности эмигрантской жизни обусловили новые, впервые проявившиеся в Чехословакии педагогические акценты в деятельности А. Л. Бема - он стал много внимания уделять воспитанию и духовному развитию молодого поколения. Эта новая для Бема сторона деятельности проявилась не только в Карловом университете, но и в русском Педагогическом институте имени Я. А. Коменского, где А. Л. Бем преподавал в 1923-1924 годах историю русской литературы, и в литературной группе «Скит поэтов» (позднее «Скит»), руководимой им на протяжении почти двадцати лет (1922-1940 гг.). На заседаниях в «Ските» А. Л. Бем познакомил с теорией литературы и стиха несколько поколений молодых русских поэтов и прозаиков. Совместно с другими членами группы он участвовал в обсуждении особенностей тогдашнего русского литературного процесса; в ходе этих обсуждений Бем учил использованию возможностей и постижению способов авторской саморефлексии, критическому подходу к литературным произведениям других авторов. В 1929-1937 гг. А. Л. Бем поддержал издание серии непериодических сборников «Скит», где помещались произведения членов группы.[67] С педагогическим направлением деятельности А. Л. Бема в эмиграции связа-

[67] Подробнее о «Ските» см.: *Белошевская Л.* Пражский «Скит»: Попытка реконструкции // Rossica. – 1995. - № 1. - С. 61-71; Вокруг «Скита» / Публикация О. М. Малевича // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. - СПб., 1998. - С. 175-247; *Белошевская Л.* Молодая эмигрантская литература в Праге: (Объединение «Скит»: Творческое лицо) // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике. - Прага, 1999. - С. 164-203.

ны также его работа в Русском педагогическом бюро по делам средней и низшей школы за границей, сотрудничество в журналах «Русская школа за рубежом» (Прага, 1923-1929) и «Вестник Русского педагогического бюро» (Прага, 1927-1931).

Первоначально очень существенную моральную поддержку эмигрантам из России оказывали различные культурно-просветительные организации и общества русского зарубежья. Для А. Л. Бема активное участие в их работе стало необходимым исходным пунктом будущего непосредственного общения с представителями чехословацкого общества. Важнейшее значение в этом смысле имел для него Русский народный (позднее свободный) университет в Праге (1923-1946), при котором А. Л. Бем создал в 1925 г. Семинарий по изучению творчества Ф. М. Достоевского. На протяжении всего периода существования семинария (1925-1933) Бем был его секретарем и определял научную программу. В этой работе он мог опереться на собственный петербургский опыт руководства кружком молодых литературоведов и участия в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова. Семинарий по изучению творчества Ф. М. Достоевского был интердисциплинарным. В его работе принимал участие целый ряд выдающихся литературоведов, историков и философов (Д. И. Чижевский, А. В. Флоровский, С. И. Гессен, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский и другие). Ученые анализировали эпоху и наследие Достоевского с точки зрения своих научных дисциплин, причем на их видение и восприятие творчества великого русского писателя достаточно сильно воздействовал психоанализ З. Фрейда, широко «популяризировавшийся» в семинаре психиатром Н. Е. Осиповым. А. Л. Бем, выступивший с наибольшим количеством докладов, пытался в ряде своих сообщений теоретически осмыслить проблему границы между психоанализом и литературоведением; он исходил при этом из необходимости сохранения автономии литературоведческого анализа произведения. В центре внимания Альфреда Людвиговича, как и в петербургский период творчества, был анализ «параллелей» и своеобразных «преломлений» основных образов и мотивов мировой литературы (Фауст, Гамлет, Дон-Кихот, Макбет и другие)

в произведениях русской классической литературы. Семинарий в свое время воспринимался как важный противовес более традиционной религиозно-философской интерпретации творчества Ф. М. Достоевского. Важнейшие выступления на заседаниях впоследствии были опубликованы в трех сборниках «О Достоевском».[68] Третий из них с подзаголовком «У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский» включал только работы А. Л. Бема.[69] В рукописи сохранился четвертый сборник, также составленный исключительно из статей Бема, его издание не было осуществлено в виду второй мировой войны, и сборник был опубликован лишь много лет спустя.[70] Семинарий, руководимый А. Л. Бемом, в значительной

---

[68] Два первых сборника (Прага, 1929-1933) содержат статьи: Сб. 1. - *Чижевский Д. И.* К проблеме двойника: (Из книги о формализме в этике), *Осипов Н. Е.* «Двойник: Петербургская поэма» Достоевского (заметки психиатра), *Зеньковский В. В.* Гоголь и Достоевский, *Бем А. Л.* Драматизация бреда: («Хозяйка» Достоевского), *Лапшин И. И.* Как сложилась Легенда о Великом Инквизиторе, *Завадский С. В.* Новое определение драмы в свете романа Достоевского, *Плетнев Р. В.* Земля: Из работы «Природа в творчестве Достоевского»; Сб. 2 – *Бем А. Л.* Достоевский - гениальный читатель, *Бицилли П. М.* Почему Достоевский не написал «Жития великого грешника»?, *Лапшин И. И.* Комическое в произведениях Достоевского, *Чижевский Д. И.* Достоевский - психолог, *Плетнев Р. В.* «Сердцем мудрые»: (О старцах у Достоевского), *Зеньковский В. В.* Федор Павлович Карамазов, *Горак* Ю. «Дети сатаны» Пшибышевского и Достоевский. Во втором сборнике помещен также написанный А. Л. Бемом отчет о деятельности Семинария по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге (1925-1933) и в приложении «Словарь личных имен у Достоевского», составленный А. Л. Бемом, С. В. Завадским, Р. В. Плетневым и Д. И. Чижевским под общей редакцией Бема.

[69] Сборник (Прага, 1936) содержал статьи: «Горе от ума» в творчестве Достоевского, «Пиковая дама» в творчестве Достоевского, «Скупой рыцарь» в творчестве Достоевского, «Шинель» и «Бедные люди», «Нос» и «Двойник», Толстой в оценке Достоевского, Художественная полемика с Толстым.

[70] См.: O Dostojevském: Sborník statí a materiálů. - Praha, 1972. Сборник вышел в свет в неблагоприятных условиях так называемой «нормализации» после трагических августовских событий в Чехословакии в 1968 г. Это было полуподпольное издание, ни на его обложке, ни на титульном листе не было возможности напечатать даже фамилию Бема, автору вступительной статьи, видному чешскому специалисту по Достоевскому Ф. Каутману, пришлось

степени инициировал создание в Праге в марте 1930 г. международного Общества имени Достоевского, организовать которое предложили, положительно отзываясь о первом сборнике «О Достоевском», выдающиеся представители русской зарубежной науки - Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, П. М. Бицилли, А. А. Кизеветтер, С. Л. Франк; их поддержали авторитетные деятели чешской науки и культуры во главе со славистом Йиржи Гораком. А. Л. Бем состоял секретарем Общества вплоть до его закрытия в мае 1939 г.[71]

Деятельность А. Л. Бема в Семинаре по изучению творчества Ф. М. Достоевского, его регулярное сотрудничество в научных журналах «Slavia» и «Germanoslavica», наконец личное обаяние этого «тихого, мягкого человека, типичного русского интеллигента начала века»,[72] отлично владевшего немецким и быстро освоившего чешский язык, постепенно завоевали А. Л. Бему симпатии ученых в Чехословакии и за ее пределами. К началу 1930-х годов Альфред Людвигович уже был известен как автор многочисленных научных статей, вышли в свет его первые монографии на русском и чешском языках – «К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского» (Прага, 1928) и «Tajemství osobnosti Dostojevského» (Praha, 1928).

продолж..

подписаться псевдонимом «Франтишек Беран». Все же в книге удалось поместить портрет Бема и краткую «Библиографию работ А. Л. Бема о Достоевском», составленную С. В. Беловым. Значение сборника состоит в том, что эта книга открыла и сделала хотя бы отчасти доступным творчество А. Л. Бема для литературоведов Советского Союза и находившихся под советским диктатом стран Восточной Европы. В сборник вошли статьи «Первые шаги Достоевского», «Эволюция образа Ставрогина», «Гюго и Достоевский», «Перед лицом смерти», «Фауст в творчестве Достоевского», «Чужая беда в творчестве Достоевского», «Личные имена у Достоевского» и словарь личных имен к «Дневнику писателя».

[71] Более подробно о международном Обществе имени Достоевского см.: *Плетнев Р.* Воспоминания о первом международном обществе имени Ф. Достоевского // Записки Русской академической группы в С.Ш.А. - New York, 1981. - С 7-25; Эмигрантский период жизни и творчества Альфреда Людвиговича Бема: Каталог выставки. - СПб., 1999. - С. 8-9.

[72] *Морковин В.* Воспоминания // Русская литература. - М., 1993. - № 1. - С. 213.

Формальным выражением признания научного авторитета А. Л. Бема стал его прием в члены двух престижных организаций, работавших в 1930-е годы в Праге - Славянского института (1931 г.) и Пражского лингвистического кружка (1933 г.). Коренным образом отличаясь друг от друга, оба эти сообщества ученых сыграли важную роль в истории мировой науки. В то время как Славянский институт был центром изучения фольклора, истории, языков и литератур славянских народов в традиционных направлениях, Пражский лингвистический кружок стал местом рождения чешского структурализма. Как известно, на развитие последнего направления значительное воздействие оказали представители русской «формальной школы» филологической науки. Пражский лингвистический кружок объединил выдающихся чешских и иностранных лингвистов и литературоведов, занимавшихся структурно–функциональным анализом языковых и литературных явлений. В кружке выступали с докладами Я. Мукаржовский, Р. Веллек, Э. Гуссерль и др., в том числе представители русской эмиграции Д. Чижевский, Р. Якобсон, П. Богатырев, Н. Трубецкой, Л. Копецкий. А. Л. Бем прочитал в кружке четыре доклада: 6 декабря 1932 г. «Личные имена у Достоевского», 29 января 1934 г. «К вопросу литературных влияний», 10 октября 1934 г., вместе с Рене Веллеком, «Дискуссия о методологических проблемах в работе Я. Мукаржовского о М. З. Полаке» и 3 февраля 1936 г. «Метод мелких наблюдений в литературоведении». Сотрудничество А. Бема с Славянским институтом состояло прежде всего в его работе секретарем «Собрания по изучению жизни и творчества Ф.М. Достоевского», существовавшем при Институте.

Несмотря на успехи в научной и научно-педагогической деятельности, достигнутые А. Л. Бемом в годы эмиграции, невзирая на полученные Альфредом Людвиговичем конкретные результаты исследований, его, по свидетельству писем к В. И. Срезневскому, не покидало чувство одиночества и отчаяния из-за «разнообразия и часто бессмысленности дел» (письмо от 4 февраля 1927 г.), «случайной жизни», которая выпала на его долю (письмо от 17 августа 1927 г.) и «полной оторванности от работников

в той же области» в России (письмо от 3 мая 1929 г.). Бем был убежден, что «без непосредственного общения в своей научной работе поневоле идешь иными путями», чем оставшиеся на родине ученые, что искусственно созданный разрыв приводит к трагическому положению, при котором «перестаем понимать друг друга». На протяжении всех лет, прожитых в Праге, А. Л. Бем мечтал о возвращении в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук, о новом приобщении к благожелательному коллегиальному общению с тамошними работниками, он бережно хранил в сердце светлые образы первых своих библиотечных руководителей А. А. Шахматова и В. И. Срезневского. Причина отчаяния и грусти Бема видна из его высказывания конца 1934 г.: «Сколько начатых планов и работ пришлось мне оставить. Когда увидел издание переписки Л. Н. Толстого и Н. Н. Ге, почувствовал очень остро, как мне, несмотря на все прошедшие годы, трудно примириться с мыслью об оставленной работе» (письмо от 13 декабря 1934 г.).

Судя по публикуемым письмам, А. Л. Бема удручало то, что могло показаться посторонним наблюдателям проявлением жизнеспособности его дарования: Бем негативно относился к слишком большому разнообразию своих литературных и внелитературных интересов и работ, явившемуся следствием нелегких условий жизни в эмиграции. Тем не менее он, выполняя свой гражданский долг, принимал участие в деятельности не только научных, но и многих общественно-политических, культурно-просветительных обществ и организаций русской эмиграции: с начала 20-х годов по 1933 г. входил в партию «Крестьянская Россия» и в 1922-1924 гг. редактировал издаваемый этой партией одноименный сборник, был членом Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, внес значительный вклад в деятельность Чешско–русского объединения («Чешско–русской Едноты»),[73] принимал участие в праздновании Дней русской культуры.

---

[73] Более подробно см.: *Бубеникова М.* «Чешско–русскаяЕднота» в собраниях

Альфред Людвигович сотрудничал с лучшими чешскими литературно-критическими журналами и газетами, публикуя здесь популярные статьи и заметки о русской литературе, очерки о крупнейших представителях классической и современной литературы России (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, М. Горький, С. А. Есенин, А. А. Блок и др.). На протяжении четырнадцати лет А. Л. Бем писал статьи для лучшего чешского энциклопедического словаря «Отто» (Прага, 1930-1943). Он популяризировал среди русских эмигрантов чешскую литературу, публикуя на русском языке статьи, посвященные творчеству некоторых чешских поэтов (П. Безруч, О. Бржезина, К. Г. Маха).[74]

Популярные статьи Альфреда Людвиговича систематически публиковались также в русской зарубежной периодике - лучшим результатом этого сотрудничества его с прессой является серия эссе, полемических и юбилейных статей, рецензий, заметок, преимущественно о русской литературе 1930-х годов. Материалы серии печатались в 1931-1939 гг. под общим названием «Письма о литературе» в газетах «Руль» (Берлин, 1931), «Молва» (Варшава, 1932-1934), «Меч» (Варшава, 1934-1939). Они представляют интерес до настоящего времени и в середине 1990-х годов вышли отдельной книгой.[75]

100-летнюю годовщину смерти А. С. Пушкина А. Л. Бем встретил сборником своих популярных статей «О Пушкине» (Ужгород, 1937), вместе с Р. О. Якобсоном он подготовил к юбилею четырехтомник произведений Пушкина на чешском языке.[76] Архив А. Л. Бема содержит большое количество писем

продолж..

пражских архивов // Russia in Czech Historiography. - Prague, 2002. С. 375-396; *Она же.* К истории «Чешско-русской Едноты» (по материалам Литературного архива Музея национальной письменности в Праге) // Зарубежная Россия 1917-1939. – СПб., 2003. – Кн. 2. – С. 349–355.

[74] См. подробнее: *Bubeníková M., Vachalovská L.* Alfréd Ljudvigovič Bém (1886-1945?): Bibliografie. – Praha, 1995 - 124 s.

[75] *Бем А. Л.* Письма о литературе. - Praha, 1996. – 366 с.

[76] *Puškin A. S.* Vybrané spisy A. S. Puškina. - Praha, 1936-1938. – Sv. 1-4.

многих выдающихся представителей русской и мировой науки и культуры. Он переписывался с философами Н. О. Лосским, В. В. Зеньковским, Ф. А. Степуном, писателями А. М. Ремизовым, Вяч. Ив. Ивановым, Ю. П. Иваском, З. Н. Гиппиус, В. Ф. Ходасевичем, литературоведами и лингвистами Ю. И. Айхенвальдом, Д. И. Чижевским, Е. А. Ляцким, А. Лютером, Г. Струве, М. Фасмером и др.

В годы пражской эмиграции А. Л. Бему удалось достичь значительных успехов в научной работе, в популяризаторской и преподавательской деятельности. Его связи были очень широкими, он общался со многими выдающимися людьми. Однако в своем последнем письме к В. И. Срезневскому от 20 июля 1936 г. Бем вновь отмечает: «Я должен сказать, что такого сотрудничества, как с Вами, я уже никогда не смогу осуществить. Мне здесь в моей научной работе пришлось и приходится очень трудно. ... недавно исполнилось 25 лет моей литературной деятельности, да и мне уже исполнилось в мае пятьдесят. А сделано очень немного из того, что мечталось и хотелось... » За этими словами чувствуются и большая требовательность к себе, и непреходящая боль от возможной потери соавтора и учителя, с которым они уважали и всегда хорошо понимали друг друга.

С конца 1922 г. сохранились письма В. И. Срезневского к А. Л. Бему. Они показывают, что чувства дружбы и уважения двух ученых были взаимными. Срезневский пишет о своих усилиях добиться публикации оставшихся в России неизданных работ А. Л. Бема, о встрече с его братом, который в июле 1919 г. вступил в Коммунистическую партию, а летом 1922 г. был назначен начальником Главного управления социального воспитания Народного комиссариата просвещения и членом коллегии Наркомпроса,[77] делится своими семейными и личными переживаниями. Однако основное содержание писем Срезневского - тя-

[77] Подробнее об О. Л. Беме см.: *Буня М.* Он был среди первых // Красное знамя. - Глазов, 1966. - 28. XI; *Глушков В.* Согласие // Учительская газета. - М., 1980. - 19.IV.

желая обстановка в дорогой ему библиотеке и попытки разрушить возглавляемое ученым Рукописное отделение.

В Советской России судьба Всеволода Измайловича поначалу складывалась благополучно. В значительной степени он, видимо, обязан этим поддержке В. Д. Бонч-Бруевича, занимавшего при В. И. Ленине пост управляющего делами Совета народных комиссаров и сохранившего некоторое влияние после его кончины. Бонч-Бруевич неоднократно писал о В. И. Срезневском как об ученом «стойких демократических убеждений», который, «рискуя собственным существованием», помогал революционерам скрывать от полиции архивы и распространять нелегальную литературу.[78] Он неизменно поддерживал Срезневского: добился, например, по его просьбе личного распоряжения Ленина о содействии местных властей в реэвакуации в Петроград вывезенных ранее в Саратов рукописей академической библиотеки,[79] писал о заслугах Всеволода Измайловича в различных вариантах своих воспоминаний, составил несколько справок-характеристик о личности ученого и о его содействии большевикам, а в самые тревожные для Всеволода Измайловича месяцы, о которых речь пойдет ниже, писал ему, что рассказывает о его «прекрасных делах 1905-6 гг. и в следующих годах» «решительно везде».[80]

Казалось, признанные большевистскими властями революционные заслуги и поддержка Бонч-Бруевича должны были обеспечить В. И. Срезневскому спокойное существование и плодотворную работу в Рукописном отделении. Однако этого не случилось. Сначала Срезневский не нашел общего языка с назначенным в 1925 директором Библиотеки Академии наук (с 1921 г. эта должность стала единой для всей библиотеки) академиком С. Ф. Платоновым [81], которому не мог простить, в частности, от-

---

[78] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 206. Ед. хр. 7. Л. 41.

[79] *Бонч-Бруевич В. Д.* Владимир Ильич и Всесоюзная Академия наук... - С. 23-26.

[80] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 206. Ед.хр. 7. Л. 2.

[81] Близкие В. И. Срезневского называли Платонова его «постоянным врагом»

странения от руководства Толстовским музеем в Петербурге, перешедшим после революции в ведение Библиотеки Академии наук.[82] Основным фоном писем Срезневского Бему за 1926-1927 годы служит переживаемая ученым драма, вызванная неприятием стиля руководства Платонова и изменением общей обстановки в библиотеке.

Однако, основная трагедия ученого была еще впереди. Она отразилась в переписке лишь косвенно - полным отсутствием писем Срезневского, дошедших до Альфреда Людвиговича в 1928-1932 гг. Составить представление о происшедшем можно по письмам В. И. Срезневского и Н. А. Вукотич В. Д. Бонч-Бруевичу. Если письма А. Л. Бему проникнуты лишь чувством личной обиды на библиотечное начальство, то события 1929-1931 годов, о которых сообщается в письмах бывшему приближенному В. И. Ленина, рисуют невыносимую атмосферу в Библиотеке Академии наук, созданную И. В. Сталиным и другими высшими большевистскими руководителями, избравшими академическую библиотеку основной ареной борьбы за подчинение Академии наук партии и государству. Разгром был учинен в связи с так называемым «Академическим делом», сфабрикованным против нескольких академиков и многих сотрудников академических учреждений. После «раскопок» «во всех хранилищах Академии» созданными комиссиями, [83] было организовано политическое «дело» о хранении в Академии наук якобы неизвестных властям важнейших документов царской семьи (в действительности, как теперь выяснено, в Москву об этих документах было сообщено задолго до «Академического дела»).[84] Главой антисоветской организации, якобы существовавшей в Академии, был объявлен Платонов. Поскольку речь в «обвинительном заключе-

продолж.:

(ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 252. Ед. хр. 51. Л. 4).

[82] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 338. Ед. хр.18. Л. 9-10 об.

[83] Там же. Ф. 369. Карт. 252. Ед. хр. 51. Л. 14-15об.; Ф. 345. Карт. 2. Ед. хр. 4. Л. 4.

[84] Академическое дело, 1929-1931 гг. – СПб, 1993. - Вып. 1. - С. XXVI-XXVII.

нии» шла о рукописных материалах, следователи вплотную занялись «чисткой» Рукописного отделения. От ареста Всеволода Измайловича спасло, видимо, его известное всем негативное отношение к деятельности бывшего директора и, может быть, какое-то заступничество Бонч-Бруевича. В. И. Срезневский остался на свободе и даже писал о хорошем отношении к нему непосредственного руководителя антиакадемической акции, видного коммунистического функционера Ю. П. Фигатнера, однако 5 из 12 его сотрудников были арестованы. В отношении ученого были применены меры устрашения с целью заставить его покинуть любимую работу. Его обвинили в собирании белогвардейских изданий, произвели в его столе обыск в присутствии одного из подчиненных.[85] Руководство библиотеки совершенно перестало считаться с мнением Срезневского. «У нас в библиотеке трудно и тяжело, - писал Всеволод Измайлович Бонч-Бруевичу 8 января 1930 г. - Многие новые люди, и между ними далеко не все удовлетворительны... Сменивший Платонова - помощник директ[ора] Публ[ичной] б[иблиоте]ки Яковкин, - не лучше своего предшественника, даже, пожалуй, хуже... я все время жду удара из-за угла... Вы знаете, как дорого мне Рукоп[исное] отд[еление], мною созданное, ведь это плод моей жизни».[86] В другом письме Срезневский отмечал, что «здесь все делается шито-крыто, почему-то необычайно поспешно, без проверки».[87]

Стиль работы нового директора библиотеки Яковкина, отмеченный Срезневским, объяснялся, видимо, поставленными перед ним задачами: от него ждали немедленного выполнения указаний Политбюро, принявшего 5 ноября 1929 г. специальное решение в связи с так называемым «обнаружением» в Библиотеке Академии наук «политических» документов. Пункт «г» постановления Политбюро предлагал «направить все документы, обнаруженные в Академии наук, по принадлежности...».[88] В со-

---

[85] РГАЛИ. Ф. 436. Оп.1. Д. 2533. Л. 4.

[86] ОР РГБ. Карт. 338. Ед. хр. 17. Л. 103-104.

[87] Там же. Л. 115-116.

[88] Академическое дело, 1929-1931 гг. – СПб., 1993. - Вып. 1. - С. XXIX.

ответствии с ним был разработан план перераспределения рукописных материалов и создана комиссия Президиума Академии наук (Всеволод Измайлович с обидой писал Бонч-Бруевичу, что его в эту комиссию не включили),[89] занимавшаяся практическим осуществлением плана. Комиссия определила Рукописное отделение как хранилище преимущественно рукописной книги. Личные фонды ученых, писателей и общественных деятелей передавались в Архив Академии наук и Пушкинский Дом, фонды государственных учреждений, политических, партийных и государственных деятелей - в государственные архивы, акты и хозяйственные книги XVI-XVII вв. - во вновь создаваемый Историко-археографический институт.[90] Богатейшая коллекция подпольных революционных изданий (по подсчетам Срезневского, только листовок в ней насчитывалось около 40 тысяч) [91] должна была быть, по свидетельству Бонч-Бруевича, «передвинута» в Институт Ленина.[92]

Разумеется, о решении Политбюро Срезневский знать не мог, а поэтому оценивал все происходящее как неразумные инициативы Яковкина и его окружения. Он подал Общему собранию докладную записку в защиту Рукописного отделения,[93] просил Бонч-Бруевича помочь ему «своим веским словом»,[94] надеялся на помощь Фигатнера и Луначарского...[95] Лишь летом 1931 г. Всеволод Измайлович окончательно понял невозможность сохранить Отделение хоть сколько-нибудь похожим на ту «жемчужину», какой она, по его словам, считалась ранее.[96] В октябре он вышел на пенсию, но еще в течение почти пяти лет продол-

[89] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 338. Ед. хр. 18. Л. 1.

[90] *Копанев А. И.* Всеволод Измайлович Срезневский... - С. 140.

[91] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 338. Ед. хр. 18. Л. 9-10об.

[92] Там же. Карт. 252. Ед. хр.7. Л. 4об.

[93] Там же. Карт. 338. Ед. хр. 17. Л. 115-116.

[94] Там же. Л. 108.

[95] Там же. Л. 119.

[96] Там же. Л. 108.

жал научную работу, о которой сообщает А. Л. Бему в письмах 1932-1935 годов. Последнее письмо Всеволод Измайлович написал Бему за полтора месяца до смерти. Прочел ли он трогательный ответ Альфреда Людвиговича, неизвестно: письмо Бема было отправлено за девять дней до кончины Срезневского.

Смерть Всеволода Измайловича Срезневского осталась незамеченной, о чем, видимо, позаботились партийные органы. Попавший в опалу ученый не удостоился даже некролога, первая статья о нем появилась лишь в 1973 г.[97] Между тем, научное творчество В. И. Срезневского достойно дальнейшего изучения не менее, чем творчество А. Л. Бема.

Альфред Людвигович Бем пережил своего учителя и дожил до конца второй мировой войны. В его биографии периода немецко-фашистской оккупации Чехословакии многое еще остается неясным. Известно, что в связи с закрытием оккупационными властями чешских высших учебных заведений он лишился работы в Карловом университете и вынужден был преподавать русский язык в одной из пражских гимназий, на языковых курсах, давать частные уроки. Хотя ему довелось участвовать в написании выдержавшего несколько изданий учебника русского языка[98] и в подготовке публикации в связи со столетием со дня смерти М. Ю. Лермонтова,[99] он почти лишился возможности публиковать свои работы. В это нелегкое для него время Бем читал много лекций. Он, в частности, подготовил для Семинария по изучению русской литературы Русского свободного университета в Праге серию лекций об известных писателях – Д. И. Фонвизине, Г. Р. Державине, Н. М. Карамзине, А. А. Фете, И. С. Тургеневе и др. Планы, заметки, выписки и другие мате-

[97] *Копанев А. И.* Всеволод Измайлович Срезневский... - С. 214-245. См. также: *Горяинов А. Н.* Всеволод Измайлович Срезневский и Библиотека Академии наук // И. И. Срезневский и современная славистика..., - С. 50-57.

[98] Русское слово: Učebnice pro školu a dům. - Прага, 1940. - 323 с.

[99] *Лермонтов М. Ю.* Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. - Прага, 1941. - 60 с.

риалы к этим лекциям, обычно приуроченные к их памятным годовщинам, сохранились в архиве Славянской библиотеки в Праге.[100] Последним результатом научных занятий Бема оказалась работа «Церковь и русский литературный язык», изданная в виде репринта.[101]

Тяжелое материальное положение, ставшее к концу войны почти невыносимым, заставило Бема в январе 1945 г. принять приглашение на работу в библиотеку немецкого фонда Рейнхардта Гейдриха («Reinhard Heydrich Stiftung»), созданного оккупационными властями в целях ликвидации независимой чешской науки и занявшего помещения закрытых чешских учебных заведений; это очень скомпрометировало Бема в глазах чешских коллег.

После освобождения Праги от немецкой оккупации А. Л. Бем был вместе со многими другими русскими эмигрантами арестован советскими спецслужбами и его дальнейшая судьба неизвестна.[102] Как и в случае со Срезневским, уделом Бема стало забвение. Труды ученого с 1920-х годов не издавались на его родине, с 1945 - оказались под запретом в Чехословакии. Бем-ученый исчез из поля зрения нескольких поколений литературоведов, память о нем сумел сохранить только узкий круг специалистов по русской классической литературе, преимущественно по Ф. М. Достоевскому.

Изучение вклада в литературоведение Альфреда Людвиговича Бема началось только в начале 1990-х годов, но, в отличие от исследования творчества Всеволода Измайловича Срезнев-

---

[100] См.: *Бубеникова М.* Неизвестная работа А. Л. Бема о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева // Зарубежная Россия. 1917-1945. Кн. 3.- СПб., 2004. – С. 294--299.

[101] *Бем А. Л.* Церковь и русский литературный язык. - Прага, 1944. - 65 с.

[102] *Bubeniková M.* K osudu Alfréda Béma za druhé světové války // *Bystrov V.* Z Prahy do GULAGu aneb prekáželi. - Praha, 1999. - C. 317-322; *Она же* О судьбе А. Л. Бема после Второй мировой войны // Записки Русской Академической Группы в С.Ш.А. – Нью Йорк, 2001–2002. – Т. 31. – С. 327–329.

ского, развивается интенсивно. Хочется верить, что настоящая публикация станет новым шагом на пути изучения трудов и взаимных связей двух выдающихся ученых, обогативших как русскую, так и чешскую науку.

Переписка

1 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев,] 18. III. [1911].

Глубокоуважаемый Всеволод Измайлович!

Спасибо за привет, мне он особенно дорог теперь вдали от Питера. Отделался я сравнительно легко во всей этой истории, но еще трудно учесть все ее последствия. Охотно отсидел бы несколько месяцев, лишь бы не высылали из Петербурга.[103] Сомневаюсь, чтобы мне разрешили скоро въезд, думаю, не раньше, чем выяснится отношение ко всем высланным исключенным. В Киеве закрыли до сентября Публичную библиотеку, единственное доступное книгохранилище, по случаю перевода в новое здание. Благодаря этому мой единственный заработок – библиография у Бенешевича[104] – подорван в корне. Правда, я за этот месяц успел сделать много выписок, но в будущем месяце сижу без дела. После долгих раздумий решил ехать в Москву и работать в Румянцевском музее.[105] Там я смогу и заняться собственными работа-

---

[103] Речь идет о студенческих волнениях, начавшихся 30 ноября 1910 г. сходкой протеста в Петербургском университете против издевательств над политическими заключенными, переросшей в общестуденческую забастовку. Среди студентов многие были арестованы, разгрому подвергся руководивший забастовкой Коалиционный комитет. А.Л. Бем, который активно работал в Киевском студенческом землячестве, был сначала арестован, а затем выслан из Петербурга, и уехал в Киев.

[104] Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938), историк права, византинист, археограф. С 1909 г. был профессором Петербургского университета и других учебных заведений. А. Л. Бем участвовал в составлении библиографических ежегодников за 1908–1913 годы «Обозрение трудов по славяноведению» (СПб., 1909–1918), выходивших под редакцией Бенешевича.

[105] Москву А. Л. Бем посетил в июле 1911 г., там он пробыл две недели (ОР и РК РНБ. Ф.1304. Д. 23. Л.6).

ми, для к[ото]рых здесь ни условия, ни обстановка не благоприятствуют. Если не удастся осенью вернуться в Питер, то, вероятно, устроюсь в Москве, м[ожет] б[ыть] найду подходящий заработок. Пробивался ведь в Петербурге, пробьюсь и в Москве; первое время будет трудновато. В Москву поеду в начале мая, пробуду месяц-другой. Осенью же, когда выяснится положение, придется окончательно устраиваться. Жаль, что с Толстовским музеем так вышло, мне это было дорого само по себе.[106] Первые дни было особенно невесело, теперь свыкся. Относительно счетов о рукописи. Нед[авно] я Вам писал, что по моим [расчетам] выходит 25 рубл[ей] всего. Пересылаю еще дополнительный счет Ал[ексею] Ал[ександровичу],[107] т[а]к к[а]к оказалась большая нужда в деньгах, чем я предполагал; думал взять пока часть, но дело не выходит. Поклон г[оспо]же Вукотич[108] и ее сыну. Всего доброго. А. Бем

P.S. Пересылаю Вам бандеролью сектантскую брошюру, очевидно новоизраильтян, м[ожет] б[ыть] ее нет в Вашей сектант-

---

[106] А. Л. Бем сожалеет, видимо, о невозможности принимать участие в работе Толстовского музея в Петербурге (был открыт для посещения 27 марта 1911 г.). Впоследствии Бем опубликовал целый ряд работ о Л. Н. Толстом, одна из них напечатана в «Толстовских ежегодниках», издававшихся Толстовскими музеями Москвы и Петербурга в 1911–1914 гг. (См.: Толстовская библиография за 1912 г. / Сост. под ред. А. Л. Бема // Толстовский ежегодник 1913 г. - СПб, [1914]).

[107] Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), академик, был с 1899 г. директором Первого (Русского) отделения Библиотеки Академии наук и с 1906 г. председательствовал в Отделении русского языка и словесности Академии. До 1915 г. он осуществлял общее наблюдение за составлением «Обозрения трудов по славяноведению» и через него шло финансирование издания.

[108] Вукотич Наталья Алексеевна (1868 – не ранее 1936), заведующая Журнальным отделом Первого отделения Библиотеки Академии наук, гражданская жена В. И. Срезневского.

ской коллекции. Она распространялась во время юбилея 19-го февр[аля][109] на Владим[ирской] улице к[аким]-то прохожим.

Дайте кому-нибудь переписать карточки новых поступлений на большие карточки и в инвентарь – их тогда можно включить в каталог. Карточки 37-го шк[афа], если окажется неудобно держать в отд[ельной] коробке, можно тоже соединить снова с оставшимися.

А. Б.

2 [А. Бем В. Срезневскому]

13. IV. [1]911.

Глубокоуважаемый Всеволод Измайлович!

Я до сих пор не послал Вам расписку в получении денег – личные дела совсем меня сбили с толку – спешу исправить свою небрежность. Получил «Описание рукописей»,[110] большое спасибо. Вам Алексей Александрович, вероятно, говорил, что мне воспрещено жительство в Киеве.[111] Это запутывает еще больше мои дела. Не успеваю, это отражается на работе – за все время здесь почти ничего не сделал. Обидно. Получил в городе урок, придется из-за него приезжать, что отнимет много времени. Думаю поселиться близ Киева в дачной местности, во всяком слу-

---

[109] В России 19 февраля 1911 г., когда исполнилась годовщина утверждения царем «Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», торжественно отмечалось 50 летие крестьянской реформы 1861 г.

[110] Имеется в виду издание: *Срезневский В. И., Покровский Ф. И.* Описание Рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук. I. Рукописи. - СПб., 1910. - Т. I. (1. Книги Священного писания. 2. Творения Учителей церкви).

[111] А. Л. Бем был выслан из Киева на основании циркуляра Департамента полиции, воспрещающего проживание в Киеве всем, высланным из Петербурга. (ОР и РК РНБ. Ф.1304. Д. 24. Л.2–3).

чае на первое время. Не знаете ли, открыт ли Румянцевский музей в июне месяце? Собираюсь на месяц поехать туда, чтобы подогнать библиографию; без этого выйдет очень жидко. Мне нужны для работы переписка Пушкина[112] и «Труды и дни» Лернера[113] – хочу Вас спросить, можно ли, а главное насколько это удобно обратиться в Академию с просьбой выслать их мне.

Всего доброго А. Бем.

Ко мне многие обращаются с вопросом, где купить такие медальоны с изображением Толстого, как у меня. Заодно уже сообщите, пожалуйста, и это.

А. Б.

3 [А. Бем В. Срезневскому]

Киев, 19.VI.[1]912.

Глубокоуважаемый Всеволод Измайлович!

Корректуры[114] переслал в Рукописное отделение[115], а не по Вашему адресу, т[а]к к[а]к не уверен, что правильно его запомнил. Выходы следовало бы сверить с оригиналом, насколько припоминаю, листы за эти годы мною по оригиналам не сверены. Присылайте, пожалуйста, и дальше корректуры в Киев, я здесь пробуду все лето. С мыслью о поездке в Крым пришлось

---

[112] Переписка Пушкина. СПб., 1906–1911. - Т.1–3.

[113] *Лернер Н. О.* Труды и дни Пушкина. 2-е изд. - СПб., 1910.

[114] Речь, видимо, идет о корректурах совместного труда А. Л. Бема и В. И. Срезневского «Издания церковной печати времени Императрицы Елизаветы Петровны, 1741–1761» - (Пг., 1914).

[115] Речь идет о Рукописном отделении Библиотеки Академии наук, которым заведовал В. И. Срезневский.

распрощаться – деньги понадобились дома. Самочувствие неважное, в Петербурге чувствовал себя лучше.

Благополучно ли у Вас дома? Ведь я с Вами расстался в тревожные дни.

Толстовские карточки[116] вышлю в скором времени; в Петербурге[117] не рассчитал своих сил и не мог выполнить обещания, оказалось порядочно работы, я уже здесь несколько вечеров провозился с ними. Мы условились с Вами относительно бумаги, с к[отор]ой можно-бы попытаться проникнуть в архив Лавры, если можете уделить этому времени – то пришлите, пожалуйста, присоедините и комплект отпечатанных листов.

Уважающий Вас А. Бем.

4 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев], 28.VI.[1912].

Глубокоуважаемый Всеволод Измайлович!

Был сегодня у проф[ессора] Духовн[ой] академии – Ф. Титова;[118] я узнал, что он пишет историю Киево–Печерской типографии, и это в значительной мере от его согласия зависит разрешение работать в архиве Лавры. Принял меня очень хорошо, с большим интересом отнесся к нашей работе и очень просил достать ему отпечатанные листы. Обещал со своей стороны вся-

---

[116] Видимо, речь идет о картотеке «Толстовской библиографии за 1912 год».

[117] А. Л. Бему весной 1912 г. было разрешено вернуться в Петербург, где он сдавал государственные экзамены в университете. Окончив университет, Бем вернулся на лето в Киев (ОР и РК РНБ. Ф.1304. Д.23. Л.12–13 об.)

[118] Титов Федор Иванович (1864–1935), историк и книговед, работал, видимо, над своей книгой «Типография Киево–Печерской Лавры: Исторический очерк». Т.1, посвященный истории типографии до 1721 г., и объемистое приложение к нему вышли в свет в 1916–1918 гг.

кое содействие, и мы с ним условились встретиться в средних числах июля в Лавре, и тогда он охотно будет давать все нужные разъяснения. Предварительно придется подать прошение на имя наместника, говорит, что разрешение дадут, обещал и сам переговорить с наместником. По его словам, архив, начиная с 1718 г., хорошо сохранился, т[а]к что работать удобно, но времени потребуется много. Сообщите, пожалуйста, приступать ли к просмотру архива и если это потребует много времени, то согласится ли Комиссия[119] ассигновать некоторую сумму на это. Сегодня просмотрел каталог Михайловского монастыря, составил список имеющихся книг, но все у нас имеются.

Проф[ессор] Титов показывал мне уже печатающиеся примечания к истории типографии; работа задумана очень широко и во многом совпадает с нашей. Описаны не только гравюры в стр[аницах], но и мелкие, даже гравюры-буквы. Иллюстрирует заставками, концовками, снимками с гербов и др. Говорит, что для XVII в. дает снимки со всех выходных листов. Работает он, говорят, над историей уже около четырех лет. Если можно, пришлите экземпляров шесть каталога (отд[елы] рукописей и книг), обещал Каманину[120] (библ[иотекарь] Общ[ества] Нест[ора]

[119] А. Л. Бем имеет в виду Библиотечную комиссию, созданную Общим собранием Академии наук в 1911 г. Ее финансовые возможности Библиотека Академии наук широко использовала для получения дополнительных ассигнований.

[120] Каманин Иван Михайлович (1850–1921), историк и архивист. О каком «Каталоге» идет речь, не совсем понятно. Среди изданий, подготовленных Библиотекой Академии наук, ко времени написания письма вышел только составленный В. И. Срезневским и Ф. И. Покровским первый том «Описания Рукописного отделения Библиотеки Академии наук» (СПб., 1910), но в нем, а также во втором томе этого издания (СПб., 1915) не отражались печатные издания. Возможно, что имеются в виду какие-то предварительные материалы (корректуры или чистые листы) вышедшего в 1913 г. труда В. И. Срезневского «Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае». Труд этот получил широкую известность и содержал два основных раздела - «Описание рукописей» и «Описание печатных изданий», а также приложения.

Лет[описца]) и Титову. Здесь очень заинтересовались моим экземпляром.

Корректуры, отосланные из Киева, следовало бы сверить с оригиналом, на листах моих пометок нет, их просматривал только Ал[ександр] Ник[олаевич],[121] возможны ошибки, особенно в е строчном и прописном.

Всего доброго. А. Бем.

5 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев], 31.V.1913.

Глубокоуважаемый Всеволод Измайлович!

На днях был в Лавре, чтобы на месте выяснить те недоумения, к[оторы]е возникли у меня при просмотре каталога. Между прочим, мне встретился Апостол киевск[ой] печати 1752 г. (К[иев], 1752. F°. 11 ненум. + 320 нум. [с.]), относительно к[отopo]го я не уверен, вошел ли он в наше описание, т[а]к к[а]к у меня нет листов за этот год. У Унд[ольского] 2170[122] отмечен Апостол с таким числом листов: 1+12+360 лл. На всякий случай прилагаю описание, м[ожет] б[ыть] не имеется.

Отец Михаил[123], библиотекарь Лавры, очень беспокоится о судьбе «Апостола», изд[ание:] К[онстантино]п[о]л[ь,]1757, до сих пор не возвращенного, м[ожет] б[ыть] Вы его успокоите.

Завтра еду из Киева на Кавказ; определенного адреса у меня не будет, числа около 10-го буду в Тифлисе, где пробуду не-

---

[121] О ком идет речь, установить не удалось.

[122] Имеется в виду библиографический указатель: *Ундольский В. М.* Очерк славяно-русской библиографии. - М., 1871. Под № 2170 в указателе значится упоминаемое Бемом издание «Апостола".

[123] Об о. Михаиле никаких дополнительных сведений разыскать не удалось.

сколько дней, можно адресовать до востребования. Всего доброго. А. Бем.

6 [А. Бем В. Срезневскому]

Киев, 30.V.[1]914.

Дорогой Всеволод Измайлович!

Доверенности не посылаю, т[а]к к[а]к в Киев деньги все равно не поспеют, а в деревне получение их хлопотливо. Благодаря 75 р., присланным Вами, могу обойтись без этих денег до возвращения в Петербург.

Все хлопочу по делу брата[124], но пока все больше разговоры и обещания, а положительных результатов никаких. Об оставлении его в России уж и думать перестал, рад был бы, если б хоть этапа удалось избежать и недели две сроку ему выхлопотать. Если ему разрешат на свой счет в сопровождении стражи ехать, то это будет немало стоить, но трудно ему отказать в этом облегчении, особенно когда оно связано с возможностью еще раз повидать всех близких на воле, в России. Ну, к[а]к-нибудь все наладится. Очень хорошо было от письма Федора Ивановича,[125] мало верю, чтобы удалось что-либо сделать, но дорого участие. В среду еду в деревню, хотя здесь ничего не делаю, но ничего не делая

---

[124] Брат А. Л. Бема Бем Отто Людвигович (1893–1937), студент Киевского университета, после Октябрьского переворота – один из руководящих работников Народного комиссариата просвещения РСФСР, был репрессирован и погиб в годы тоталитаризма. Весной 1914 г. арестован за участие в студенческих волнениях и выслан в Вятскую губернию.

[125] Покровский Федор Иванович (1871 – не ранее 1936), сотрудник Рукописного отделения Библиотеки Академии наук, один из основных помощников В. И. Срезневского, совместно с ним составил «Описание Рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук... » (см. письмо № 2, примеч. № 110 и письмо № 4, примеч. № 118).

умудряюсь уставать, а там хочу совершенно растительной жизнью пожить.

Что у Вас хорошего? Нередко вспоминаю Рукописное и, право, временами предпочел бы сидеть по утрам за своим «столом» с беспорядочно разбросанными книгами и бумагами, загроможденным ящиками, слышать, вернее чувствовать справа от себя неслышное присутствие Ф[едора] И[вановича], за собой то удаляющиеся, то приближающиеся Ваши шаги и изредка недовольный чем-либо голос Нат[альи] Алек[сеевны], но только изредка, т[а]к к[а]к больше люблю ее спокойный голос, когда она выпроваживает из Академии после 4-х, но т[а]к выпроваживает, что никак нельзя уйти. А что «Елисавет»?[126] Видно предисловие еще не набрано, т[а]к к[а]к корректуры не получил. Неужели и указатели еще не готовы?

Всего доброго, привет «[нрзбр]».

Искренне уважающий Вас А. Бем.

Адр[ес]: Ж[елезнодорожная] ст[анция] Вороновица Подол[ьской] губ[ернии]. Директору Вороновицкого сах[арного] зав[ода] для меня.

7 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев,] 13 февр[аля]1915.

Дорогой Всеволод Измайлович,

Только вчера выяснилось приблизительно положение дела. Военная власть издала постановление,[127] не вникая в частности,

---

[126] См. письмо № 3, примеч. № 114.

[127] Царским указом от 28 июля 1914 г. «О правилах, коими Россия будет руко-

и предоставила выполнение его губернаторам. В действительности оказалась масса самых разнообразных категорий, очевидно в разной мере с Германией и Австрией связанных. Путаница невероятная – родители иностранные подданные, дети несовершеннолетние почему-то русские подданные (от первого мужа и обратно), старухи больные и слепые и т[а]к д[алее]. Как во всем этом разберутся, не знаю.

Пока образована комиссия при губернаторе, которая рассматривает все прошения о подданстве, не законченные рассмотрением до этого, а также разбирается во всех спорных вопросах. От решения этой комиссии зависит многое, но последнее слово, кажется, принадлежит высшей власти.

Я вчера подал прошение губернатору от имени матери о восстановлении ее в русском подданстве, т[а]к к[а]к до замужества она была русская подданная. Отец не может выехать сюда, и о его судьбе мало знаю. На этих днях или поеду к нему, или он, если позволят, сюда приедет.

Думаю, что мать еще, пожалуй, оставят, а вот с отцом дело хуже.

Сейчас только об одном можно хлопотать – о приостановлении высылки до разрешения вопроса о подданстве. Если же в этом будет отказано, то о разрешении поехать в Вятскую губернию. Прошение послал, но лично им недоволен, хотя ничего лучшего придумать не мог. Жаль, что не удалось сообща выработать текста.[128] Чувствую себя бодро и не теряю надежды к[а]к-

продолж..

водствоваться во время войны 1914 года» (Собрание узаконений и распоряжений правительства ... - СПб., 1914. - 2 авг. №209) «подлежащим властям» предоставлялось право высылать подданных воюющих с Россией государств «как из пределов России, так и из пределов отдельных ее местностей, а равно подвергать их задержанию и водворению в другие губернии и области». В данном письме рассказано о действиях военных властей на основе этого указа.

[128] Из последующих писем видно, что В. И. Срезневский и А. А. Шахматов активно помогали А. Л. Бему с тем, чтобы не допустить высылки его родителей из Киева как немецких подданных. Однако добиться этого не удалось – роди-

нибудь уладить. Ну, а если нет, то и с этим совладаю; в дороге к[а]к-то сразу ясно стало, что свое такое маленькое перед тем большим горем, которое переживается.

Крепко жму руку и кланяюсь сердечно Нат[алье] Ал[ексеевне] и Федору Ив[ановичу].

Уважающий Вас А. Бем.

8 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев,] 15 февр[аля 1915].

Дорогой Всеволод Измайлович,

Посылаю на всякий случай прошение с некоторыми изменениями согласно Вашему письму.

Я уже Вам писал, что в канцелярии полная неразбериха, вчера ответили, что больше никаких справок выдавать не будут, а результаты будут сообщены через полицию всем, подавшим прошения. Остается только ждать и надеяться, что до 28-го дадут ответ на прошение. Поэтому я и прошу о приостановлении высылки до ответа на прошение. Если бы таковое было отклонено, то хорошо-бы получить разрешение поселиться где-нибудь внутри России. Все было в руках Главного начальника Киевского военного округа ген[ерал]-ад[ъютанта] Троцкого,[129] кот[орый] издал распоряжение, а исполнительная власть у губернатора, так что лучше, думаю, прошение направить к первому. На всякий случай посылаю два текста, в одном из них прибавляю просьбу о

продолж..

тели Бема оказались в Вятской губернии у сына Отто.

[129] Речь, по-видимому, идет о генерал-адъютанте, генерале от инфантерии Троцком Владимире Иоанникиевиче (1847-?), занимавшем с 1905 по 23 марта 1914 г. должность Санкт-Петербургского коменданта, а с апреля 1916 г. - члена Военного совета России. Сведений о должностях, занимаемых им в 1914-1916 гг., разыскать не удалось.

разрешении выехать в Вятскую губ[ернию] [к] брату. Если удобно входить в такие частности, то передайте Ал[ексею] Ал[ександровичу] второй текст. Все же боязно, что вдруг вышлют за границу, даже не представляю, что тогда делать.

Всего доброго. А. Бем.

9 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев], 1 авг[уста] 1916 г.

Дорогой Всеволод Измайлович!

Посылку Вашу получил уже довольно давно, но все еще не дотрагивался до своей статьи,[130] вероятно исправлю уже в Питере. Хочу еще поговорить с Вами, Ваши замечания меня еще больше расхолодили. Сдали ли уже в набор дневник Гольденвейзера?[131]

Вернусь в 20-х числах. Все время в городе, когда дожди, не жарко и хорошо. Ируше[132] моей лето на пользу пошло, очень поправилась, жаль привозить в Петербург.

Похлопочите, пожалуйста, чтобы мне выслали жалованье и суточные, сегодня уже первое, а жалованья я еще не получил. Не

---

[130] Здесь и в следующем письме речь идет о статье А. Л. Бема «Обзор изданий педагогических статей Л. Н. Толстого». Предназначавшаяся, вероятно, для первого выпуска сборника «Толстой: Памятники творчества и жизни» (Пг., 1917), статья там не появилась и была опубликована во втором выпуске (Пг., 1920).

[131] Дневниковые записи о Л.Н. Толстом пианиста и композитора Александра Борисовича Гольденвейзера (1875–1961) выходили в разных вариантах на протяжении 1916–1923 годов и впоследствии при жизни автора неоднократно переиздавались. Вероятно в данном случае речь идет о публикации записей под заглавием «Вблизи Толстого» в первом выпуске сборника «Толстой: Памятники творчества и жизни ... ».

[132] Имеется в виду старшая дочь А. Л. Бема Ирина (1916–1981).

на что будет выехать, если не пришлют. Привет Федору Ив[ановичу] и Наталье Алексеевне, она в городе [?]

С горячим приветом А. Бем.

10 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев,] 16 авг[уста 1916].

Дорогой Всеволод Измайлович,

Я Вам очень благодарен за Вашу заботливость обо мне. Дрова нам по всей вероятности будут нужны, хотя еще окончательно вопрос не выяснен. Квартира, вероятно, останется прежняя, но дров лишат, наверно (хотя плату собираются оставить прежнюю). Я так напуган всякими продовольственными затруднениями, что временами является мысль, не лучше ли оставить своих в Киеве, а в Питер ехать одному. Особенно боязно за ребенка, квартира несколько сыровата, а переменить не удастся. Но все же решаемся ехать, а там посмотрим – будет не в пользу, ликвидируем свое молодое хозяйство, и я снова окажусь на студенческом положении. Здесь тоже на все цены бешеные, но к[а]к-то привычнее, легче находить выход из трудного положения.

Да, относительно дров. Выезжаем мы 25, так что 27 я буду в Питере. Если можно, то сохраните за мной дрова – когда приеду, смогу сказать, куда их девать. В нашем доме должны были устроить сараи. С деньгами моими вышло какое-то недоразумение, я не получил своего жалованья июльского, а суточные уже вчера получил. Вероятно послали, но деньги не дошли, что-нибудь да не так. Пока что займу здесь, т[а]к к[а]к высылать уже поздно.

Статью свою о педагогических сочинениях несколько исправил, воспользовался и Вашим указанием; но все же она меня мало удовлетворяет. Знаю, что она пригодится, даже больше – сознаю свою обязанность сообщить то, что благодаря своим заняти-

ям могу сказать об этих изданиях, но не нахожу подходящей формы. Может быть и не моя вина – просто трудно объединить столько разрозненных фактов в одно целое. Отдаю на Ваше усмотрение – если находите, что она подходит к нашему сборнику, не буду особенно мудрить над ней. Знаю, что Вы не постесняетесь сказать свое мнение...

Открытка, кот[орую] Вы мне переслали, от Гусева;[133] он в очень теплых выражениях благодарит за Толстовскую библиографию,[134] кот[орую] ему переслал Константин Семенович.[135] Получил письмо от Анны Константиновны,[136] в нем есть кое-что о Толстовском сборнике.[137] Не отвечаю ей пока, хочу предварительно поговорить с Вами.

Работаю здесь сравнительно мало, обстановка мало подходящая. Уже с удовольствием думаю о рабочей атмосфере Петербурга. Сейчас не совсем на душе спокойно, что-то девчушка наша расхворалась, уже третий день температура повышенная, и беспокойна она по ночам. Вероятно простуда. Ну, всего доброго. Привет всем. Рад был очень письму Вашему. А. Бем.

---

[133] Гусев Николай Николаевич (1882–1967), историк литературы, в 1907–1909 был личным секретарем Л. Н. Толстого, автор ряда работ о жизни и творчестве писателя.

[134] Речь идет о библиографических указателях под редакцией А. Л. Бема «Толстовская библиография за 1912 г.» (опубликована в кн.: Толстовский ежегодник, 1913 г. - СПб., 1914) и «Толстовская библиография за 1913 г.» (отд. издание: Пг., 1915).

[135] Шохор-Троцкий Константин Семенович (1892–1937), литературовед, собиратель материалов о Л. Н. Толстом и последователях его учения.

[136] Черткова Анна Константиновна (1859–1927), жена друга и единомышленника Л. Н. Толстого В. Г. Черткова.

[137] Имеется в виду первый выпуск сборника «Толстой. Памятники творчества и жизни...», вышедший под редакцией А. Л. Бема и В. И. Срезневского.

11 [А. Бем В. Срезневскому]

23. VII. [1]917. Ирпень Киево–Ковельск[ой]
ж[елезной] д[ороги].

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович!

Мне до сих пор не прислали денег, м[ожет] б[ыть] Вы поторопите их. Должны были после первого послать суточные, а теперь и жалованье. Деньги нужны: пусть вышлют немедленно. Доверенность я оставил счетчику.

Живу под Киевом, вдали от людей и событий. Мог бы отдохнуть, но время такое тревожное; так тяжело переживается все происходящее, что об отдыхе и думать не приходится. Вероятно, вернусь в Петербург раньше, чем предполагал; записался на 19 число; если не отменят поезд, поеду 19-го. Трудно загадывать вперед, кто его знает, что еще будет с нами через месяц.

В Киеве сравнительно спокойно, события в Петербурге[138] отразились безобразным мощным и полубатьковским бунтом.[139] Жуткое дело на фронте. Главное, я не вижу почти никакого выхода из положения. Помогут-ли расстрелы?[140] Мне иногда ка-

---

[138] Речь идет об июльском кризисе 1917 г., начавшемся 2 июля выходом из правительства представителей Конституционно–демократической партии. 3 июля в Петрограде начались демонстрации с требованием роспуска Временного правительства и передачи власти Советам. 4 июля состоялась 500-тысячная демонстрация рабочих, вооруженных солдат и матросов, поддержанных большевиками. Против демонстрантов выступили верные правительству войска, в том числе части, вызванные с фронта. 5–6 июля волнения были подавлены, началось разоружение демонстрантов и преследование большевистских руководителей.

[139] Отголоском событий в Петрограде была волна антиправительственных выступлений в провинции. В Киеве властям при поддержке Центральной рады и Киевского совета удалось овладеть положением и разгромить Киевский комитет большевиков.

[140] Имеется в виду постановление Временного правительства от 12 июля 1917 г.

жется, что люди дошли до такого состояния, когда все равно – лишь бы не война. Когда посмотришь назад, видишь, какая вина на нас всех лежит за этот ужас.

Приходится здесь думать и о худшем, о возможности эвакуации Киева. Если бы дошло до этого, я семью оставляю здесь, а сам постараюсь уехать к вам. Все же думаю до этого не дойдет: вряд-ли у немцев хватит сил на такой глубокий заход.

Пишите, а в случае надобности вызывайте меня по телеграфу.

Как Вы пережили 3–5 июля? Вероятно, было хуже, главное душевно хуже, чем в февральские дни?

Что Наталья Алексеевна? Передайте ей сердечный привет. Федор Иванович, наверное, уже в Питере.

Не знаю, можно ли везти семью на зиму в Петербург. Зима будет трудная.

Отпуск мне не на пользу – чувствую себя несколько дезертиром. Хорошо всегда вспоминаю нашу академическую семью. Всего доброго. Бем.

Федору Ивановичу привет.

12 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев], 24. XII. [1]917.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович!

С большим трудом, но все же добрался до Киева. Выехал только 19-го, т[ак] к[ак] поезд, покинув вокзал, вовсе стал. В поезде была такая теснота, что трое суток почти не было возможности добраться до площадки. Ночью – груда тел, спящих друг

продолж..

об учреждении на фронте военно–революционных судов и введении там смертной казни.

на друге. Способ передвижения тоже необычный. Подъезжаем к станции. Стоим без конца. В чем дело? Поезд с солдатами не пропускает, требуют, чтобы их отправили раньше. Так как все поезда теперь подвижная казарма, то из нашего поезда в защиту своих интересов отправляется внушительная партия. Происходит краткий разговор, кот[орый] иногда кончается рукопашной. Кто в этом разговоре действует убедительнее, тот и идет первым. Мы опоздали только на 24 часа.

Телеграмму Вашу отправил. Очень боюсь, что дороги скоро совсем станут.

Я записался в походном лазарете на кровать.[141] Если будут продавать, устройте как-нибудь, чтобы кровать осталась за мной. Говорили, что будут продаваться столики и электр[ическая] лампа. Мне бы очень хотелось оставить за собой столик и 1 лампу. Очень устал за дорогу и никак не могу оправиться от желудочной болезни, к[о]т[орую] захватил еще в Питере. Дружеский привет Вам.

13 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев], 9. I. [1]918.

Дорогой и глубокоуважаемый Всеволод Измайлович!

Сегодня уже девятое, а я все еще не выбрался из Киева. Был уже билет на вчерашнее число, но когда пришли вечерние телеграммы из Питера с известием о роспуске Учредительного собрания,[142] о расстрелах на улицах, о убийстве Шингарева и Ко-

---

[141] В 1916 г. в оконченном строительством, но еще не освоенном библиотекарями новом здании Библиотеки Академии наук был размещен военный лазарет; заведовал им В. И. Срезневский. По-видимому, речь идет об имуществе, продаваемом при ликвидации лазарета.

[142] Деятельность открывшегося 5 января 1918 г. Учредительного собрания была прекращена большевиками утром 6 января.

кошкина,[143] меня убедили переждать еще несколько дней здесь, пока хоть несколько прояснится положение. Меня тем легче было убедить, что и самому очень хотелось еще хоть немного побыть со своими. Я приехал и после ужасной дороги заболел и все праздники проболел, несколько дней при высокой температуре, так что даже врача пригласили. Заболела и моя девочка, м[ожет] б[ыть] я ее и заразил, и тоже несколько дней себя худо чувствовала. Только после Нового года я пришел в норму, хотя чувствую еще большую слабость. При одной мысли о предстоящей дороге мне становится не по себе. Я вчера ходил на вокзал, чтобы посмотреть, как садятся на петербургский поезд. Оказывается, что нужно быть на вокзале к приходу петербургского поезда, сейчас же садиться, как только выгрузят[ся] прибывшие и ехать на запасные пути. Поезда уже не чистятся, а к[а]к прибыли, в том же составе отправляются назад в Питер. Так что к удовольствию трех суток пути еще прибавляется 9 часов сидения в вагоне до отхода поезда. Вчера поезд подали к вокзалу уже настолько набитым публикой, что ни одна душа не могла попасть в вагоны.

Здесь тоже тревожно. Власть Центральной рады[144] очень неустойчива. С одной стороны, напирают большевики, кот[орые] одерживают успехи среди солдатской массы, и даже украинские части одна за другой уходят из-под власти Рады. С другой – подкатываются самостийники,[145] к[отор]ые усилились под влиянием

---

[143] Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) и Кокошкин Федор Федорович (1871–1918), видные деятели Конституционно-демократической партии, члены разных составов Временного правительства. После Октябрьского переворота арестованы и через несколько дней переведены в Мариинскую больницу Петрограда, здесь 7 января убиты матросами.

[144] Центральная рада была создана 4 марта 1917 г. как объединенный орган ряда украинских политических партий, профессиональных и общественных организаций. 7 ноября 1917 г. Рада объявила себя верховным органом автономной Украинской народной республики.

[145] Имеются в виду сторонники независимой Украины, интересы которых выражала представленная в Центральной раде объединенная «Украинская партия самостийников–социалистов – Украинская народная партия».

большевистской агитации чрезвычайно. И мы живем в ожидании переворота: либо большевики захватят Киев, тогда все знакомые нам большевистские прелести, или самостийники объявят самостоятельность Украины, и это может кончиться сепаратным миром с Австрией.[146] В городе та же история, что и всегда, правда меньше чем в Питере. На днях возвращался от знакомых и шагах в 50-ти от нас бросили ручную бомбу, к[о]т[орая] разорвалась, к счастью никого не ранив. Беспорядочная стрельба по городу и самосуды – бытовые явления и здесь.

Отдыхаю душой с своей девочкой – выросла и много и обо всем болтает. Смотрю, как растет этот человек и душа наполняется радостью.

Думаю выехать 12-го, м[ожет] б[ыть] к этому дню немного прояснится положение. Никогда не думал, что так трудно будет отсюда уезжать. Привет горячий всем. Все же надеюсь, что скоро буду с Вами. Наталье Алексеевне и Федору Ивановичу привет.

Преданный Вам А. Бем.

14 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев], 25 января [1918]. 9 ч[асов] утра.

Дорогой Всеволод Измайлович, не знаю, когда я отсюда вырвусь. Поезда не ходят и даже приблизительно нельзя сказать, когда пойдут. Переживаем мы здесь сейчас жестокие дни. Вот уже больше недели по улицам города идет беспрерывно вой-

---

146 Спустя два дня после написания комментируемого письма, 11 января 1918 г., под давлением «самостийников» Центральной радой была провозглашена независимость Украины. 26 января члены Рады вынуждены были бежать на Волынь; 27 января Рада подписала мирный договор с австро-германским блоком.

ско.[147] Сегодня третий день город под артиллерийским обстрелом: снаряды рвутся среди домов, залетают в квартиры, пробивая стены, по ночам пожары – жутко и притом страшно за своих: район у нас неблагоприятный, то здесь, то там около рвутся снаряды. Три дня город был без хлеба, без воды, без света. Вот и сегодня – опять то же. Нет газет, все только знаешь по слухам. Вчера часть дня наши укрывались в погребе. Нет денег, но и перевести сейчас сюда нельзя. Надо ждать. Крепко жму руку Вам. Я в трудные минуты владею собою лучше и сравнительно ничего. Ваш А. Бем.

15 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев], 29. I. [1]918.

Очень прошу, дорогой Всеволод Измайлович, похлопотать, чтоб мне выслали в Киев жалованье – мы сидим без денег. Если можно, пусть адресуют на имя Антонины Иосифовны Бем[148] для передачи мне. Я все же надеюсь вырваться отсюда. Пока еще поезда не ходят. Вы уже знаете, что [Киев] под большевиками.[149] Самым трудным был день 26 янв[аря]. Были прямо жуткие минуты. Наш дом счастливо обошло, вокруг рвались снаряды, а к нам ни один не угодил. Но для меня был страшным следующий день 27-го, когда началась дикая расправа. Бессмысленные расстрелы офицеров, убийство митрополита,[150] вакханалия обысков. До скорого свидания, что-то у вас. Привет всем. Бем.

---

[147] 16 января 1918 г. в Киеве началось организованное большевиками восстание против Центральной рады; оно было подавлено отозванными с фронта украинскими войсками, но вслед за этим началось наступление на город советских частей.

[148] Бем А. И., урожденная Омельяненко (1885–1951), жена А.Л. Бема.

[149] Киев был взят Красной армией 26 января 1918 г.

[150] Имеется в виду митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Василий Никифорович Богоявленский, родился в 1848 г.), арестованный неизвестными

16 [А. Бем В. Срезневскому]

Киев, 18/5 апр[еля] 1918.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович,

потерял всякую надежду скоро увидеть вас всех, снова вернуться в родную Академию. Рассудок говорит, что судьба решила лучше, что уедь я во-время, я бы добрался до Петрограда, но семья была бы совершенно отрезана. С деньгами теперь очень трудно, и без моей помощи из Питера им бы очень туго пришлось. Я долго крепился, все выжидал – а вдруг можно будет уехать, но в конце концов дошел до такого состояния, что готов был взяться за любую работу, т[ак] к[ак] остался совсем без денег. Теперь с месяц как поступил в Министерство по великорусским делам.[151] Вам наверно даже трудно себе представить, что существует такое министерство. Я рад, что устроился именно здесь, т[ак] к[ак] делаю, по моему убеждению, нужное дело. Здесь украинизация принимает такие уродливые формы, что грешно оставаться пассивным. Кто его знает, как повернется все в будущем, но сейчас под защитой немецких штыков[152] ведется бешеная травля всего, связанного с русской культурой. Я никогда не был националистом, да и сейчас во мне нет этого, но проснулось чувство гордости за свою родную культуру, почувствовал подлинную связь с нею.

Мне поручена организация русского книжного отдела при Министерстве. Так как библиотеки здесь будут украинизированы, то я поднял вопрос о создании русской национальной

продолж..

солдатами и расстрелянный у стен Киево–Печерской Лавры.

[151] Одно из министерств провозглашенной Центральной радой Украинской народной республики.

[152] 1 марта 1918 г. Киев был оккупирован немецкими войсками, восстановившими на Украине власть Центральной рады.

библиотеки. Как представитель Министерства, стараюсь провести в будущий закон о доставлении обязательных экземпляров изданий пункт об обязательном обмене с Россией. Надеюсь, что мне это удастся. Принимаю участие в еженедельном «Бюлл[етене] М[инистерства] по велик[орусским] делам», в котором иногда и печатаю статьи. Сейчас пытаемся создать большой журнал, по типу «Ж[урнала] М[инистерства] н[ародного] пр[освещения]».[153]

Посылаю это письмо через смельчака, к[о]т[орый] попытается пробраться в Петроград. М[ожет] б[ыть] письмо и дойдет до Вас. Постоянно думаю о вас всех, что с вами? Что с Академией? Знаю, что Алексей Александрович вернулся в Питер, но остался-ли там? К нам сюда доходят самые фантастические сведения.

У меня все брошено на произвол судьбы, главное – остался на квартире Толстовский список,[154] к[о]т[орый] может погибнуть. У меня жил в квартире товарищ, но м[ожет] б[ыть] и он уехал. За квартиру платить некому, все вещи брошены на произвол судьбы.

М[ожет] б[ыть], дорогой Всеволод Изм[айлович], Вы к[а]к-нибудь справитесь, что сталось с моей квартирой. Как семья Федора Ивановича, отправил он их в деревню, или нет? Что Наталья Алексеевна, Леля,[155] что ваши? Господи, как вы все мне дороги.

---

[153] Речь идет, по-видимому, о замысле, осуществившемся осенью 1918 г. и в 1919 г. в форме сборника «Освобождение» и продолживших его двух сборников «Родная земля». Сборники выпускались представителями русской демократической интеллигенции, бежавшими на Украину после Октябрьского переворота.

[154] Видимо, речь идет о рукописи справочника: *Бем А.Л.* Библиографический указатель творений Л. Н. Толстого. - С дополнениями В. И. Срезневского. Л., 1926. В предисловии к указателю В. И. Срезневский сообщал, что «составление списка начато А. Л. Бемом около 1915 г., печатание началось в 1916 г. и приостановилось в 1919 г.»

[155] Леля – дочь Н. А. Вукотич.

При первой возможности приеду к вам и подробно расскажу о всем пережитом. Жить здесь, конечно, легче, чем Вам, но нравственно очень тяжело. Самостоятельная Украина только на словах, а фактически все в руках немцев. Мерзость на каждом шагу. Горячо жму руку и целую всех, всех.

А. Бем.

17 [А. Бем В. Срезневскому]

12. VI. 1918. Киев (Михайловск[ая] 14, кв. 5).

Дорогой Всеволод Измайлович!

Получил сегодня Ваше письмо из Москвы. Мне очень больно, что Алексей Александрович так сурово отнесся к моей работе здесь. Я больше чем уверен, что это все произошло от того, что письмо мое Вам не дошло, т[ак] к[ак] в нем я подробно писал о здешней обстановке и о своих работах. Я сегодня написал Ал[ексею] А[лександровичу] и он Вам, вероятно, даст прочесть мое письмо. Я твердо решил ехать поскорее. Меня главным образом останавливает невозможность пересылать из России сюда деньги, т[ак] к[ак] я не могу оставить свою семью без всякой поддержки. Но видно дальше ждать нельзя. От Рышкова[156] получил недавно первые 500 р. Этих денег мне едва хватило, чтоб расплатиться с долгами. Узнайте, пожалуйста, выслали ли мне, кроме этих денег, что-нибудь? Мне нужны деньги на поездку, к[оторая] теперь, вероятно, стоит очень дорого. Сегодня мне передал Ник[олай] Ник[олаевич] Апостолов,[157] молодой человек, занимающийся Толстым, план издания сочинений Толстого, разработанный Конст[антином] Семеновичем (издание Все-

[156] Рышков Владимир Александрович, казначей Правления Академии наук.

[157] Арденс Н. Н. (до 1934 г. носил фамилию Апостолов, 1890–1974), исследователь творчества Л. Н. Толстого, автор ряда монографий о писателе, в 1918–1921 гг. редактировал собрания его сочинений.

рос[сийского] центр[ального] союза потр[ебительских] обществ).[158] Мне неизвестно только, достигнуто ли какое-нибудь соглашение между Ал[ександрой] Льв[овной] и Чертковым?[159] Неужели одновременно будут два самостоятельных начинания? Я читал письмо Анны Константиновны к Апостолову с жалобами на нашу группу[160]: видно, она очень тяжело эти расхождения переживает. Я все же надеюсь, что Вам удастся примирить Черткова и Ал[ександру] Льв[овну], хотя я и опасаюсь, что в дальнейшем неизбежны иногда осложнения.

---

[158] В фонде К. С. Шохор-Троцкого (ОР РГБ. Ф. 345. Карт. 6. Ед. хр. 16) хранится не датированный и не подписанный машинописный экземпляр записки «Издательская программа В. Г. Черткова» с предложением Всероссийскому союзу потребительских обществ осуществить издание ряда многотомников, посвященных Л. Н. Толстому и его творчеству, в том числе «Полного собрания писаний Л. Н. Толстого». Документ написан от лица В. Г. Черткова. Изложенные там планы Центросоюзом приняты не были, но кооперативные организации в течение некоторого времени участвовали в финансировании работы редакционного коллектива по подготовке Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, возглавлявшегося А. Л. Толстой.

[159] Толстая Александра Львовна (1884–1979), младшая дочь Л. Н. Толстого, в 1918–1929 гг. хранитель усадьбы «Ясная Поляна» и директор Музея Л. Н. Толстого в Москве; Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936), издатель, публицист, последователь и один из ближайших помощников Толстого. В 1911–1912 гг., работая совместно, выпустили трехтомник «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого», рукописи вошедших в него произведений и часть архива В. Г. Черткова были переданы в Библиотеку Академии наук. Впоследствии между А. Л. Толстой и В. Г. Чертковым произошел разрыв и до середины 1920-х годов они работали над подготовкой к печати наследия Л. Н. Толстого независимо друг от друга, причем вокруг каждого сплотился свой редакционный коллектив. В середине 1920-х годов конфликт удалось преодолеть, и коллективы объединили усилия, поставив задачу в ближайшем будущем подготовить Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого. Однако издание затянулось, а осенью 1929 г. А. Л. Толстая уехала за границу и в СССР не вернулась, главным редактором Полного собрания сочинений стал В. Г. Чертков.

[160] Имеется в виду привлеченная А. Л. Толстой к работе группа ученых (А. А. Шахматов, В. И. Срезневский, Т. И. Полнер, М. А. Цявловский, Н. К. Пиксанов и др.) В. И. Срезневский составил для этой группы план издания Полного собрания сочинений и инструкцию редакторам.

Мне радостно получить возможность работать над подготовлением издания Толстого, возможность редактировать и поработать над разночтениями. Особенно сейчас я мечтаю об этом, т[ак] к[ак] в здешней обстановке полной политической мерзости, всяческих заподазриваний, нелепых обвинений, я особенно тоскую по академической работе. Статью об изографии Толстого охотно возьму на себя. Вообще Вы можете рассчитывать на мою работу там, где я могу оказаться полезным. Почему только вскользь Вы упомянули Наталью Алексеевну? В каком сейчас положении ее здоровье? Передайте ей мою горячую любовь и привет – известие о болезни Натальи Алексеевны было для меня особенно тяжело. Я к[а]к раз перед получением Вашего письма с известием о ее болезни писал небольшую заметку о детском театре и вспоминал ее работу в детском доме и думал о ней.[161] Здесь мы снова пережили жуткие часы. Вероятно Вы из газет знаете о взрыве пороховых погребов[162] в Киеве. Мы жили довольно далеко от района взрыва, но сила взрывов была так велика, что всюду повылетали стекла и все дрожало. Особенно жутко было, пока не знали, в чем дело. Я еще не видел такой паники, какая овладела всеми. Люди мчались неведомо куда и зачем в чем были по улице. Бедствие огромное, целый район города разрушен до основания. Много погибло детей, остававшихся дома почти без присмотра: старшие были либо на работе, либо ушли за покупками.

Мои живут на даче за городом, верст 40 выше по Днепру, и то слышали взрывы и видели зарево. Тоже очень перепугались. Я постараюсь приехать так, чтобы Вы и Фед[ор] Ив[анович] успели использовать отпуск. Меня мучает совесть, что по моей вине

---

[161] По свидетельству В. И. Срезневского, Н. А. Вукотич с 1905 г. до Октябрьского переворота «отдавала все свое свободное от службы время» организации детских домов и других детских учреждений, а после Октября 1917 г. «продолжала свою работу в ГубОНО в качестве инструктора–методиста» (ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 338. Ед. хр. 17. Л. 112).

[162] 6 июня 1918 г. в Киеве были взорваны артиллерийские склады, находившиеся на Зверинце. Взрыв оказался настолько сильным, что разрушил почти все имевшиеся в этом районе города жилые здания.

вам приходится сидеть безвыездно в Петербурге, устали Вы там наверное очень.

Здесь ходят самые невероятные слухи о петербургском голоде, но меня этот вопрос мало смущает. Наверное, все сильно преувеличено. Правда, здесь в продовольственном отношении совсем хорошо. Цены очень высокие, но зато всего вдоволь.

Н. Н. Апостолов просил меня спросить Вас, получили ли Вы посланную им в конце октября рукопись «Толстой и Бартенев» с письмами Толстого для нашего Сборника?[163]

Последнее время был занят съездом деятелей печати, в организационном комитете по созыву которого я состоял.[164] Съезд закончился на той неделе. Пытаемся создать здесь ежемесячный журнал, вокруг к[оторого] собираем людей, к[оторым] близка идея воссоздания России. Выйдет ли из этого что-нибудь, не знаю. От поры до времени печатаю небольшие статьи в здешних изданиях. Я так привык все, что пишу, давать Вам на просмотр, что всегда чувствую Ваше отсутствие в тот момент, когда нужно сдавать статью. Недавно напечатал две новых статьи о Буслаеве,[165] начал в одном из еженедельников[166] печатать «Очерки русской культурной жизни» на основании сведений, к[оторые] попадают к нам из местных и петерб[ургских] газет. Поздно, надо кончать. Письмо отправлю с надежной оказией. Когда же, наконец, можно будет посылать письма почтой?

---

[163] См.: *Апостолов Н. Н.* Л. Н. Толстой и П. И. Бартенев // Толстой: Памятники творчества и жизни. - Пг.; М., 1920. - Т.2.

[164] См.: Бюллетень Организационного комитета по созыву Всеукраинского съезда деятелей печати. - Киев, 1918. - № 1–2.

[165] *Бем А. Л.* Пролагатель новых путей: (К юбилею Ф. И. Буслаева) // Бюллетень Министерства по великорусским делам. - Киев, 1918. - №5; *Он же.* Ф. И. Буслаев – педагог // Известия Киевского областного профессионального учительского союза. - Киев, 1918. - №5–6.

[166] См.: Куранты. - Киев, 1918. - №3–5.

Попросите Рышкова изыскать путь для посылки мне денег. Сердечный привет Нат[алье] Ал[ексеевне], Фед[ору] Ив[ановичу] и всем остальным.

Ваш А. Бем.

18 [А. Бем В. Срезневскому]

[Из Петербурга в Липецк], 24. VIII. 1918.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович, получил сегодня Вашу открытку в тот момент, когда собрался идти к Вашим. Вчера получил в счет Вашего жалованья 500 р. и отнес их Ольге Измайловне.[167] В Академии все благополучно, и Вы не беспокойтесь. Надеюсь, что мне удастся сладить со всеми предстоящими трудностями. Дела из Морской комиссии уже перевезли, и я все сделал по Вашим указаниям. Уместились они очень удачно, впереди шкафа с книгами Изм[аила] Ив[ановича].[168] Во вторник предстоит самое неприятное и хлопотное – возвращение Арх[ива] III отд[еления].[169] Как я ни уго-

---

[167] Срезневская О. И. (1845–1930), член-корреспондент Академии наук, сестра В. И. Срезневского, писательница и переводчица, руководила подготовкой к печати «Материалов словаря древнерусского языка» своего отца, академика И. И. Срезневского (СПб., 1893–1912. - Т.1–3).

[168] Речь идет о библиотеке отца В. И. Срезневского академика И. И. Срезневского (1812–1880), переданной семьей Срезневских в 1912 г. в Библиотеку Академии наук.

[169] В 1917 г. по распоряжению Временного правительства в Библиотеку Академии наук были переданы на вечное хранение архивные материалы III отделения и Департамента полиции, относящиеся к периоду до 1905 г. В 1918 г. по настоянию Главархива Академия наук приняла решение о возвращении указанных материалов в систему Главархива, в ведении которого находились материалы данных учреждений более позднего времени. Речь здесь и в двух последующих письмах идет о передаче этих материалов. По позднейшему свидетельству В. И. Срезневского, небольшое количество дел Департамента полиции ошибочно не было передано представителям Главархива, что в 1929 г. использовало руководство СССР в качестве одного из предлогов для нача-

варивал Шилова[170] повременить, ничего не помогло. Пришлось согласиться. Я просил Алекс[андра] Ник[олаевича][171] на эти дни придти и заместить меня в Журн[альном] отд[еле], а я уже не буду выходить из Рукописного. Просил я Шилова, чтоб от них был он, а не кто-либо неизвестный мне лично. Приму все меры, чтобы все сошло гладко.

Над[ежда] Вас[ильевна][172] поправилась и ходит на службу. Был день, когда наверху не было ни одного служителя. Станислав не вернулся во-время, а Петр Гр[игорьевич] заболел.[173] Теперь наверху Станислав. Сегодня узнал, что вернулся Александр Осипович[174]: поторопился, боясь быть отрезанным. Первые дни после Вашего отъезда было очень тяжело на душе. Вы ведь знаете, что умерла барышня, работавшая в новом здании, получили известие в тот же день о смерти Никиты. Для Вл[адимира] Н[иколаеви]ча это горе ужасное. Ведь он был почти сыном.

продолж..

ла так называемого «Академического дела», сфабрикованного с целью окончательного подчинения Академии наук тоталитарным структурам. Подробнее см.: *Ольденбург С.Ф.* Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям физико–математических наук и исторических наук и философии за 1918 г. Пг., 1919. С.43; Начало «дела» Академии наук : / Публикация А. И. Алаторцевой // Исторический архив. - М., 1993. - № 1; Академическое дело, 1929–1931 гг. - СПб., 1993. - Вып. 1.

170 Шилов Алексей Алексеевич (1881–1942), историк и архивист, сотрудник Рукописного отделения Библиотеки Академии наук, затем Главархива.

171 См. письмо № 4, примеч. № 121.

172 Мамышева Н. В. (1874 – после 1936), старший библиотекарь I отделения Библиотеки Академии наук. В библиотеке работала с 1899 г. В 1929 г. была снята с работы в связи с «Академическим делом».

173 В здании Библиотеки Академии наук на Университетской набережной наверху находился Книжный отдел. Станислав и Петр Гр[игорьевич] – по всей вероятности технические сотрудники («служители») Пашкевич Станислав Михайлович (работал в библиотеке в 1909-1920 гг.) и Гаврилин Петр Григорьевич (работал в библиотеке с 1893 по 1922 г.).

174 Круглый Александр Осипович (1868-1922), заведующий Книжным отделом I отделения Библиотеки Академии наук.

В Академии трудно было сосредоточиться, хотя немного народу ходит, но все же отрывают от дела часто. По соглашению с II отд[елением] летнее расписание занятий продлено до 1 сентября. Я узнал, что так решено в Иностр[анном] отд[елении], и обратился к Мих[аилу] Ал[ександровичу][175] за указаниями.

Работаю дома сейчас над небольшой статей об Ап[оллоне] Григорьеве[176] в связи с вышедшими сочинениями его и биогр[афическими] материалами. Обещал послать в новый киевск[ий] журнал «Наша Родина». Когда кончу, примусь за предисловие к «Ассирийскому царю Ас[сархадону]».[177] В музее был один раз.[178] Там вяло. Но об этом другой раз.

Напишу сейчас же после перевозки III отд[еления]. Нат[алье] Ал[ексеевне] сердечный привет. Питайтесь получше. Силы будут нужны! Очень много хотелось сообщить и вышло сухо. А у меня к Вам – [отношение] хорошее. Леле привет.

19 [А. Бем В. Срезневскому]

[Петроград], 28/15. VIII. 1918.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович, послал Вам на этих днях открытку, в которой, кажется, сообщил все существенное. Вчера начали вывозить дела III отд[еления] и успели из Рукоп[исного] все вынести и сложить на площадке у лест-

---

[175] Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919), историк права, академик, с 1916 г. директор II (Иностранного) отделения Библиотеки Академии наук.

[176] См.: *Бем А. Л.* Аполлон Григорьев в новой оценке // Родная земля. - Киев, 1918. - Сб.1.

[177] Имеется в виду сказка Л. Н. Толстого.

[178] Толстовский музей в Петрограде был передан в мае 1918 г. благодаря усилиям В. И. Срезневского в ведение Рукописного отделения Библиотеки Академии наук. В. И. Срезневский совмещал заведывание Рукописным отделением и музеем.

ницы. Не приехали подводы и пришлось перевозку отложить до четверга. Главное сделано - из Рукописного все вынесено и все сделано, кажется, как следует. Руководил с их стороны А. А. Шилов, я все время присутствовал и следил за работой. Как быть, если захотят брать и дела Департамента? Об этом, видно, очень хлопочет Дейч[179] и др[угие], так как у них тормозится работа. Хорошо бы нам уже сразу освободиться от всего, а то только бесполезные хлопоты.

Ваш счет, к[о]т[орый] просили передать М. А. Дьяконову, я передал и сказал ему о Ваших и Федора Ивановича трудах, затраченных при перевозке. Кажется, Серг[ей] Фед[орович][180] и Мих[аил] Ал[ександрович] вписали соответствующую сумму в расход. Посылка Алексея Ал[ександровича] получена, она была послана по Вашему домашнему адресу. Просил Илью[181] доставить ее Серг[ей] Фед[орович]; Ал[ексей] Ал[ександрович] сообщил вчера открыткой, что посылка дошла. Вернулся Александр Осипович даже раньше времени, т[ак] к[ак] испугался, что отрежут от Питера. В общем, в Академии все благополучно и Вы можете спокойно подольше просидеть в Липецке. Главное, питайтесь как следует. Об этом уж должна Нат[алья] Алекс[еевна] позаботиться: не забывайте, что зима предстоит здесь тяжелая и силы, именно физическая выносливость помимо всего прочего нам всем будут очень и очень нужны. Поэтому и для себя и главное для всех близких, окружающих Вас, набирайте побольше сил на зиму. Вы ведь меньше всех отдыхали, и все время были в разъездах! А если б Нат[алье] Ал[ексеевне] можно было пе-

---

179 Дейч Лев Григорьевич (1855–1941), участник революционного движения в России, один из основателей первой русской марксистской группы «Освобождение труда». После Октября 1917 г. работал над изданием литературного наследия Г. В. Плеханова, редактировал сборники «Группа освобождения труда: (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча)» (М.; Л., 1924-1928. - Сб.1-6). В 1918 г. в журнале «Былое» (№3) напечатал материалы о Г. В. Плеханове, собранные Департаментом полиции.

180 Ольденбург С. Ф. (1863–1934), индолог, академик, в 1904–1929 гг. – непременный секретарь Академии наук.

181 Грузнов Илья, «служитель» Библиотеки Академии наук.

реждать в Липецке время усиленного разъезда, было бы лучше всего. Ведь ехать назад будет теперь наверное очень трудно.

Что касается списка писем Т[олстого],[182] то Вы меня не совсем переубедили, но во всяком случае для меня теперь ясно, что торопиться с этим не следует. Надо будет все к[ак] следует продумать и представить определенный план на обсуждение. Мне кажется, что мы вообще слишком рано обрадовались возможности издать Л[ьва] Н[иколаевича] так, как мы об этом давно мечтали. М[ожет] б[ыть] все это еще и очень не скоро будет. Не знаю к[ак] Вы, но на мой взгляд нам надо продолжать делать наше дело: подготовлять материалы для издания и для облегчения знания и изучения Толстого, с одной стороны, и издавать отдельные его произведения, с другой. В этом деле мы будем зависеть только от себя и нам не нужно будет так или иначе считаться с вечными неладами двух сторон. Боюсь, что эти нелады и на этот раз погубят все дело. Недавно получил деловое письмо от Анны Конст[антиновны]. Я ей отвечал[183] и невольно отозвался на волнующий нас вопрос об издании и отношении к нему Черткова. Я писал, что у меня определенное чувство: не хочется вникать в этот вопрос, не хочется взвешивать на весах разума, кто в чем виноват и в чем прав. Просто – хотелось бы быть в стороне от этого нелепого спора вокруг наследия Т[олстого]. Анна Конст[антиновна] Вам в письме кланяется. Судя по письму, она работает над перепиской Л[ьва] Н[иколаевича] с Чертковым. Живу пока совсем сносно; это в смысле питания. Душевно – хуже, но держу себя в руках. Тяжела оторванность от всех близких; еще труднее, когда нет очень долго вестей от своих. Сейчас к[а]к раз такой период. К[а]к всегда, помогает работа. Кончил статью об Ап[оллоне] Григорьеве, что посылаю в Киев. Возобновляю

[182] Видимо, список писем Л.Н. Толстого задумывался в качестве продолжения «Библиографического указателя творений Л. Н. Толстого» (см. письмо № 16, примеч. № 154). Опубликован он не был.

[183] Письмо публикуется в Приложении, см. № 52.

в памяти английск[ий] яз[ык], читаю перед сном Теккерея.[184] Сердечно кланяюсь Нат[алье] Алекс[еевне].

Арестовали неизвестно за что Столпянского,[185] сидит уже больше недели. Заходила его жена, очень беспокоится о судьбе его. Горя кругом очень много, а тут еще на каждом шагу торгуют горем человеческим – не могу спокойно смотреть на комиссионные магазины.

Ваш А. Бем.

20 [А. Бем В. Срезневскому]

[Петроград], 3. IX.[1]918.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович, сегодня приехал Алексей Александрович, был недолго в библиотеке; торопил, т[ак] к[ак] собирается завтра снова уехать. Он думает пробыть в отпуске до октября. Сегодня пришли Вам открытки от Над[ежды] Изм[айловны][186] и это меня очень обрадовало. Ваши получили, оказывается, на днях и письмо. Все благополучно, и Вы спокойно отдыхайте. Ал[ексей] Ал[ександрович] говорит, чтобы на Кавказ ехали, а мне что-то этого не хочется. Вот в Липецке бы пробыть Вам подольше, это было бы совсем хорошо. Отдыхайте, не работайте и усиленно питайтесь. Здесь (эти дни особенно) до того тяжело душевно, что можно с ума сойти. Говорил с Ал[ексеем] Ал[ександровичем] о вывозке дел Деп[артамента] п[олиции], т[а]к к[а]к Шилов сегодня опять спрашивал об этом. Решили предложить им начать вывозить

---

[184] Теккерей Уильям Мейкпис (1811-1865), английский писатель.

[185] Столпянский Петр Николаевич (1872–1938), краевед, историк Петербурга, автор ряда библиографических и книговедческих работ, среди которых были изданные Академией наук.

[186] Алмазова Н. И. (1854–?), палеограф и библиограф, сестра В. И. Срезневского.

сначала сверху, а затем и из Нов[ого] здания. Напишите, есть ли там что-нибудь кроме бумаг Д[епартамента] п[олиции]? У нас уже все вывезли, остались только карточки, за к[о]торыми хотели приехать завтра. Со служителями легко: вернулся Тихон, наверху Станислав.[187] Вчера приехал Д[митрий] Н[икандрович] Михайлов,[188] показал ему к[а]к описывать церковные книги. Шура наверно проехал хорошо, пот[ому] что письмо, пересланное с ним, мои получили на 6-й день! Володи еще нет: я не знаю, когда его отпуск кончается. В общем все в Академии тихо и мирно. Ал[ександр] Осип[ович] несколько растерялся от того, что здесь делается, но скоро пообвыкнет. Над[ежда] Вас[ильевна] поправилась, хотя ей, видно, трудно с питанием. Многие пользуются столовой и довольны. Относительно дров определенного пока ничего нет, хотя Ник[олай] уверен, что дрова будут. Если что-нибудь будет, сообщу Вашим и Ник[олаю] Пл[атоновичу]. Как Нат[алья] Ал[ексеевна]? О ней постоянно в Журнальном спрашивают, так как ценят и любят. Хотя ее и очень люблю, но видеть в Питере вовсе не хочу скоро, если может, пусть переждет период съезда в Петроград. Всего Вам доброго. Привет Н[аталье] А[лексеевне] и Леле. А.

Для Лели: занятия начнутся везде не ранее 1 октября.

21 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев], 29/16. XI.[19]18.

Дорогой Всеволод Измайлович.

---

[187] Здесь и далее в этом письме речь идет о «служителях» Тихоне (предположительно Сергееве Тихоне Сергеевиче, работавшем в Библиотеке Академии наук в 1916-1919 гг. и Пашкевиче Станиславе Михайловиче (о нем см. письмо № 18, примеч. № 173).

[188] Михайлов Дмитрий Никандрович, сотрудник Библиотеки Академии наук в 1900-1922 гг. О других лицах, упомянутых в данном письме (Шура, Володя, Николай, Николай Платонович) сведений разыскать не удалось.

Очень боюсь за свою библиотеку и свои работы: вся жизнь в них! Но не более безопасное место, а просто безопасное, где оно в П[етро]гр[аде]? Удивляют меня требования одноглазого хама. Удовлетворять их без рассмотрения я не намерен. Хочу приехать для упорядочения массы дел в начале декабря, когда буду чувствовать себя окончательно крепким. Очень скучаю по работе, но можно ли работать в П[етро]гр[аде]? Вышли ли издания «Наука в России»[189] и библиография Русск[ого] ист[орического] журн[ала][190]? Как Вы живете и все Ваши? Как выносите голод? Пугает меня это существование унизительное, но делать нечего. Жена и я шлем Вам и Вашим сердечный привет. Ваш А. Бем.

[189] Наука в России: Справочный ежегодник. Пг., 1920–1925. Вып.1–4.

[190] Имеется в виду обещанное редакцией продолжение «Библиографии русской истории, 1916 год», начатой печатанием в «Русском историческом журнале» в 1917 г. (кн.1–2). В свет продолжение не вышло.

22 [А. Бем В. Срезневскому]

27. VII. 1919.[191]

Дорогой Всеволод Измайлович,

не успел к Вам зайти перед отъездом, а очень хотелось попрощаться – мы к[а]к-то этот раз уж очень на ходу простились. Еду с тяжелым чувством на душе – все так неопределенно и так сложно складываются личные дела, что нет бодрости и радости даже от поездки домой к своим. М[ожет] б[ыть] сказывается и просто недомогание. Всего Вам хорошего, главное пережить это время, сердечный привет Вашим и Нат[алье] Ал[ексеевне].

Ваш А. Бем.

[191] Днем раньше, 26 июля 1919 г., А. Л. Бему было выдано официальное «Удостоверение» в том, что он является «ученым хранителем рукописей Библиотеки Российской Академии наук» и «командирован АН сроком на два месяца в Киев и другие города Украины со срочным поручением собрать сведения о вышедших на Украине книгах и периодических изданиях, а также закупить для Славянского отделения АН книги на украинском и польском языках, вышедшие в период 1917–1919 гг. » «Российская АН, – говорилось далее в «Удостоверении», – просит все правительственные, общественные и ученые учреждения, а также должностных и частных лиц не отказать А. Л. Бему в просвещенном содействии, как в пути следования туда и обратно, так и при исполнении возложенного на него Академиею научного поручения» (LA PNP. F. A. Bem. Kart. 1). Документ имеет три подписи (они неразборчивы), снабжен печатями Российской Академии наук и Комиссариата народного просвещения. Он не только удостоверял личность А. Л. Бема, но и должен был объяснить причину его поездки, что казалось немаловажным в условиях гражданской войны, фронты которой проходили по территории Украины.

23 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев], 8. VIII. [1919].

Дорогой Всеволод Измайлович, доехал благополучно, хотя и с большим трудом. Пришлось и в окна лазить, и на площадке ехать – временами брало отчаяние.

Накануне моего приезда, 30-го, родилась у нас девочка.[192] Так что я все же опоздал на день. Все прошло благополучно, и мать и ребенок здоровы. Ант[онина] Иос[ифовна] еще лежит в больнице; я пока никуда не могу отлучиться из дому, т[а]к к[а]к не на кого оставить Ирину.

Условия жизни здесь очень трудные, несмотря на то, что все можно купить; у нас напр[имер] дома едят едва ли не хуже, чем в Питере. Хлеб уже достиг московской цены, мука –1000 р. пуд, сало – 200 р. ф[унт] и т[ак] д[алее]. В связи с бытом настроение дома подавленное; я рад, что все же удалось доехать – все же вместе и легче сообразить, как выйти из трудного положения.

Устал в дороге очень – почти не ел и не спал. Привет всем, пишите, что у вас. Приехал ли Фед[ор] Ив[анович]? Всего доброго. А. Бем.

24 [А. Бем В. Срезневскому]

[Киев], 12.VIII.[1]919.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович, столько на меня свалилось здесь забот и тревог, что я совершенно растерялся. Неожиданно в состоянии здоровья Антонины Иосифовны наступило ухудшение, температура уже почти неделю дает к вечеру резкие скачки вверх и поднимается до 40°. Врачи никак не

---

[192] Младшая дочь А. Л. Бема Татьяна (1919–1985).

могут поставить диагноза, и поэтому нет настоящего лечения. Она все еще в больнице, ребенок здоров, но и на нем начинает отражаться болезнь матери. Мне приходится все время проводить с Ириной, т[а]к к[а]к дома по утрам никого нет. Дороговизна здесь немалая, а в связи с петербургскими расходами я совсем выбился из бюджета.

Боюсь, что назад приехать нельзя будет, уже сейчас дорога в связи с военными действиями затруднительна. Настроение тревожное и напряженное, чем оно разрешится, покажут ближайшие дни.

Приехал ли Фед[ор] Ив[анович], что у нас в Академии? Привет всем.

А. Бем.

25 [А. Бем В. Срезневскому]

[Прага], 16 апр[еля] 1922.

Христос Воскресе! Глубокоуважаемый и бесконечно дорогой Всеволод Измайлович. Для меня лучшим подарком к празднику была Ваша открытка, кот[орую] получил вчера.[193] Трудно Вам передать, как меня подбодрили Ваши строки. Я к[а]к рыба, выброшенная на берег – нечем дышать. Тоскую по академической обстановке и по любимой работе невероятно. Особенно тяжела разлука с семьей; но, слава Богу, теперь хоть получаю от них письма довольно часто. Я о Вас и всех друзьях кое-что узнал от Серг[ея] Никодимовича, но все это относилось к концу прошлого года.[194] Больше всего меня почему-то беспокоило здоро-

[193] Открытка в фонде А. Л. Бема не обнаружена.

[194] Кондаков Сергей Никодимович (1879 – не позднее 1945), искусствовед, публицист, переводчик, приемный сын академика Н. П. Кондакова, в Чехословакии проживал в 1922–1928 гг., затем переехал во Францию. В письме от 10 ноября 1921 г. академику Н. А. Котляревскому (ИРЛИ. Ф.135. Д.372. Л.9, 9

вье и самочувствие Нат[альи] Алексеевны, передайте ей, что она мне по-прежнему дорога и что часто о ней вспоминал. Как здоровье Надеж[ды] Изм[айловны]? Рад за Вас, что теперь вы вместе. Очень трудно, Вс[еволод] И[змайлович], жить далеко и в полной неизвестности о своих. Много я пережил за эти годы, но самое тяжелое для меня была смерть Алексея Ал[ександрови]ча.[195] У меня было такое чувство, что с его смертью оборвалось навсегда все прошлое, все связанное с Академией. Да и вправду, с ним многое ушло безвозвратно. Я это чувствую по Вашему письму. Часто вспоминаю, к[а]к мы с Вами мечтали о поездке в славянские земли. Очень теперь меня побросало по свету, и все предстало в ином свете. Я к[а]к-то оказался мало способным к жизни вне России. В Праге получил возможность вернуться к научной работе, но все же очень трудно. До чего мы безобразно мало книг своих посылали сюда. Вот здесь-бы поработать над изданием первой книги Вашего отца.[196] Сдал в здешний журнал под ред[акцией] проф[ессора] Мурко[197] рецензию о книге хорвата д[окто]ра Прохаски о Достоевском.[198] Готовлю еще статью о Д[остоевско]м. Нельзя-ли мне как-нибудь получить копию дневника Сусловой?[199] В субботу читаю публичную лек-

продолж..

об.) Кондаков–старший просил помочь в организации приезда к нему в эмиграцию сына.

[195] А. А. Шахматов скончался 16 августа 1920 г.

[196] Первой книгой, единолично изданной И. И. Срезневским, были «Словацкие песни» (Харьков, 1831).

[197] Речь идет о журнале «Slavia», основанном в 1922 г. в Праге; одним из основателей журнала был словенский славист Матия Мурко (1861–1952), с 1920 – профессор южнославянских языков и литератур пражского Карлова университета.

[198] *Бем А. Л.* [Rec.:] Prohaska D. Fjodor Michajlovič Dostojevski: Studija o sveslavenskom čovjeku. - Zagreb, 1921 // Slavia. Roč. 1. - Praha, 1922/1923. - Seš. 4.

[199] Речь идет об обнаруженном А. Л. Бемом в 1918 г. среди рукописных материалов Российской Академии наук дневнике писательницы А. П. Сусловой, в значительной степени посвященном Ф. М. Достоевскому. Дневник был опубликован с примечаниями друга Бема А. С. Долинина (см. о нем письмо № 31, примеч. № 243) в 1928 г. в Ленинграде в сборнике произведений Сусловой «Годы близости с Достоевским». А. Л. Бем остался недоволен тем, что о его

цию о Толстом. Очень меня радует, что Толстовский сборник[200] наконец увидит свет. Как бы хотелось опять с Вами работать. Передайте всем своим, Нат[алье] Алекс[еевне], [нрзбр], Фед[ору] Ив[ановичу] и всем, кто меня помнит, сердечный привет. Серг[ею] Фед[оровичу] спасибо, что вспомнил о моей работе. Сердечно Ваш А. Бем. Praha. Král[ovské] Vinohrady. Korunní třída 49, paní Pavelková.

26 [А. Бем В. Срезневскому]

21. IX.[19]22.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович,

я просьбу Вашу относительно книг выполнил, и мне обещали, что на следующий день книги будут высланы. Получило ли Славянское отд[еление] №1 журн[ала] «Slavia»? Проф[ессор] Мурко журнал выслал по адресу Академии, но дошел ли он по назначению? Я избран философским факультетом Карлова университета лектором русского языка и, вероятно, в октябре приступлю к занятиям. Меня это радует, так как установятся более тесные связи с профессурой и со студентами. Русскую литературу читают проф[ессора] Францев[201] и Е. А. Ляцкий.[202] Сейчас идет работа

продолж.:

что о его роли в обнаружении дневника Сусловой ни Долининым, ни другими литературоведами, оставшимися в России, не упоминалось. См.: *Бем А. Л.* Достоевский и Суслова.: (Письмо в редакцию) // Последние новости. Париж, 1925. 12 июня. № 1574.

[200] Очевидно, имеется в виду второй том сборника «Толстой: Памятники творчества и жизни» (Пг., 1920), о выходе которого, как видно из последующих писем, А. Л. Бем не знал.

[201] Францев Владимир Андреевич (1867–1942), историк-славист, специалист по истории Чехии. После Октября 1917 г. выехал из Советской России, с 1921 г. – профессор Карлова университета в Праге.

[202] Ляцкий Евгений Александрович (1868–1942), историк русской литературы, этнограф. В годы эмиграции – профессор русского языка и литературы Карлова университета в Праге, основал и в 1923–1926 гг. руководил пражским

над организацией Славянского семинария,[203] при котором подбирается довольно хорошая библиотека на русском языке. Не помню, писал ли я Вам, что в Лондоне выходит «Slavonic Review», первый № которого уже вышел (адрес: King's College, Strand, London, W.C.2).[204] Мазон,[205] при встрече с которым мы вспоминали Вас, редактирует «Revue des études slaves»,[206] в 1 т[оме] которого он опубликовал несколько писем Достоевского к Тургеневу периода 1863-1865 гг. Здесь предположено издание журнала «Славянское искусство» под ред[акцией] С. К. Маковского.[207] Журнал задуман широко и интересно, но боюсь, что слишком широкий план его и загубит. Печататься будет гл[авным] обр[азом] на русском яз[ыке], но отдельные статьи предположено давать и в переводах на другие славянские языки. К участию привлекаются деятели искусства и литературы всех славянских народов. Мысль очень интересная, материальная сторона для начала, кажется, тоже обеспечена, но не ясно, удастся ли найти и объединить необходимые силы.

Неужели Рук[описное] отд[еление] совсем выедет в новое здание и я уже не застану дорогой мне обстановки. Мне все кажется, что я [в] один прекрасный день приду и все, даже на моем столе, застану на привычном месте. Сам понимаю, что так думать нелепо, что прошлого не вернуть, но невольно живу ста-

продолж..

издательством «Пламя».

[203] Имеется в виду семинар по славянской филологии, созданный в 1922 г. при Карловом университете по инициативе М. Мурко.

[204] Первый номер журнала вышел в 1922 г., с 1928 г. выходит под названием «The Slavonic and East European Review».

[205] Мазон Андре (1881–1967), французский славист, историк русской литературы. В 1905–1908 гг. жил в России, преподавал в Харьковском университете, в 1919–1923 гг. – профессор Страсбургского университета.

[206] Журнал, основан в 1921 г. А. Мазоном совместно с А. Мейе и П. Буайе. Выходит в Париже. В первой половине 1920-х гг. А. Мазон был ответственным секретарем журнала.

[207] Маковский Сергей Константинович (1868–1962), русский художественный критик и писатель, жил с 1920 г. в эмиграции в Праге, с 1926 г. – в Париже. Замысел издания журнала «Славянское искусство» не осуществился.

рым. Что с Катей и Федором?[208] Где Шура и что с ним? Если Ан[на] Конст[антиновна] в Петербурге, передайте ей привет. При случае передайте С[ергею] Ф[едоровичу], что я с большой благодарностью вспоминаю его доброе отношение ко мне. Будьте здоровы и душевно бодры. Сердечный привет О[льге] И[змайловне] и Л[юдмиле] И[змайловне].[209] От Н[атальи] А[лексеевны] хотелось бы получить весточку.

Любящий Вас А. Бем.

27 [А. Бем В. Срезневскому]

3. X.[19]22.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович, получил Вашу записку, которую Вы переслали в письме проф[ессору] Францеву. Для меня каждая строчка от Вас большая радость; как-то душевно крепче себя чувствую, а это в моей жизни здесь значит очень и очень много. Бандероль с книгами пришла, большое, большое Вам спасибо. Я не знал, что второй сборник «Толстого» вышел и особенно обрадовался ему. Так ярко вспомнил время, когда мы над ним работали. Подготовляли ли Вы материалы для 3-го и думаете ли продолжать, – ведь непременно надо. Мне кажется, что теперь возможность есть, м[ожет] б[ыть] печатать за границей, а подготовить на месте? Я мечтаю о том дне, когда снова смогу Вам помочь в работе и над сборником, и по музею. Указатель[210] почти столько же Ваша работа, как и моя.

---

[208] Здесь и далее А. Л. Бем, судя по публикуемому ниже письму В. И. Срезневского от 14 декабря 1922 г. (см. № 28), перечисляет сотрудников Библиотеки Академии наук. Возможно, он, в частности, имеет в виду «служителя» Громова Федора Васильевича (работал в библиотеке с 1909 по 1920 г.) и его супругу или родственницу Катю. Сведений о Шуре разыскать не удалось.

[209] Срезневская Л. И. (скончалась в 1930 г.), сестра В. И. Срезневского, ведавшая хозяйством семьи Срезневских, хранительница семейных преданий.

[210] Имеется в виду «Библиографический указатель творений Л. Н. Толстого»,

Меня очень угнетала мысль, что большая работа, восстановить которую очень трудно, может пропасть. Теперь я спокоен; знаю, что и сам бы не сделал так, как сделаете Вы, дорогой Всеволод Измайлович. Я только очень прошу Вас снабдить указатель своим предисловием, в котором можно бы отметить те условия, в каких пришлось вести работу, а также непременно отметить свое участие. У меня странное чувство – то, что моя работа печатается и выйдет без меня заставляет к[а]к-то бодрее себя чувствовать, точно частица моего я там с Вами, в близкой и родной мне академической обстановке. Я и здесь живу так, точно нахожусь в академической командировке, все прикидываю, чем смогу в будущем оказаться полезен. Присматриваюсь к здешним людям и работе, завязываю научные отношения; сейчас прошел 6-ти месячные курсы чешского языка. Все это может пригодиться, так думаю про себя. К сожалению, условия не так благоприятны, как хотелось бы, но все же думаю, что время не потеряю совсем зря. Если, можно, пришлите таким же порядком ваши работы в связи с выставкой памяти Вашего отца,[211] их здесь нигде нету, а хотелось бы дать в Музей[212] и Университет[скую] библиотеку. Меня поразило, до какой степени мы мало заботились о снабжении нашими книгами здешние книгохранилища. Если период первых установлений научных связей представлен чрезвычайно хорошо, то, начиная с 80-х годов, дело обстоит очень плохо. Даже академических изданий многих и многих нет здесь. Над этим в будущем надо будет очень поработать. Я сейчас здесь организую частную русскую библиотеку.[213] Смотрю на это

продолж..

см. о нем письмо № 16, примеч. № 154.

[211] Выставка в память столетия со дня рождения И. И. Срезневского была открыта 20 января 1913 г. в Малом конференц–зале Петербургской Академии наук, она была приурочена к торжественному публичному заседанию Академии, посвященному этому юбилею.

[212] Имеется в виду Национальный музей в Праге.

[213] Об организации А. Л. Бемом частной русской библиотеки никакими конкретными данными мы не располагаем, однако следует иметь в виду, что в 1920-е гг. в Праге существовало несколько русских библиотек, в организации которых он мог принимать участие. Об этих библиотеках см.: *Постников*

дело так – мы уйдем, а книги ведь останутся, значит надо приложить все усилия, чтобы библиотека осталась вкладом для будущего. Работаю сейчас больше над Достоевским. Вышла, кажется я Вам писал, в Загребе книга д[окто]ра Прохаски, во многом интересная. Дал о ней подробную рецензию[214] в журнал «Slavia», кот[орый] издается здесь под ред[акцией] проф[ессоров] Мурко и Гуера.[215] Печатается он на всех славянских языках и сейчас заменяет Ягичевский «Архив».[216] Первый № уже вышел, не знаю, дошел ли он до Академии. Если-бы была возможность переслать рукописи, то можно бы кое-что в нем напечатать. Может быть Вы бы прислали что-нибудь из Ваших работ? С проф[ессором] Мурко я видаюсь часто и знаю, что он особенно дорожит сотрудничеством из России. Очень важно получать и критику о научных работах Академии. Серг[ей] Фед[орович] мог бы помочь в этом деле. Другую работу о Достоевском печатаю сейчас в одном берлинском сборнике.[217] Вы не думайте, что я забросил Толстого, здесь просто над Толстым работать трудно, тем более что к работе над Толстым я подхожу по-иному – хочется работать над рукописями. У меня появилась надежда, что моим удастся получить разрешение на переезд сюда. Я очень истосковался и даже боюсь верить, что, может быть, скоро снова будем вместе. Много трудного мне пришлось пережить за эти годы, Всеволод Измайлович, но, кажется (самому судить трудно), в основном изменился не очень. Конечно, время должно было наложить печать свою, многое воспринимаю поиному, к[а]к-то по особенному чувствую ответственность

продолж.

С. П. Русские в Праге, 1918–1928 гг. - Прага, 1928.

[214] См. письмо № 25, примеч. № 198.

[215] Гуйер Олдржих (1880–1942), специалист по истории чешского и других славянских языков, профессор Карлова университета в Праге.

[216] Имеется в виду «Archiv für slavische Philologie» - наиболее авторитетный славистический журнал конца XIX – начала XX вв., издававшийся в Берлине в 1875–1920 гг. академиком В. Ягичем (в 1922–1929 гг. издание продолжалось под редакцией Э. Бернекера).

[217] См. статью А. Л. Бема «Тайна личности Достоевского» в сборннике «Православие и культура» (Берлин, 1923).

за свою жизнь, но не теряю веры в лучшее будущее. Ну, храни Вас Христос. Еще раз спасибо за письмецо. Нат[алье] Алекс[еевне] сердечный привет, очень хочу получить от нее весточку. Рад, что Ваши все здоровы, как бы хотелось по-прежнему провести вечерок у Вас. Передайте от меня всего доброго. А. Бем

28 [В. Срезневский А. Бему]

14. XII. 1922.

Дорогой Альфред Людвигович!

Давно нет от Вас вестей. Напишите, очень хочу знать про Вас. Тр[етьего] дня я вернулся из Москвы, где пробыл с неделю и, знаете, между проч[им] познакомился с Вашим братом:[218] случайно узнал, что он может помочь охране детского дома Нат[альи] Ал[ексеевны],[219] к[отор]ому грозит уничтожение, и вот пошел к нему, и рад был увидеть в нем черты, напоминающие Вас – выпуклый лоб, отчасти глаза – светлые по цвету и растительность на лице, говорил с ним про Вас и о возможности возврата; начало нужно от Вас. – Ваш список[220] все еще не напечатан, не набрано д[о] с[их] п[ор] мое дополнение и указатель неправильных названий и предисловие, к[отор]ое, кажется, просто застряло у Сер[гея] Фед[оровича].[221] Я последние два месяца был занят совсем особой работой – мне было поручено руководство перевозкой б[иблиоте]ки [в] новое здание,[222] и вот в теч[ение] 1 месяца удалось перевезти все русское книжное отделение и в таком порядке, что сразу началась выдача книг; это, говорят, по быстроте и порядку нечто беспримерное, т[ак] что Конферен-

---

[218] См. письмо № 6, примеч. № 124.

[219] См. письмо № 17, примеч. № 161.

[220] См. письмо № 16, примеч. № 154.

[221] См.. письмо № 19, примеч. № 180.

[222] См. письмо № 12, примеч. № 141.

ция Акад[емии][223] даже изъявила свою благодарность всем нам, участникам этого дела. Другая моя работа, к[отор]ую я вел по вечерам в те же месяцы – это канва жизни Л. Н. Толстого для I т[ома] Полн[ого] собр[ания] сочин[ений],[224] работа очень интересная, хотя и трудная. Вы спрашивали меня как-то про наших старых библиотечных: все умерли... Петр, Федор, Осип, Дм[итрий] Всеволодов, Станислав,[225] во время революции умер Ал[ександр] Осип[ович], умер Дм[итрий] Ник[андрович] Михайлов. Немного осталось нас старых, помнящих и соблюдающих традиции; вошли всюду люди новые и м[ежду] пр[очим] отрицательные. Никогда я не думал, что приглашенная мною известная Вам Н.Г. Богданова[226] могла бы внести такой разлад в момент несчастия. Из-за нее много тяжелого приходится переживать. Будьте здоровы. Ваш, душевно Вас любящий, В. Срезневский.

---

[223] Конференциями Академии наук до Октября 1917 г. и в первые десятилетия Советской власти назывались общие собрания академиков (теперь официально именуемые Общими собраниями РАН).

[224] «Канвой» В. И. Срезневский назвал краткую хронику событий жизни Л. Н. Толстого. Она была сначала опубликована отдельно как издание Толстовского музея Библиотеки Академии наук под названием «Канва жизни Толстого: Краткое извлечение из работы В. И. Срезневского «Нить жизни Толстого» » (Л., 1928), а затем вошла в заключительный, 15-й том «Полного собрания художественных произведений» Л. Н. Толстого (М.; Л., 1930).

[225] Предположительно речь идет о «служителях» П. Г. Гаврилине и С. М. Пашкевиче (о них см. письмо № 18, примеч. № 173), «служителе» Ф. В. Громове (о нем см. письмо № 26, примеч. № 208) и служителе Петровском Иосифе Ивановиче (работал в библиотеке в 1888-1921 гг.) Сведений о Дмитрии Всеволодове разыскать не удалось

[226] Богданова Надежда Григорьевна, сотрудница Рукописного отделения Библиотеки Академии наук. Впоследствии в одном из писем к В. Д. Бонч-Бруевичу (ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 338. Д. 18. Л. 60) В. И. Срезневский писал, что она «давняя моя помощница по Рук[описному] отд[елению], дельный человек и хорошая знакомая».

29 [А. Бем В. Срезневскому]

[Zbraslav], 3 марта 1923.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович,

до чего трудно писать в условиях полной разобщенности и невозможности даже представить себе живо и подлинно обстановку, а главное душевное настроение, в каком Вы и близкие мне по духу живут. Создается какая-то пустота, которую как-то неловко заполнять словами. Я глубоко верую, что встретимся, посмотрим друг на друга и поймем без лишних слов, что жизнь сложилась так у каждого в силу условий, вне его воли лежащих. Я часто вспоминаю, как Алексей Александрович, придя ко мне на свидание, только и сказал: «...давайте помолчим», и это молчание мне более понятно, чем многие и значительные слова. Потому-то я и не боюсь, что невольная разлука положит непроходимый след в отношениях с мне близкими людьми. Было бы только прочное в прошлом и сохранилась бы с обеих сторон «душа жива».

Со времени приезда семьи я себя чувствую спокойнее, хотя главное, тоска по работе, не ослабевает. Но в этом вопросе мне друзья помочь не могут. Если Вам эти годы дались трудно, то и нам было нелегко; думаю, на весах этого не взвешивается, надо только понять друг друга.

Работа заполняет время и не дает возможности полностью уходить в себя; в этом положительная сторона моей занятости. Удручает мысль, что оторван от своей непосредственной работы, раздражает суета и многочисленность всяких дел, лежащих на мне. Кажется я уже писал Вам, что получил лектуру в университете. У меня семь часов лекций в неделю и работаю я с удовольствием. Аудитория небольшая, но очень старательная. Главное, останется след и м[ожет] б[ыть] часть слушателей через язык сможет ближе подойти к русскому народу. По литературе

иногда читаю лекции в русско-чешском объединении[227], аудитория главным образом чешская. Сейчас собираюсь одну работу о Достоевском переводить на чешский и поместить в к[аком]-л[ибо] научном журнале. Переписываюсь изредка с Вл[адимиром] Ник[олаевичем],[228] совсем недавно получил от него длинное письмо.

Толстовский сборник я передал для ознакомления Вилинскому,[229] он писал о педагогических взглядах Толстого и живо им интересуется. Интерес к Толстому и Достоевскому очень большой. Вскоре устраивают большой вечер, посвященный Толстому. Вышел № 2 «Slavia», дошел ли он до Академии? В нем моя рецензия о книге Прохаски о Достоевском. Попытаюсь переслать Вам оттиск. Другая статья «Тайна личности Д[остоевского]» появилась в берлинском сборнике «Православие и культура».

Живу в часе езды от города. Место очень хорошее, особенно хорошо детям.[230] Я очень устаю от частых поездок в город. Мои все здоровы, и дети поправились и окрепли. Жаловаться на условия жизни мне не приходится, живу очень скромно, но не нуждаюсь. Удается даже от поры до времени помогать оставшимся посылками (Вилинский кланяется М. М. Бахтину,[231] передайте ему при случае). Не можете ли Вы переслать заказной бандеро-

---

[227] Речь идет о культурно-благотворительном объединении «Česko-ruská jednota» (1919-1939). См.: введение, примеч. № 73.

[228] Имеется в виду В. Н. Бенешевич (о нем см. письмо № 1, примеч. № 104).

[229] Вилинский Сергей Григорьевич (1876–1952), историк русской литературы, до 1920 г. профессор Одесского университета. Эмигрировал в Болгарию, с 1923 г. обосновался в Чехословакии, был профессором русской литературы университета в Брно.

[230] А. Л. Бем с семьей поселился в городке Збраслав к югу от Праги, где в это время существовала довольно большая русская эмигрантская колония. Квартиры здесь были значительно дешевле, чем в столице, до Праги было легко добраться по железной дороге. Збраславский адрес Бемов приведен в конце письма.

[231] Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975), литературовед и историк искусства, философ. С 1913 г. учился на Историко–филологическом факультете Новороссийского университета, где в то время преподавал С. Г. Вилинский.

лью описание выставки[232] и биографический очерк Ваш об отце?[233] Здесь об этих изданиях ничего не знают.

Грустно стало после Вашей последней открытки. Ведь почти все вымерли; даже страшно подумать, что найдешь совсем чуждую обстановку. Мне неясно – Нат[алья] Ал[ексеевна] совсем оставила библиотеку или только на время уехала? Мне бы очень хотелось хоть несколько строчек, ее рукою написанных, получить. А отн[осительно] Мамышевой, о ней Вы ничего не сообщаете. Осталось ли Рукописное отделение в Ротонде[234] или уже переведено в новое здание? Помните, мы очень огорчались возможностью этой перевозки. Кто, кроме Вас, работает в Толстовском музее? Я готов засыпать Вас массою вопросов о всех мелочах – они меня очень интересуют. Хочется конкретности, чтобы представить и живо ощутить Вашу жизнь. Передайте сердечный привет Вашим сестрам, Нат[алье] Ал[ексеевне] и всем, кто меня помнит. Читал в выдержках подробный отчет Серг[ея] Фед[оровича].[235] Как его здоровье? Когда я уезжал, он выглядел очень скверно. Хотелось бы очень, чтобы Толстовский список увидел свет. Ну, храни Вас господь, будьте здоровы. Пишите, Всеволод Измайлович, жена кланяется.

Искренне любящий Вас А. Бем

---

[232] Описание выставки в память столетия со дня рождения И. И. Срезневского, 1812–1912. - СПб., 1913.

[233] *Срезневский В. И.* Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского. Пг., 1914. - (Оттиск из сборника: Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн.1).

[234] До переезда Библиотеки Академии наук в новое здание Рукописное отделение размещалось в ротонде (или ротунде) – круглом зале в центре Петровской Кунсткамеры.

[235] С. Ф. Ольденбург, будучи до 1928 г. непременным секретарем Академии наук, ежегодно составлял подробные печатные отчеты о деятельности Академии, выходившие отдельными книжками. Поскольку А. Л. Бем пишет, что знакомился с одним из отчетов в выдержках, он, видимо, имел в руках не полный его текст, а более или менее подробное изложение в каком-то периодическом издании.

Zbraslav (u Prahy), villa «Maruška", č.117.

30 [В. Срезневский А. Бему]

5. XII. [19]24.

Дорогой А[льфред] Л[юдвигович]. В старой нашей ротунде ок[оло] Вашего стола нашелся сверток с какими-то метал[лическими] сосудами – солонки, вазочка или что-то в эт[ом] роде: Ваше ли это, или м[ожет] б[ыть] вспомните чье? Потом нашелся еще ящичек с сахаром; теперь это не редкость, а было время – так ему и цены не было; я думаю, его можно использовать? А что с вещами делать – не знаю. В рот[унде] теперь голо и пусто; там чужие и даже иноплеменные царят; а мы в новых хоромах – и довольны. Если б Вы увидели, как Р[укописное] о[тделение] обставилось, залюбовались бы! И так широко мы расселись и просторно. – Доехал ли до Вас сборн[ик], в к[отор]ом Вы когда-то принимали участие,[236] и понравился ли Вам, и доехал ли Т[олстовский] сб[орник] 4-й?[237] Мне очень грустно, что не имею от Вас лично никаких вестей, но что же поделать? Получил оттиск[238] и благодарю Вас; статьи я читал раньше в журнале. Работаю над Т[олстым] вместе с двумя Вашими товарищами по унив[ерситету]. М[ожет] б[ыть] про это читали в газетах, если они доходят до Вас. Жду письма, если не от Вас, то от А[нтонины] И[осифовны] и если не мне, то м[ожет] б[ыть] как прежде она писала. Как бы я хотел видеть Вас и здесь – особенно, и там у Вас, если б когда довелось побывать там. Все Вам

---

[236] Имеется в виду сборник «Толстой: Памятники творчества и жизни» (Пг., 1920. Т. 2), где опубликованы статьи А. Л. Бема «Обзор изданий педагогических статей Л. Н. Толстого» (С.151–161) и «О «Цветнике» » (С.180–183).

[237] Т. 4 той же серии, изданный там же в 1923 г.

[238] Имеется, видимо, в виду оттиск рецензии А. Л. Бема из журнала «Slavia», указанной в письме № 25, примеч. № 198.

кланяются, и домашние, и друзья Ваши. Ваш С[резневский] В[севолод].

Нельзя ничего нам получать по Т[олстому] для муз[ея].

31 [А. Бем В. Срезневскому]

[Збраслав, 1. II. 1925].[239]

Адрес для посылки книг: Redakce časopisu «Slavia» Praha V, Břehová 5. Очень прошу прислать Толст[овские] сборники №1,3,4 и 5 (если вышел) и сборник, Вам посвященный.[240] Большое спасибо за весточку – взволновало и растрогало. Привет сердечный Вашим сестрам и Наталии Алексеевне. Не собирается ли она написать о себе? Как-бы хорошо было, если бы Вы получили отпуск и посетили Прагу.

Сегодня, 1 февраля получил сборник, Вам посвященный, спасибо. Не может ли Б. Л. Модзалевский прислать мне последние выпуски (с 1919 г.) «Пушк[ин] и его совр[еменники]»[241], их здесь

[239] Этот текст А. Л. Бема является припиской к письму А. И. Бем, датированному 29 января 1925 г. Письмо хранится в РГАЛИ, Ф. 436. Оп. 1. Д. 2580 а. Л. 2-2 об. Оно публикуется в Приложении, см. № 53.

[240] Вып 5 сборника «Толстой: Памятники творчества и жизни» в свет не вышел. Точное название сборника, посвященного В. И. Срезневскому: Историко-литературный сборник: Посвящается В. И. Срезневскому (1891–1916). - Л., 1924. Видимо А. Л. Бем начал свою приписку до получения от В. И. Срезневского сборника, скорее всего 29 января, и именно поэтому в письме содержатся и просьба прислать сборник, и одновременно сообщение о его получении.

[241] Пушкин и его современники: Материалы и исследования. - СПб.; Л., 1903–1930. Вып.1–39. Член-корреспондент Академии наук, один из создателей и старший ученый хранитель Пушкинского дома Борис Львович Модзалевский (1874–1928) был организатором и фактическим редактором этого издания.

нигде нет и сборник, посвященный С. А. Венгерову.[242] Напечатал ли Долинин[243] дневник Сусловой, жду с нетерпением. Первый сборник его[244] у меня есть. Дошла ли до него моя статья о «Вечном муже» Достоевского?[245] Неужели мой Толстовский список окончательно погиб, было бы ужасно обидно. Хотелось-бы получить Толстого, к[о]т[орого] Вы с Б. М. Эйх[енбаумом] редактируете.[246] Я слежу довольно внимательно за работой у Вас, но многое не доходит. Если бы друзья сами посылали, легче было бы своевременно отмечать в здешней печати. Из переписки Толстого с Боткиным извлек для чешской газеты довольно много.[247] Вырезки, к[о]т[орых] накопилось много, не пересылаю, т[ак] к[ак] боюсь, что пропадут. Сделаю, как посоветуете. Работаю, как могу. На большую работу не хватает. Причины разные, м[ожет] б[ыть] как это ни странно, нам, живущим как-будто в лучших внешних условиях, труднее дается работа. Часто с завистью слежу, сколько сделано за эти годы друзьями по литературной работе, а больше радуюсь. Как ребенок радуюсь, что до сих пор печатаюсь в России, но полученная статья о Лермонтове[248] – последнее, если погиб Толст[овский] список. Храни вас

---

[242] Пушкинский сборник: Памяти проф.С. А. Венгерова. - М.; Пг., 1922.

[243] Долинин (псевд., настоящая фамилия Искоз) Аркадий Семенович (1883–1968), литературовед, автор ряда работ о творчестве Ф. М. Достоевского.

[244] Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. - Под. ред. А. С. Долинина. Пг., 1922. Вып.1.

[245] *Бем А. Л.* Развертывание сна: («Вечный муж» Достоевского) // Ученые записки Учебной коллегии в Праге. Прага, 1924. Т.1. Вып.2.

[246] Речь, видимо, идет о «Полном собрании художественных произведений» Л. Н. Толстого в 15 томах (первое издание вышло в 1928–1930 гг.), одним из редакторов которого был Б. М. Эйхенбаум, а составителем примечаний – В. И. Срезневский.

[247] Переписка была впервые опубликована в сборнике «Толстой: Памятники творчества и жизни» (М., 1923. - Вып. 4). Боткин Василий Петрович (1811–1869), писатель, критик, переводчик.

[248] *Бем А. Л.* «Самоповторения» в творчестве Лермонтова // Историко-литературный сборник: Посвящается В. И. Срезневскому (1891–1916). Л., 1924.

всех, дорогих и близких, судьба. Кого увидите, напомните обо мне. А хорошо-бы увидиться, только когда? Ну, до свидания. Искренне Ваш [А.Бем]

32 [В. Срезневский А. Бему]

22. II. [19]26.

Дорогой, родной мой Альфред Людвигович!

Как рад я был получить от Вас письмо, как бы хотел Вас увидеть, поговорить с Вами и м[ожет] б[ыть] погоревать. По почерку моему Вы видите, что болезнь сильно хватила меня: ведь удар произошел со мной в середине февр[аля] прошлого года; и до сих пор я пишу левой рукой. Я застрял в Москве на целых 4 1/2 месяца, а поехал туда на несколько дней. Отчего произошла болезнь точно сказать не могу: тут было много причин и в Питере, благодаря академич[еским] неприятностям, и в Москве - московским сплетням. Я захворал у Ал[ександры] Льв[овны][249] и, думаю, только благодаря ее и д[окто]ра Никитина[250] энергии, остался жив. День или два я был на рубеже со смертью; потом одолел. А[лександра] Л[ьвовна] продержала меня ночь, на утро перевезли в клинику Россолимо,[251] д[окто]ра который поставил по просьбе Л. Н. Т[олстого] диагноз С[офье] А[ндреевне][252] –

---

[249] О ней см. письмо № 17, примеч. № 159.

[250] Никитин Дмитрий Васильевич (1874–1960), в 1902–1904 гг. домашний врач Л. Н. Толстого и его семьи, впоследствии поддерживал дружеские связи с семейством Толстых, периодически участвовал в лечении болезней писателя и его родственников.

[251] Клиника Россолимо – клиника нервных болезней под руководством невропатолога и психиатра, одного из основоположников детской неврологии Григория Ивановича Россолимо (1860–1928).

[252] Толстая Софья Андреевна (1844–1919), жена Л. Н. Толстого; в 1910 г. по просьбе Толстого была осмотрена Г. И. Россолимо, который определил у нее нервное заболевание.

помните? В Москву через 3 дня приехала Нат[алья] Ал[ексеевна], потом ее сменила Над[ежда] Изм[айловна]. Когда я получил понемногу возвращение речи, увидел, что я спасен и Нат[алья] Ал[ексеевна] почувствовала, что я тот же; это было неделю или полторы. И с того времени понемногу началось поправление медленно, тихо и вот до сих пор идет. М[ожет] б[ыть] и поправился бы скорее, если бы не постоянная служба с конца сентября, соединенная с всякими волнениями, происходящими из-за новых порядков, превративших Б[иблиоте]ку в громадное, больше нужды, учреждение, все это влияет на поправку. Болезнь моя, близкая к смерти, приблизила меня к товарищам по Рук[описному] отд[елению], приблизила потому, что они почувствовали, что я ухожу от них и пожалели; много я получил от них писем таких, какие не пишутся, а выливаются; чувствуется, что писались они куда-то далеко и я чувствовал, что пишут издалека.

Теперь я старик; благодаря тому, что за болезнь не потерял памяти (это великое благо), я хочу передать то, что помню, что знаю; и к этому я стремлюсь всеми силами. Как мне Вас недостает!

Эти последние дни, после 2-х месячного перерыва, я опять получил работу по списку твор[ений] Толстого;[253] опять прислали корр[ектуры], и с начала. Теперь похоже, что хотят кончить; впрочем, это много раз. Думаю, не попытаться ли послать корр[ектуры] Вам, хоть чтоб Вы увидели и между проч[им] мое предисловие . Я думаю, это возможно. – Как люди изменились здесь, в Академии, не узнать; напр[имер] Ольденбург – беда.*

У нас дома тяжелая болезнь Оли; парез – то же, что у меня; но лета ее на 22 года превышают мои. Сестры хлопочут все время.

Прощайте, милый Альфред Людвигович, кланяюсь Антонине Иосифовне. Какие большие д[олжны] б[ыть] девочки Ваши. Ваш В. Срезневский

---

[253] См. письмо № 16, примеч. № 154.

Сестры и Нат[алья] Ал[ексеевна] кланяются Вам. Нат[алья] Ал[ексеевна] хворает последнее время. Письмо к ней от Антонины Иосифовны пропало, пропала и Ваша открытка. Пока лучше вырезок не посылайте, боюсь, чтоб не пропали.

*Не думайте, что все это написано непоследовательно: это невольно вырвалось.

33 [В. Срезневский А. Бему]

4 окт[ября] [19]26.

Дорогой Альфред Людвигович! Что так долго от Вас нет вестей? Откликнитесь! Вам хотелось бы получить «Обозрение труд[ов] по славяноведению»,[254] но Вы не сказали, какой выпуск и сколько. Ваш последний выпуск, который, думаю, наиболее нужен Вам, нигде не могу отыскать; он, кажется, вышел в 1918 г. и, мне кажется, был в Рукопис[ном] отд[елении]. Вып[уск] 1913 г. Фасмера,[255] Лисовского[256] и еще кого-то, вышедший в 1915 г., удалось найти. Еще нашел связку писем к Вам; что с ними делать? Получили ли предисловие? Я все ждал от Вас отзыва. Теперь уже подписал к печати. В прошлом году посылал я Вам на просмотр некоторые листы Списка, да не дождался Ваших указаний. Вероятно, скоро теперь, после семилетнего лежания, Список выйдет в свет. А много таки с ним было возни и хлопот; еще

---

[254] См.: письмо № 1, примеч. № 104.

[255] Фасмер Макс (1886–1962), немецкий языковед-славист, профессор многих европейских университетов. В 1909–1917 гг. преподавал в Санкт-Петербургском университете, сотрудничал в изданиях Петербургской Академии наук.

[256] Лисовский Станислав (1880–1964), польский библиотекарь и архивист, в 1912–1917 гг. работал в Библиотеке Академии наук в Петербурге с польской литературой.

помогал очень хороший корректор – племянница Б. М. Ляпунова,[257] академика. Мне очень досадно, что не удалось с Вами повидаться Лященку,[258] к[отор]ый летом был в Праге довольно долго; он интересный человек и хороший исследователь былин, могу и должен сказать сильнее – отличный и оригинальный разыскатель.

Я летом был в Сухуме с Нат[альей] Алекс[еевной], лечился и много поправился, но все еще не совсем. Нат[алья] Ал[ексеевна] теперь оставила свой детский дом; когда прежде в 1900[-е] гг. боролись с властью, было еще просто; что теперь, и представить не можете. А жаль ей было покидать свое детище – сначала; сначала воевала, думала – сумеет сделать по-своему. Я рад, что она покинула, хоть отдохнет немного. Прощайте, милый Альфред Людвигович. Будьте здоровы. Кланяюсь Антонине Иосифовне, сестры мои и Нат[алья] Ал[ексеевна] шлют Вам поклоны. Ваш В. Срезневский.

---

[257] Ляпунов Борис Михайлович (1862–1942), славист, профессор Одесского университета, в 1923 г. избран академиком Российской Академии наук, в 1924–1929 гг. профессор Ленинградского университета, с 1930 г. работал в Академии наук, был членом польской, болгарской и чешской Академий наук. Сведений о племяннице Б. М. Ляпунова разыскать не удалось.

[258] Лященко Аркадий Иоакимович (1871–1931), историк русской и украинской литератур, заведующий Славянским отделом Библиотеки Академии наук. С 1926 г. – член-корреспондент Украинской, с 1928 г. – Российской Академий наук. В 1926 г. командирован в Чехословакию и Польшу, участвовал в Международном конгрессе библиотекарей и друзей книги в Праге.

34 [А. Бем В. Срезневскому]

29 ноября 1926.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович,

Получил Ваше письмецо, очень ему обрадовался и, как всегда, переволновался, несмотря на то, что уже столько лет прошло со времени моего отъезда, очень болезненно переживаю всякий раз сознание, что судьба меня так нелепо отрезала от Академии. Еще недавно снилось, что вновь вернулся в Рук[описное] отд[еление], но все никак не могу приспособиться к новой обстановке – все загромаждено и переставлено, а главное, никак Вас не могу найти, чтобы наговориться. Я так конкретно себе представил во сне задние ряды – штабеля, где лежали еще не описанные ц[ерковно]-сл[авянские] книги, точно вчера оторвался от работы. Ну, да что вспоминать; ведь река вспять не течет.

Я после пожалел, что не повидался с Лященком, меня уже не было в Праге, когда он приехал. В Междунар[одном] книжном съезде я принимал участие и читал тогда доклад о «задачах славянской библиографии». При случае, передайте В. Н. Бенешевичу, что в докладе вспомнил опыт «Обозрения трудов по славяноведению» и во время работы над ним неоднократно вспоминал нашу совместную работу. Доклад будет напечатан в «Трудах съезда»;[259] по крайней мере, корректуру уже имел.

Лето мы провели во Франции, у океана, на маленьком островке «Ile d' Oléran». Довольны остались очень, особенно хорошо было детям. Мне тоже надо было несколько изменить обстановку жизни и отдохнуть. В нашей здешней жизни самое досадное, это вечная суета, разнообразие всяких якобы дел, к[о]т[орыми]

---

[259] См.: *Бем А. Л.* Задачи славянской библиографии // Congrès international des Bibliothécaires et des Amis du livre tenu a Prague du 28 juin au 3 juillet 1926. - Praha, 1928. - T. 2.

в сущности люди забивают тоску по настоящему делу, оставленному дома. Уйти от этого невозможно; трудно в письме объяснить до конца почему, но я, по крайней мере, не могу, сидя здесь, замкнуться в свою скорлупу и заниматься только тем, чем м[ожет] б[ыть] следовало бы. Правда, ведь это мой постоянный грех, от кот[орого] я сам больше всего и страдаю. Вам, наверно, Т. Ал.[260] рассказывала о моей работе в Семинаре по Достоевскому.[261] Веду его в нынешнем году, и прочел часть своей работы о «Двойнике».[262] Отдаю ее в «Slavi'ю», надеюсь, что проф[ессор] Мурко ее примет. С печатанием и здесь очень трудно. Издателя для небольшого сборника своих статей о Достоевском на русск[ом] яз[ыке] не мог найти. Выйдет книга на чешском яз[ыке],[263] она принята, половина гонорара уже съедена, но когда будет печататься, не знаю. Работать здесь по новой литературе очень трудно, масса времени уходит на поиски необходимых книг. Довольно большой библиотекой Мин[истерства] ин[остранных] дел заведует Тукалевский,[264] но на дом оттуда книг не дают.

---

[260] Крюкова Татьяна Александровна (1904 или 1905–1978), филолог, этнограф, ученица В. Л. Комаровича и слушательница его курсов по Достоевскому в Нижегородском (1921–1922 гг.) и Ленинградском (1926–1927 гг.) университетах. С ноября 1925 г. по август 1926 г. стажировалась в Праге и принимала участие в Семинарии по изучению творчества Достоевского, организованном
А. Л. Бемом. Подробнее о ней см.:. *Решетов А. М.* Тернистый путь к этнографии и музею // Репрессированные этнографы. - М., 2003.- Вып. 2.

[261] А. Л. Бем работал секретарем Семинара на протяжении всех лет его существования. Отчет о деятельности Семинара см.: *Б[ем] А[льфред]* Семинарий по изучению творчества Достоевского при Русском народном университете в Праге (1925–1933) // О Достоевском. - Прага, 1933. - Т.2.

[262] См.: *Бем А. Л.* «Нос» Гоголя и «Двойник» Достоевского // Slavia. Roč.7. - Praha, 1928/1929. - Seš.1.

[263] Вероятно речь идет о книге: *Bem A. L.* Tajemství osobnosti Dostojevského. - Praha, 1928.

[264] Тукалевский Владимир Николаевич (1881–1936), историк литературы, библиограф, в годы жизни в России – соавтор В. И. Срезневского, подготовил вместе с ним книгу «Толстовский музей в С.-Петербурге. I. Описание музея»

Очень меня изумило Ваше известие о Нат[алье] Ал[ексеевне]. Я себе представляю, как ей было трудно решиться на этот шаг. Условия, в каких протекает работа детск[их] домов, судя даже по печати, очень трудная. Я довольно внимательно слежу за этими вопросами. Передайте Нат[алье] Ал[ексеевне] мой сердечный привет. Для меня ее облик прочно связан с лучшими воспоминаниями прошлого. Очень прошу Вас и Нат[алью] А[лексеевну] помочь и обласкать Т. А. Кр[юкову]; она оставила самое лучшее впечатление, и я уверен, что из нее выйдет хорошая библиотечная работница. Корректуру начала «Указателя»[265] я получил, но думал, что Вы переслали только как доказательство того, что «Указатель» печатается. Очень был обрадован и доволен Вашим предисловием. Отсюда ведь все равно с корректурой ничего не сделаешь. Уж Вы берите все на себя; другого выхода нет. Знаю, что работа принесла Вам много хлопот. Сейчас и я бы все поиному делал. Утешаю себя тем, что и в таком виде она принесет свою пользу. В каком положении сейчас печатание и есть ли надежда на скорое появление? Все же мне бы очень хотелось видеть «Указатель» поскорее в готовом виде. Приближается 1928 г., так ли мы думали его встретить? Что реального удастся осуществить к юбилею Льва Н[иколаеви]ча? Я предлагал здесь образовать Комитет по празднованию юбилея, но тут не торопятся. Вероятно, все ограничится одним заседанием. Вскоре буду читать о Толстом в Ужгороде, куда поеду на несколько дней.

Из «Обозрения трудов по славянов[едению]» мне бы хотелось иметь оттиски своих обзоров по литературе и истории[266] и оттиск

продолж..

(СПб., 1912). С 1920-х годов директор Славянской библиотеки в Праге (основана в 1924 г. как Русская библиотека МИД ЧСР, в 1927 г. стала составной частью Национальной библиотеки Чехии).

[265] Имеется в виду «Библиографический указатель творений Л. Н. Толстого» А. Л. Бема.

[266] *Бем А. Л.* Русская литература, история и древности // Обозрение трудов по славяноведению. 1912 г. - СПб., 1914. - Вып.2; *Бем А.Л.* Русская история и древности // Там же. 1913. Пг., 1918. Вып.3.

чешской библиографии покойного Клецанды,[267] кот[орого] здесь нигде нет. Хорошо бы получить и Ваше описание выставки в память отца Вашего, кот[орое] здесь также неизвестно.

Письма на мое имя и др[угие] бумаги личного характера при случае передайте на мою б[ывшую] квартиру. «Авось когда-либо», как писал Достоевский, и вернусь в нее. Сердечный привет сестрам Вашим и Нат[алье] Ал[ексеевне]. М[ожет] б[ыть] мне соберется написать. Будьте здоровы и берегите себя.

Сердеч[но] Ваш А.Б.

35 [В. Срезневский А. Бему]

[18 декабря 1926].*

Дорогой Альфред Людвигович!

Обрадовали Вы меня письмом. Спасибо. Вы мой близкий, желанный и недостижимый. К Вам часто я обращаюсь мыслями. Вы бы верно помогли мне. В чем помогли, я не буду писать; это Вы почувствуйте: дело не мое личное – библиотечное. Я пишу Вам второе письмо; первое было черезчур откровенно и Н[аталья] А[лексеевна], к[оторой] я дал прочесть, посоветовала не посылать. Из этого Вы видите, что не все хорошо: это м[ожет] б[ыть] и все; Вы можете видеть, что у нас в разные стороны смотрят и разного хотят. Я часто вспоминаю Алексея Ал[ександровича], на горе погибшего слишком рано. Мы, с ним работавшие, м[ожет] б[ыть] слишком избалованы судьбою; мы

---

[267] *Клецанда Ю.* Чешско-словацкая литература, история и древности // Обозрение трудов по славяноведению. 1913 г. - Пг., 1915. Вып.1. Йиржи Клецанда (1890–1918), чешский политический деятель, учился в Петербургском университете, работал в Библиотеке Академии наук. Был одним из руководителей чешской эмиграции и чехословацких легионов в России.

видели у него такое удивительное отношение к делу и к людям, забвение себя и своих интересов, что все казалось просто и ото всех искать того же было естественным. На самом деле вышло не то, конечно.

Я очень рад, что Вы одобрили Предисловие. На днях получите два экз[емпляра] Указателя; потом еще 23. Послал еще 1 экз[емпляр] Тукалевскому. Я готовлю Толст[овский] сб[орник] небольшой, думаю, скоро выйдет. Не могу разыскать Ваших оттисков ни у нас, ни в кн[ижном] складе; Клец[анды] еще не искал. Описание выставки пошлю, но в прошлом году, помнится, посылал; м[ожет] б[ыть] В. Н. Тук[алевскому]?

Т. А. Крючко[268] произвела очень хорошее впечатление; она могла бы пригодиться, и очень, в Слав[янском] отд[еле] у Лященко. Не написать ли Вам ему? Рекомендация знающего ее работу очень была [бы] полезна.

Прощайте, дорогой мой. Будьте здоровы. Ваш В. Срезневский.

18. XII. 26.

**После текста В. И. Срезневского следует приписка Н. А. Вукотич:* Шлю Вам привет, милый и дорогой Альфред Людвигович, спасибо за теплые строки в письме В[севолоду] И[змайловичу]. Если б Вы знали, как нам Вас не достает, все больше и больше. Так хотелось бы иметь общение с Вашим ясным умом и кристальной чистой Вашей душой. Теперь все новые люди и новые нравы ... А старые частью испортились и не с кем нам обоим душу отвести. Ну, не стоит говорить о печальных вещах, Вам и так не весело. Я много пережила в связи с прекращением своей педагогической работы, но не хватило моральных

---

[268] В. И. Срезневский пишет здесь о Т. А. Крюковой, о ней см. письмо № 34, примеч. № 260. Срезневский, Бем и сама Крюкова сознательно искажали ее фамилию в переписке, пытаясь, по всей вероятности, ввести в заблуждение органы советской цензуры.

сил, пока еще не могу входить в сделку с совестью. Сейчас я уже успокоилась и решила спокойно пожить в своем семейном углу. Леля после праздников выходит замуж за очень милого юношу, естественника как и она, и они будут жить вместе со мной. Буду жить надеждой, что дождусь внучат, которых смогу может быть еще и поняньчить. Вот видите, какие у меня «обывательские» надежды. Я очень много читаю, преимущественно мемуары, так приятно уходить в прошлое, связанное с исключительными личностями, хожу в концерты и театр. Не думайте, что под старость я сделалась легкомысленной, я много работаю и последнее время библиографирую журналы, и эта работа меня очень увлекает. Шлю сердечный привет Ант[онине] Иос[ифовне] и деткам. Напишите мне дорогой, так приятно иметь от Вас весточку, а я напишу побольше о библиотеке. Ваша Н. В[укотич].

36 [А. Бем В. Срезневскому]

4 февр[аля] 1927.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович,

К[а]к обрадовало и растревожило Ваше письмо. Я за недосказанным почувствовал, как трудно пришлось Вам и в какой обстановке протекает работа. Это, конечно, не утешение, но и мне пришлось не раз за эти годы разочаровываться в людях и удивляться, почему прежде как-то этой стороны не замечалось. М[ожет] б[ыть] борьба за существование, к[о]т[орая] ведь играет не меньшую роль, чем у Вас, неизбежно портит людей. Ну, да об этом говорить, особенно теперь, не хочется.

В «Slavia» получено два экземпляра моего указателя, но так как на них не было никакой отметки, то их записали в библиотеку. Не знаю, те ли это два экземпляра, о которых Вы писали, или Ваши еще не дошли? Очень прошу Вас, Всеволод Измайлович, выяснить этот вопрос. Проще всего (впрочем, не знаю, попрежнему ли это просто) выслать на мое имя еще два экземпля-

ра. Удастся ли Вам прислать мне такое количество, как Вы писали? Мне хотелось бы кое-кому здесь раздать. Очень меня книжка обрадовала: столько в связи с нею припоминаний! Я на нее – через столько лет – мог взглянуть не как автор, и, думаю, книга полезная. От нее можно и нужно итти дальше – к хронологическому списку. Внешне издана прекрасно, я еще и сейчас любуюсь. Есть какое-то необычное чувство, когда книга, над кот[орой] работал, вышла там, у себя. Точно я снова – через книгу – со своими друзьями в духовном общении. Но это уже последнее, что от меня осталось. Вам большое, большое спасибо, что не дали погибнуть работе; без Вашего любезного участия она бы наверное не увидела свет.

В связи с книгой хочу задать Вам вопрос, на к[о]торый прошу ответить и посмотреть так же дружески-просто, как Вы это всегда делали. У меня сейчас материальное положение стало сложнее, чем было до последнего времени. Поэтому невольно возник у меня вопрос о возможности получения авторского гонорара от Академии за указатель. Я, правда, себе совершенно не представляю этого дела. Признаюсь, долго колебался даже спросить Вас об этом. Если Вы находите, что этого вопроса и не следует поднимать, так и будет. – Очень я устал – от разнообразия и часто бессмысленности дел. По скверному обыкновению (жена меня ежедневно бранит за это) навалил на себя громадную работу и к вечеру совершенно изматываюсь. Литературная работа идет трудно. Печатается мелочь. Большая статья о «Хозяйке» Д[остоевско]го лежит и долго будет лежать у Серг[ея] Петр[овича] в Париже для «Г[олоса] м[инувшего]».[269] Не говорю уже о гонораре, а просто теряешь надежду увидеть работу в печати. «Славия» завалена рукописями из России. Вчера у меня был молодой английский ученый, написавший диссертацию на тему «Толстой–драматург». Работал он добросовестно,

[269] Имеется в виду журнал «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж, 1926–1928) и один из его редакторов, историк и публицист С. П. Мельгунов (1879–1956). Статья А. Л. Бема «Хозяйка» Достоевского» была опубликована в сборнике «О Достоевском». (Прага, 1929. - Т. I.).

привлек много материалу. Вот уже полгода ищет издателя, и все напрасно. Установился обычай – автор сам оплачивает печатание, а издательство дает фирму и % от каждого проданного экземпляра. Немцы объясняют качественное печатание издаваемых книг именно тем, что печатает тот, кто имеет деньги. На нем[ецком] яз[ыке] вышла статья проф[ессора] здешнего Нем[ецкого] унив[ерситета] Геземанна «Т[олстой] и Ауэрбах».[270] Если в сборнике[271] будет отдел рецензий или хроники – я мог бы послать заметку. Дошла-ли до Вас книга проф[ессора] Осипова «Tolstois Kinderheitserinnerungen» (Wien, 1923)?[272] Еще просьба – при случае наведите справку, напечатано ли письмо-заметка Т[олсто]го к Белинскому с приглашением на «прощальный обед» Тургеневу (без даты). Здесь я видел автограф, но не могу установить за отсутствием нужных пособий, была ли эта записка опубликована. Думаю, ее можно-бы получить для Вашего сборника. Булгаков[273] ходатайствовал о разрешении вернуться, но ему отказали. У него должны быть интересные материалы после Шкар-

---

[270] См.: *Gesemann G.* Leo Tolstoj und Bertold Auerbach // Archiv für slavische Philologie. - Berlin, 1927. - Bd. 41. Герхардт Геземанн (1888–1948), профессор славянских языков и литератур Немецкого университета в Праге.

[271] Видимо, речь идет об очередном, пятом выпуске сборника «Толстой: Памятники творчества и жизни», который, как сказано выше (письмо № 31, примеч. № 240), в свет не вышел.

[272] *Ossipov N.* Tolstojs Kindheitserinnerungen: Ein Beitrag zu Freuds Libidotheorie. Wien, 1923. Осипов Николай Ефграфович (1877–1934), психиатр, невропатолог, литературовед. С 1921 г. жил в Чехословакии.

[273] Булгаков Валентин Федорович (1886–1966), с января 1910 г. секретарь Л. Н. Толстого, затем директор Музея Л. Н. Толстого в Москве. В 1923 г. был выслан за границу, поселился в Чехословакии. В 1948 г. вернулся на родину, стал хранителем Дома-музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

вана.[274] Жена Ильи Л[ьвовича] напечатала в газ[ете] «Чешск[ое] сл[ово]» воспоминания о Л[ьве] Н[иколаеви]че.[275]

Наталье Алексеевне горячий привет от меня и от Ант[онины] Иос[ифовны]. Собираюсь ей через некоторое время написать отдельно. Если Леля меня еще помнит – а я ее очень отчетливо себе представляю – только не могу представить уже такой, чтоб она выходила замуж – поздравьте ее и пожелайте ей всего доброго. Как здоровье Ольги Изм[айловны]? Вы о сестрах Ваших ничего не написали. Сердечный привет им и всем, кто меня помнит.

Сердечно Ваш А. Бем.

37 [А. Бем В. Срезневскому]

17 авг[уста] 1927 г., д[еревня] Kl'ačany.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович,

вот уже свыше двух недель живу в маленькой словацкой деревушке у реки Ваг – Клячаны. Живу в семье бывшего учителя, который сдал нам на лето комнату. Я очень рад, что мне удалось ближе познакомиться со Словакией и словаками. Невольно вспомнил о путешествии Вашего отца и его словацких связях. Живу я в часе примерно езды от Турчанского Св[ятого] Марти-

---

[274] Шкарван Альберт (1869–1926), врач, писатель, словак по национальности, долгое время жил за пределами Австро-Венгрии, в том числе в 1896–1897 гг. в России (некоторое время в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого). Под влиянием Толстого стал пацифистом. Переводил произведения Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького и других русских писателей.

[275] Толстой Илья Львович (1866–1933, псевд. Илья Дубровский), писатель, сын Л. Н. Толстого, автор книги «Мои воспоминания» (1914, 1933). Его жена Толстая Софья Николаевна (1867–1934) также была автором воспоминаний: *Tolstá Z.* Vzpomínky na L.N. Tolstého // České slovo. - Praha, 1927. - № 7, 8, 10 - –12, 14.

на. Был пока там всего раз – посетил Матицу Словенску и музей.[276] Познакомился с докт[ором] Шкультеты,[277] который сейчас директором музея. Просматривая «Slovensk[é] pohľady»[278] за последние годы, нашел кое-какие указания об Изм[аиле] Ив[ановиче] Срезневском. Вы, вероятно, знаете, что проф[ессор] Horák[279] издал сборник словацких песен Вашего отца: Jiří Horák, I.I. Sreznĕvského sbírka lidových písní slovenských v XVIII st. [In:] Národop[isný] vĕstn[ík] českosl[ovenský]. Рецензия на это издание помещена в №5 «Slov[enských] pohľ[adov]» за 1926 г., стр. 317–318. Выписываю из этой рец[ензии] несколько строк, к[о]т[орые] Вам приятно будет прочесть: «Štúdia je nám Slovákom vzácna i tým, že týka sa Sreznievského, toho sympatického ruského učenca, ktorý v listoch matke posielaných svojimi výrokmi o našich veciach v rokoch štyridsiatych a o našich predných buditeľoch trvale zapísal svoje meno do našej minulosti»[280] (стр. 318). Рецензия, подписана буквой: G.

---

[276] При культурно-просветительном обществе «Матица Словацкая», основанном в 1863 г. и располагавшемся в г. Турчанский Святой Мартин, существовал музей, где были собраны памятники словацкой материальной и духовной культуры.

[277] Шкультеты Йозеф (1853–1948), словацкий историк, литературовед, переводчик, деятель культуры, журналист.

[278] Slovenské pohľady, старейший словацкий литературный журнал, издается с 1846 г. (с перерывом в 1853–1880 гг.).

[279] Горак Йиржи (1894–1975), фольклорист и литературовед, с 1926 г. профессор истории славянских литератур Карлова университета в Праге, впоследствии академик. В журнале «Národopisný vĕstník československý» (Praha, 1926. Roč. 18. S.117-133) была опубликована его статья с приведенным А. Л. Бемом названием, содержащая анализ сборника И. И. Срезневского и сопоставление его материалов с другими публикациями словацких песен. В статье были приведены многочисленные цитаты из сборника И. И. Срезневского, что, видимо, дало основание А. Л. Бему назвать ее публикацией.

[280] Перевод словацкого текста: «Статья ценна для словаков, между прочим, тем, что она касается Срезневского, того симпатичного русского ученого, который в своих письмах к матери высказывался о событиях у нас в 40-е годы и о деятелях словацкого национального возрождения, чем навсегда сохранил свое имя в нашей истории».

В № 6–8 «Sl[ovenských] poh[ľadov]» за 1924 г. имеется фотограф[ический] снимок письма Л. Штура[281] к Вашему отцу от 7 мая 1842 г. В заметке на стр.471 указано, что снимок доставлен акад[емиком] Францевым еще до войны.

Матица Слов[енска] находится в новом прекрасном помещении с хорошо оборудованной библиотекой. Последняя только сейчас приводится в порядок. Я узнал, что покойный Шкарван завещал Матице свои письма от Толстого, которых будто бы имеется 17.[282] Навожу об этом справки, но еще ответа не имею. Дневник Шкарвана передан Русскому Арх[иву] в Праге[283] и его должны были подготовить к печати Вилинский и Булгаков.

Пользуюсь случаем, чтобы несколько познакомиться и с современной словацкой литературой. Мне помнится, я Вас как-то в письме просил прислать каталог Выставки и биографический очерк Вашего отца. Ко мне ни то, ни другое не дошло. Послали ли Вы? Меня очень обрадовало письмо Натальи Алексеевны со сведениями о Вашем здоровье.[284] Признаться, меня Мазон очень напугал. Ну, слава Богу, что Вы себя чувствуете хорошо и от-

---

[281] Штур Людевит (1815–1856), словацкий поэт, филолог, публицист и общественный деятель.

[282] Как нам удалось выяснить (см. письмо сотрудницы Словацкой национальной библиотеки, бывшей Библиотеки Матицы словацкой, М. Бринцковой к М. Бубениковой от 10.3.2004), в архив библиотеки Матицы словацкой поступили в 1927 г. от В. Ф. Булгакова машинописные копии писем Л. Н. Толстого к А. Шкарвану. Подлинники же писем вместе с другим экземпляром копий Булгаков передал в пражский Славянский институт, откуда эти материалы впоследствии попали в архив Славянской библиотеки. Все 17 писем, переданные Булгаковым, опубликованы в Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого.

[283] Имеется в виду Русский заграничный исторический архив (РЗА), основанный в Праге в 1923 г. и переданный в конце 1945 г. Чехословацким правительством в СССР. О его истории и составе см.: Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель / Отв. ред. Т. Ф. Павлова. - М., 1999. - Дневники А. Шкарвана в РЗА не поступали: они были переданы (видимо, В. Булгаковым) в архив библиотеки Матицы словацкой.

[284] Письмо Н. А. Вукотич печатается в Приложении, см. № 56.

дохнули в Сухуме. Как живут Ваши сестры, особенно Ольга Изм[айловна], ведь она уж совсем старенькая? Передайте им мой сердечный привет и скажите, что храню самые добрые о них воспоминания.

Недавно опять снилось, что брожу по узким проходам академического журн[ального] отделения и все никак не могу найти Вас. Этот сон меня теперь постоянно преследует. И как все это далеко и невозвратно! Я очень устал от «случайной» жизни, какая выпала на мою долю. Работы много, даже слишком, но все не то, о чем мечтаешь и с чем связывался смысл жизни. Винить мне, конечно, некого и не в чем, да и жаловаться, в сущности, не следует. Каждый заслуживает той жизни, которую имеет! Я ее и стараюсь нести насколько могу бодро. Главное – семья здорова и до сих пор не нуждалась. Дети растут – они уже ходят в гимназию. Ирине уже 11 лет – учится совсем хорошо, хотя немного запаздывает. Она перешла сейчас только в первый класс, но ей пришлось начинать язык, т[ак] к[ак] она посещает французскую школу. Таня в той же гимназии в подготовительной, т[ак] н[азываемой] «обецной» школе. Я рад, что школьный вопрос, очень трудный в наше время, у них сложился благоприятно.

Для меня Ваши письма, дорогой Всеволод Измайлович, целое событие душевное. Пишу сам редко – это и понятно, но получать хотелось-бы от Вас или по крайней мере о Вас весточку почаще. Нат[алье] Ал[ексеевне] скажите спасибо за письмо, к[о]т[орому] очень обрадовался. Всем, кто помнит по-хорошему – привет. Где Коргуева?[285] Сердечно Ваш А. Бем.

38 [В. Срезневский А. Бему]

[26 августа 1927].

Дорогой, милый Альфред Людвигович!

---

[285] Коргуева Александра Николаевна (? – 1932), сотрудница Рукописного отделения Библиотеки Академии наук (до 1928 г.).

Письмо свое начинаю печальной вестью – внезапно умер Александр Васильевич Петров.[286] Сейчас вернулся с похорон. Ведь Вас он еще захватил в Рукоп[исном] отделении и Вы его знаете; о Вас с ним я много говорил и он Вас хорошо знал. Прекрасный, честный был человек, добрый товарищ. Последние три года он заведовал отделом старопечатных книг и Петровских изданий; последних он был отличный знаток. С ним я был знаком с университета, с первого курса, а последние годы как-то особенно сблизился. Он поддерживал меня в нынешнее тяжелое время библиотеки советами, вместе со мною возмущался нынешними порядками, оскорблениями, которые падали на меня. Теперь нет моего печальника.

Из одного намека Вашего письма, не последнего, а прежнего, Вы, кажется, не так поняли мои недосказанные слова; как будто я разочаровался в близких людях. Нет, тот человек, о к[отором] Вы думаете, если я верно понимаю Ваши слова,[287] сохранил ко мне самые лучшие отношения; он только невольно поддается иногда нынешнему начальству, которое порядочный человек не может уважать, которого и он не уважает, конечно.

Теперь мне горе с музеем. Началось из-за меня: меня обошли и я устроил там моим помощником некоего – нет, фамилии не буду писать. Вы, конечно, не знаете его; очень скоро он повел себя по отношению ко мне очень нехорошо; я просил Платонова[288] как-нибудь [его] убрать из музея. Но Плат[онов], напротив, обрадовался скандалу и кончил тем, что лишил меня фактически заведования и для управления музеем создал комиссию. Представьте себе, это – для музея мною созданного, мною

---

[286] Петров Александр Васильевич, ученый хранитель Рукописного отделения Библиотеки Академии наук.

[287] Речь, по-видимому, идет о Н. Г. Богдановой (см. письма № 28, 35).

[288] Платонов Сергей Федорович (1860–1933), историк, академик, в 1925–1928 гг. директор Библиотеки Академии наук.

в Ак[адемию] переданного. В комиссию введен Гинцбург,[289] к[оторый] тоже чего-то хочет, почему-то против меня ведет войну. Приводит в музей свою жену, ничего не понимающую в нашем деле. А Плат[онов] потирает руки и радуется и хочет уничтожить музей.

Вот Мазон говорил, что я ослабел; правда тут рехнешься. Кажется Мазон со мной говорил; я ему разыскал какую-то редкую книжицу, и все было хорошо. Не сплетни ли это тоже моего приятеля Платонова?

Уж очень много жалоб я написал Вам. М[ожет] б[ыть] не хорошо? Получили ли Вы книжку «Т[олстой] в 1860 гг.»,[290] помнится, тогда же послал «Выставку», и биографию, и библиографию.

Сестры велели Вам кланяться низко. О[льга] И[змайловна] нед[елю] назад захворала очень сильно, но теперь одолела свою болезнь; от постоянной болезни она не может излечиться. Л[юдмила] И[змайловна] и Н[адежда] И[змайловна] ходят за нею и трудно им. Они все ведь очень старенькие. Был у меня Ваш товарищ унив[ерситетский] Грузинский;[291] расспрашивал меня о разных делах и говорит потом: что Вы так вглядываетесь в меня, Вы стараетесь меня вспомнить? А я вглядывался в него, как в Вашего приятеля, однолетку Вашего; его проседь в волосах говорила, что м[ожет] б[ыть] подходите и Вы к той же окраске, и морщины на его лице говорили о Ваших морщинах. Вы в воображении моем все тот же, молодой, жизнерадостный.

---

[289] Видимо, Гинцбург Илья Яковлевич (1859–1939), скульптор, знакомый Л. Н. Толстого, автор его скульптурных изображений и воспоминаний о нем.

[290] Речь идет, видимо, о сборнике: Толстой, 1850–1860: Материалы и статьи. / Ред. В. И. Срезневского. - Л., 1927. - (Труды Толстовского музея Академии наук СССР). Материалы, опубликованные в сборнике, относятся к 1851–1865 гг.

[291] По-видимому Грузинский Александр Сергеевич (1881–?), специалист по русскому и украинскому языкам, русской и украинской литературе, в начале 1930-х гг. был доцентом ряда высших учебных заведений Ленинграда.

Я еще хотел написать о своих Толстовских делах и работах; ну да уж в другой раз. Прощайте, дорогой мой Альфред Людвигович, будьте здоровы и счастливы. Поручила Вам еще поклониться Н[аталья] Ал[ексеевна]. А от меня поклоны Антонине Иосифовне и девочкам Вашим, к[отор]ых я хотя и не знаю, но все-таки люблю – они ведь Ваши. В. С.

26 авг. 27.

Пусть это письмо остается между нами.

39 [В. Срезневский А. Бему]

[10 сентября 1927].

Дорогой Альфред Людвигович.

Сообщаю Вам, что Академия (через бюро книгообмена) посылает Вам на адрес ред[акции] Slavia 22 книги; чтоб не затерялись эти книги, как в прошлом году библ[иографический] указатель, посылается при них список посылаемого; кроме того все книги помечены (к сожалению не карандашом, а чернилами). Не нахожу только последнего выпуска Славянского обозрения;[292] его Вы, помнится, особенно хотели. Получили ли Вы мое письмо в конце августа с известием о смерти А. В. Петрова и рассказом о моих неприятностях с Платоновым? Посылку с 10 экз[емплярами] Указ[ателя] 6 дек[абря] 1926, ведь, Вы получили; кажется, Вы писали об этом. – А мне все скверно, благодаря гадостям Платонова. Недавно наша скрытая неприязнь стала явной: я упрекнул его за то, что он назначил в Рук[описное] отд[еление] нового служащего, не посоветовавшись со мной и даже тайно от меня , но с ведома некоторых товарищей моих (и Вы поразились бы, кого). На это он сказал, что это я вызвал

[292] Имеется в виду вып. 3 «Обозрения трудов по славяноведению» за 1913 г. (Пг., 1918) с библиографией А. Л. Бема «Русская история и древности».

своими поступками, и вытащил из кармана список моих вин – мой dossier![293] Что это за вины! Такая проявилась в этом списке мелочность, ничтожность, дикая мелкая мстительность. Удивительно худой человек. И как он устраивается при всех режимах; всегда умеет сух вылезти из воды; прислуживается кому нужно, кто силен; ужасно противно. Досадно, что теперь он получил такую власть в Академии. Может быть, не надо этого писать, надо молчать; но Вам мне хочется сказать, с Вами хочется отвести душу, как я отвожу душу с Н[атальей] А[лексеевной], к[отор]ая еще больше, чем я, возмущается всем этим. А. В. Петров в таких случаях жестоко негодовал, поддерживал меня, но видимо слабее моня оказался. В прошлом году он особенно возмущался покупкой по приказу – Пл[атонова] — собрания рукописей, которое хотел и я, но под другими условиями; за это собрание начали ежегодно вносить деньги и слишком большие и в добавок без передачи рукописей; мы с Петровым не подписали ни одного счета, но ... нашлись другие. Нашим я не говорю, чтоб не беспокоить их; у них без того много тревог и устали они. Ну, дорогой мой, прощайте, будьте здоровы.

Вас искренне любящий В. Срез[невский]

Все наши сестры, и Н[аталья] А[лексеевна] Вам кланяются.

10. IX. 27.

40 [А. Бем В. Срезневскому]

5 мая 1929.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович,

очень, очень давно Вам не писал, но знаю, что Вы не сомневаетесь, что все так же мне близки и дороги. Да мне объяснять, почему не писал, не стоит. Писать стало трудно, и чем ближе че-

[293] досье (франц.).

ловек, тем труднее. В этом особенность нашего времени. Пишу в неспокойное время. Жена с младшей девочкой моей – Таней – у заутрени. Я потому дома с Ирочкой, к[о]т[орая] захворала. Заболела ангиной в довольно опасной форме, было уже поправляться стала и опять, вторично наступило ухудшение. Даст Бог, все обойдется, но всегда в таких случаях на душе неспокойно. Антонина Иосифовна очень слаба и переволновалась. Жаль мне смотреть на Ирочку, так ей сегодня и плохо было, и обидно, что праздники испортила себе и нам. Так мало радости в нашей теперешней жизни, что праздник особенно ждешь. Вы знаете, в связи с чем я Вас вспомнил сегодня, Всеволод Измайлович? Почему-то припомнилось, как Вы во время болезни своей матери писали и работали. Почему я это знаю? Вероятно, заходил к Вам по какому-нибудь делу в те дни. Вот и у меня сейчас какое-то сосредоточенное, собранное в себе настроение. Много и часто вспоминаю прошлое и думаю, как не сумел оценить его. Мне судьба послала большое счастье работать в прекрасной обстановке, общаться с такими светлыми, незабываемыми людьми, как Алексей Александрович. Я в одном из писем просил Вас, если можно, прислать мне фотографическую карточку Шахматова. Мне очень хочется иметь ее у себя на столе.

Я получил по почте «Материалы для списка указателей»[294] и, конечно, догадался, что обо мне вспомнила Наталья Алексеевна. Ее образ любовно храню в своей памяти. Что Коргуева?[295] Жива ли, о ней за все время ничего не слыхал.

Много работаю, но условия работы мало благодарные. В университете у меня сейчас 13 часов лектуры. Это утомляет, а оплачивается слабо. Много сил и времени уходит на всякую мелочь. Хуже всего, что трудно сосредоточиться: для своей работы остается очень мало времени. Да и в своей работе чувствую большое одиночество. Почти не с кем поговорить, пообщаться мыслями.

---

[294] *Вукотич Н. А.* Материалы для списка указателей русской периодической печати. - Л., 1928.

[295] Об А. Н. Коргуевой см. письмо № 37, примеч. № 285.

Правда, я веду здесь семинарий по изучению Достоевского, собрал вокруг этой работы кого мог, но все это не то, что нужно. Беспокоит меня полная оторванность от работников в той же области у Вас: знаю, что перестаем понимать друг друга. Даже с такими близкими мне по-прежнему людьми, как Ар[кадий] С[еменович][296] не знаю, найду ли общий язык. Я очень внимательно слежу за литературой, почти все мало-мальски значущее, вышедшее за эти годы, я прочитал или по крайней мере перелистал. Но без непосредственного общения в своей научной работе поневоле идешь иными путями. Я сейчас знакомился с толстовской литературой, вышедшей в связи с юбилеем. В «Slavi‘ю» собираюсь дать свои «Заметки» о главнейших книгах.[297] Гусевская биография[298] меня не удовлетворяет, она на мой взгляд – шаг назад даже по сравнению с Бирюковым.[299] Все-же он маленький человек и это чувствуется на каждом шагу. Зато какое наслаждение воспоминания Т. А. Кузьминской![300] Я читал и не мог оторваться. Только одного боюсь, нет ли кое-чего ретроспективного? Мне очень по душе пришлась книжечка С[ергея] Л[ьвови]ча «Дед и мать Т[олсто]го».[301] Не было у меня еще книжки Б. М. Эйхенбаума – не старая «Молодой Толстой», а вышедшая

---

[296] См. письмо № 31, примеч. № 243.

[297] На протяжении 1928–1940 гг. А.Л. Бем регулярно публиковал в журнале «Slavia» аннотированную библиографию вновь вышедших книг «Заметки о книгах по новой русской литературе». Здесь имеются в виду «Заметки ... » в № 2 за 1931 г.

[298] *Гусев Н. Н.* Жизнь Л. Н. Толстого. - М., 1927. - [Т.1–2].

[299] Бирюков Павел Иванович (1860–1931), литератор, последователь Л. Н. Толстого. В первой половине 1920-х годов – сотрудник Музея Л. Н. Толстого в Москве, затем эмигрировал. С 1901 г. работал над «Биографией Льва Николаевича Толстого» (1906–1908. - Т.1–2, в 1923 г. вышло 3–е испр. и доп. изд. в 4–х томах).

[300] Кузьминская Татьяна Андреевна (1846–1925), свояченица Л. Н. Толстого, автор воспоминаний «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» (Л.; М., 1925–1926. Ч. 1–3).

[301] Толстой С. Л. (1863–1947), композитор, музыковед, сын Л. Н. Толстого, автор книги «Мать и дед Л. Н. Толстого» (М., 1928), ряда работ об отце и воспоминаний о нем.

теперь.[302] Насколько могу судить по его предисловию к работе Островского,[303] она во многом парадоксальна, но интересна. Видаюсь изредка с В. Ф. Булгаковым, он все тот же. Много ездит и читает лекций. Недавно родилась у них девочка. Материально живут туго. Раздражался, когда читал переписку Стасова с Толстым.[304] Как-[то] по-другому сейчас воспринял многое в ней. Я понимаю, почему Т[олстой] был так поразительно скуп в своих ответах. А что с перепиской с Н. Н. Ге?[305] Я в свое время немного над нею, помнится, работал. Появится ли она в свет и кто редактирует? Получены ли были Толстовским музеем вырезки из газет с любопытными статьями, к[о]т[орые] я посылал. У меня еще кое-что собрано, если скажете посылать, я соберу и пошлю.

Жду с нетерпением лета, очень устал и нуждаюсь в отдыхе. Когда подумаю, что от моего здоровья зависят жена и дети, что кругом никого нет, кто бы о них в случае несчастья мог позаботиться, становится страшно. Плохо, когда так складывается твоя судьба. Живу я к[а]к-то очень оторванно, за время своей заграничной жизни почти никаких связей близких не завязал. В академической среде, к[о]т[орую] Вы хорошо знаете, я тоже «чужой» прежде всего потому, что не по той дорожке пошел. Признаюсь, что я кое-что сделал и знаю, но все же «без ценза». А я заупрямился садиться за вещи, к[о]т[орые] никому не будут нужны и продолжать в моем возрасте то, что я – м[ожет] б[ыть] по глупости – не сделал в свое время, сейчас [же] после окончания университета, не захотел. Вот на этом и стою. На этой почве всякие бывали уже неприятности, но сейчас все устоялось. Но

---

[302] Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959), историк литературы, друг юности А. Л. Бема. Автор книг «Молодой Толстой» (Берлин, 1922) и «Лев Толстой» (Л.; М., 1928–1931. - Т.1–2).

[303] *Островский А. Г.* Молодой Толстой в записях современников. - Л., 1929.

[304] *Толстой Л. Н., Стасов В. В.* Переписка, 1878–1906. Л., 1929.

[305] Книга «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге: Переписка» вышла в издательстве «Academia» в 1930 г. Автор вводной статьи и примечаний – искусствовед и художник С. П. Яремич (1869–1939).

зато приходится довольствоваться «лектурой».[306] В связи с моими академическими делами у меня к Вам просьба. Нельзя ли раздобыть в канцелярии Университета копию постановления факультета ист[орико]-фил[ологического], по к[о]т[орому] меня допускали к преподаванию при условии защиты своих работ перед факультетом. Это должен знать А. Г. Фомин,[307] т[а]к к[а]к он проходил до меня. Меня поддерживали Венгеров,[308] к[о]т[орый] давал отзыв о моих работах, и Шахматов. М[ожет] б[ыть] при моем личном деле в Университете найдется след? Мне было бы важно теперь подтверждение этого обстоятельства. Только, если это по какой-либо причине затруднительно, не беспокойтесь. Обойдусь без этого, как обходился до сих пор.

Мои вернулись. Сердечно кланяюсь Вашим сестрам, хочу надеяться, что обе они здоровы. От Нат[альи] Алексеевны хотелось бы получить весточку. Черкните хоть открытку по адресу «Slavia». Всего, всего Вам доброго. Будьте здоровы и душевно бодры.

Любящий Вас А. Бем

41 [А. Бем В. Срезневскому]

[Прага], 7 янв[аря] [1932].

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович,

---

306 А. Л. Бем делает здесь прозрачные намеки на отсутствие у него ученой степени как причине постоянно возникавших проблем при работе в Карловом университете. Подробнее см.: *Андреев Н. Е.* Пражские годы // Новый мир. - М., 1994. - № 11. - С. 144.

307 Фомин Александр Григорьевич (1887–1939), книговед и библиограф, председатель Русского библиологического общества.

308 Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920), историк литературы и общественной мысли, библиограф. С 1897 г. читал лекции по русской литературе в Петербургском университете и руководил Пушкинским семинарием при университете, в котором А. Л. Бем начинал свою научную деятельность.

Некролог Ольги Измайловны[309] воскресил во мне воспоминания прошлого. Спасибо, что вспомнили обо мне и прислали дорогую памятку. 5-го скончался А. Л. Петров.[310] Я был у него в больнице за неделю до смерти. Он говорил с трудом и сказал, что не надеется выжить. Ему, видно, и жилось трудно (не материально, а душевно) и умирал он одиноким и заброшенным.

Хотелось бы получить от Вас более подробную весточку – как живете, как Наталья Алексеевна, к[о]т[орую] помню и люблю. Моя семья благополучна. Бывает трудновато, но все же жаловаться было-бы грешно. Если не Вы, то м[ожет] б[ыть] Нат[алья] Ал[ексеевна] напишет. Сердечно Ваш А. Бем

42 [В. Срезневский А. Бему]

[23 августа 1932]*

Дорогой и милый Альфред Людвигович!

Давно не писал я Вам, хотя всегда чувствую Вас к себе близким и люблю Вас по-прежнему: постоянные, спешные разные дела заставляют откладывать письма на после и выходят досадные вещи. Теперь я на свободе, отдыхаю в доме отдыха около Рыбинска; здесь и Наталья Алексеевна. Дом этот принадлежит Ак[адемии] н[аук], устроен в б[ывшем] имении Ник[олая] А[лександровича] Морозова[311] – шлиссербуржца, им пожертво-

---

[309] *Никольский Н. К.* О. И Срезневская // Известия Академии наук СССР. 7–я серия. Отделение общественных наук. - Л., 1931. - № 7.

[310] Петров Алексей Леонидович (1859–1932), историк-славист, исследователь истории Закарпатской Украины. С 1922 г. находился в научной командировке в Чехословакии. Умер в Праге.

[311] Морозов Николай Александрович (1854–1946), революционер-народник, ученый, почетный член Академии наук СССР (с 1932 г.). По «процессу 20-ти» (1882 г.) был приговорен к бессрочной каторге, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости. Освобожден в октябре 1905 г. Дом отдыха, в котором отдыхал В.И. Срезневский, находился в бывшем имении Морозова

ванном, еще не вполне благоустроен, но желание улучшения большое, кормят обильно и вкусно, а это ведь такое важное дело в наше время, о к[отор]ом прежде никогда и не говорилось. В Питере я занят в библиотеке Хаджи-Муратом,[312] к[оторый] остался за мной, дома – разбором домашнего архива. И то и другое интересно. Жалею я, что немного занимался архивом прежде; многое без меня будет потом трудно сделать, многое без О[льги] И[змайловны] и Л[юдмилы] И[змайловны] теперь живым нам уже и не сделать. Сейчас работаю над письмами иезуита Мартынова[313] к И. И. С[резневско]му (с 1857) в помощь Вл[адимиру] А[ндреевичу] Францеву, получившему письма отца к Мартынову, о чем он писал мне. Март[ынов] был близок и к отцу и к сестре Ольге Изм[айловне], и в письмах И[змаила] И[вановича] и О[льги] И[змайловны] из-за границы много говорится о Мартынове интересного (1860 и 1875 г.). Живем мы с Надей. Наша квартира в позапрошлом году уменьшилась вдвое, а теперь после смерти сестер еще уменьшилась, и живет у нас чужое семейство в одной из комнат. Книги мои, хранившиеся в Ак[адемической] б[иблиотеке], признаны не моими; часть б[иблиоте]ки впрочем осталась у меня дома. Мы с Надей – старые и иногда слабые; она в последнем, кажется, больше чем я. У меня сохранились, не знаю как[им] обр[азом] – старые письма Антонины Иосифовны. Что с ними делать? Напишите, пожалуйста. Прощайте, дорогой Альфред Людвигович. Будьте здоровы и Вы, и все Ваши,

продолж..

«Борок» Ярославской области, близ Рыбинска.

[312] Имеется, видимо, в виду работа по комментированию повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» для «Полного собрания сочинений» Толстого. Комментарий В. И. Срезневского опубликован не был, в т.35 (М.; Л. 1950) повесть комментировали А. П. Сергеенко и В. С. Мишин.

[313] Мартынов Иван Михайлович (1821-1894), историк церкви, археолог, перешедший в католичество русский эмигрант. Жил в Париже. Письма его к И. И. Срезневскому хранятся в архиве Срезневских в РГАЛИ. В. А. Францевым была опубликована о нем следующая работа: Русский иезуит И. М. Мартынов, сотрудник «Церковной газеты» и «Церковного вестника» о. Иоанна Раковского: (Несколько дополнений к «Галицко-русской библиографии» Левицкого). – Ужгород, 1930.

к[otop]ым посылаю свой привет. Нат[алья] Ал[ексеевна] посылает Вам свой низкий поклон. Любящий Вас и всегда помнящий В. Срез[невский].

P.S. На днях скончалась Алекс[андра] Ник[олаевна] Коргуева от рака печени.

**В письме - приписка рукой Н. А. Вукотич:* Не низкий поклон я Вам посылаю, а сердечный привет и очень, очень Вас люблю и жалею, что не суждено мне свидеться с Вами.

23.VIII. 32.

43 [А. Бем В. Срезневскому]

[Прага], 27 окт[ября] [1932].

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович, спешу откликнуться на Вашу, меня очень обрадовавшую открытку, чтобы Вы знали, что она дошла.[314] Получил я и Ваше августовское письмецо. Вы правы, переписываться стало очень трудно. Зато как радостно, когда получишь хоть несколько строк, из которых заключаешь, что близкий тебе человек о тебе вспомнил. Проф[ессор] Францев был прошлой зимою серьезно болен, сейчас снова приступил к университетской работе. После получения Вашего осеннего письма я у него был и беседовал с ним. Знаю, что он в свою очередь работает над письмами Мартынова к Вашему отцу.[315] Даже показывал мне их снимки. Еще не знаю,

---

[314] Открытка в фонде А. Л. Бема не обнаружена.

[315] О возможной причине прекращения В. А. Францевым работы по подготовке к изданию писем И. М. Мартынова к И. И. Срезневскму В. И. Срезневский высказывает свои предположения в письме № 49.

о какой статье в Вест[нике] А[кадемии] н[аук] Вы мне пишете, постараюсь ее здесь у Тукалевского, к[о]т[орого] часто видаю в Слав[янской] библиотеке, разыскать. Мы все относительно благополучны, но сейчас очень трудно приходится материально. Я ведь до сих пор ничего определенного не имею; лектура здесь дает пустяки. Если сам о себе не подумаешь, никто о тебе и не вспомнит.[316] А я, по глупости своей, думал, что достаточно будет добросовестно работать, а остальное само придет. А теперь, когда наступили трудные времена, остался на мели. Передайте, пожалуйста, Нат[алье] Ал[ексеевне], что ее помню и люблю. Будьте здоровы и благополучны. Ваш А. Бем.

44 [В. Срезневский А. Бему]

[6 апреля 1934].

Дорогой, милый Альфред Людвигович!

Давно не писал Вам да и Вы тоже давно: послал только на днях свою статью о нашем словаре[317] и не уверен: получили ли ее, дошла ли до Вас; а мне бы очень хотелось, чтоб Вы получили, именно Вы. В этой статье изображается кусок моей жизни, к которой Вы близки так. Припоминается выставка 1913 года,[318] Ваша помощь, Ваши объяснения публике, немногочисленной, правда, и после, многое, многое. Послал статью свою и В. Н. Тукал[евскому], и В. А. Ф[ранцеву] в два приема (две брошюры). Ф[едор] И[ванович] теперь у себя в Костромск[ой] г[убернии] на родине, здесь в Ленинграде Попов;[319] вспомнились они в связи

[316] См. письмо № 40, примеч. № 306.

[317] См.: *Срезневский В. И.* Об истории составления Словаря древнерусского языка И. И. Срезневского // Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук. - Л., 1933. - № 9.

[318] См. письмо № 27, примеч. № 211.

[319] Вероятно однокашник А. Л. Бема по университету Владимир Михайлович Попов, в 1950-х гг. он работал в Ташкенте, опубликовал несколько статей о

с нашей группой у печки; есть ли она у Вас? Нат[алья] Ал[ексеевна] недавно узнавала у меня Ваш адрес, хочет написать Вам. Шлю привет А[нтонине] И[осифовне]. Будьте здоровы и счастливы. Обнимаю Вас. Ваш В. Срез[евский]

Дошла ли до Вас весть о смерти брата Бориса?[320] Вы ведь его знали; он [нрзбр]. – Кланяется Вам низко Н[аталья] А[лексеевна].

6. IV. 34.

45 [А. Бем В. Срезневскому]

Карловы Вары, 11-го апр[еля] 1934.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович,

жена мне сюда сообщила, что от Вас получена по почте открытка. Я очутился неожиданно для себя самого в Карловых Варах – врач потребовал на три недели оставить все занятия, так как у меня неблагополучно с печенью, то решил провести это время здесь. Очень я переутомился, нервная система расшатана до предела. Через несколько дней еду уже обратно, чувствую себя несколько лучше, но вся надежда, что результаты отдыха и лечения скажутся позже. На днях снилось, что Наталья Алексеевна мое место у окна в Ротонде предоставила какой-то девице. Я был страшно огорчен и обижен. Передайте ей мой сердечный привет. От Вас очень давно ничего не получал, поэтому очень обрадовался сообщению, что дали о себе знать. Я продолжаю ра-

продолж..

Л. Н. Толстом, был автором книги «Фонетика русского литературного языка с элементами узбекского» (Ташкент, 1965).

[320] Срезневский Борис Измайлович (1857–1934), метеоролог, академик Украинской Академии наук.

ботать, но печатать все труднее и труднее. «Slavia» стала выходить только два раза в год. Не забывайте! Душевно Ваш А. Бем.

46 [В. Срезневский А. Бему]

4. IX..[19]34.

Дорогой мой, милый Альфред Людвигович!

Перебирал я разные разности у себя и нашел касающееся Вас. Во-первых: ящик с карточками литературными, большей частью Толстовскими; кому передать их? Вы вспомните верно этот ящик картонный, без крышки, длиной меньше арш[ина], карточки немного меньше, чем двое эти же по величине. М[ожет] б[ыть] Искосу[321] отдать? Ему м[ожет] б[ыть] пригодятся. Или м[ожет] б[ыть] в Пушкинский дом, или в Лит[ературный] музей в Москве; [в] этот последний даже скорее других; он с такой любовью подбирается, что прелесть. Все я разбираю, п[отому] ч[то] чувствую, что скоро я не в состоянии буду работать: мне вышло второе предупреждение, слабое в сравнении с первым, но все же неприятное; скоро уж месяц плохо действует нога и рука; надо беречься повидимому. А все хочется работать. У меня большая работа – переписка с Григоровичем[322] – окончена для Болг[арской] акад[емии], – готовится для Москвы переписка с Ганкою,[323] еще для словаков, кого именно – не знаю – путешествие по их земле отца,[324] очень интересное, его наблюдения, за-

[321] О нем см. письмо № 31, примеч. № 243.

[322] Григорович Виктор Иванович (1815–1876), филолог и историк, один из основателей русского славяноведения. Здесь и далее в этом письме речь идет о переписке ученых с отцом автора И. И. Срезневским.

[323] Ганка Вацлав (1791–1861), чешский филолог и поэт.

[324] Имеются в виду материалы путешествия И. И. Срезневского по Словакии

писки, но когда будет готово, не знаю. Для Звеньев[325] приготовлена переписка с Добролюбовым[326] и уже почти напечатана и также с Некрасовым и Никитенкою,[327] и ведь все это интересно как! А ко мне уже стучится, надо быть готовым. Прощайте, милый Альфред Людвигович. Ваш В. Срез[невский].

Нат[алья] Ал[ексеевна] Вам низко кланяется. У ней [нрзбр] вашей Иринкой и ее внуком (Лелин сын) затем [нрзбр.]

47 [А. Бем В. Срезневскому]

Прага, 15. XII. [1]934.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович,

получил я Вашу открытку, очень меня разволновавшую и тронувшую до глубины души. Получил и оттиск статьи о Добролюбове из «Звеньев».[328] Не отвечал так долго потому, что слишком много хочется Вам сказать, что в письме все равно не скажешь. Знаю, что Вы в личных к Вам чувствах моих и без того уверены. А вот все же хочется дать почувствовать на расстоянии, как мне в моей работе Вас не хватает, как часто вспоминаю Вас и

продолж..

во время его трехлетней командировки в славянские земли (1839–1842 гг.).

[325] «Звенья» – сборники материалов и документов по истории русской литературы, искусства и общественной мысли, издавались в 1932–1936 гг. издательством «Academia» и в 1950–1951 гг. – Государственным литературным музеем.

[326] См.: *Добролюбов Н. А.* Неопубликованные письма: Переписка с И. И. Срезневским / С вступительной статьей и примечаниями Вс. Срезневского // Звенья. - М., 1934. - Т.3/4.

[327] См.: Письма Н. А. Некрасова и А. В. Никитенко к И. И. Срезневскому о цензуре «Современника» (1847–1850) / Вводная статья и примечания В. И. Срезневского // Звенья. - М.; Л., 1935. - Т.5.

[328] См. письмо № 46, примеч. № 326.

Ваше отношение к моим первым шагам на литературном поприще. За долгие годы, прошедшие со времени нашей разлуки, я понял, что то, что мне когда-то казалось столь естественным и обычным – потому что я имел дело с Алекс[еем] Ал[ександровичем] Шахматовым, с Вами, что благожелательность и любовная помощь в работе встречаются очень редко. А я ведь был этим отношением страшно избалован. И как балованное дитя, столкнувшись с реальной жизнью, много и многое трудно пережил. Да еще и теперь часто приходится с грустью вспоминать время работы в Академии. Когда-то я мечтал, что вместе с Вами совершу поездку по славянским землям, думал, что смогу помочь Вам закончить работы по разборке архива Измаила Ивановича. Я то очутился в Праге, но в сколь изменившихся условиях! А Вы все так же неутомимо работаете, напрягая последние силы свои! Сколько начатых планов и работ пришлось мне оставить. Когда увидел издание переписки Л. Н. Толстого и Н. Н. Ге, почувствовал очень остро, как мне, несмотря на все прошедшие годы, трудно примириться с мыслью об оставленной работе. Мой ящик с литературными карточками проще всего передать в Толстовский музей, если он им пригодится. Я бы очень хотел получить хорошую карточку Алексея Александровича Шахматова. Как-то об этом уже писал Вам. Может быть, это трудно Вам, тогда не беспокойтесь. Ведь и без того его вижу как живого. Был я на Съезде славистов в Варшаве. Читал доклад о «луковке» у трех писателей: Достоевского, Петки Тодорова и Юлия Зейера.[329] Вероятно в Акад[емической] библиотеке три тома тезисов докладов имеются. На всякий случай сообщаю Вам для Вашей библиографии выписку из тезисов докл[адов]: J. Páta «O lužickosrbské literární historii a kritice» (II Międzynarodowy zjązd slawistów (filologów slowiańskich). Księga referatów. Sekcja II – historja literatury. Warsz[awa], 1934, str.126-130). O J. A. Smoleř'е: «...Za to se platně zúčastnil lužických studií ruského

[329] *Бем А. Л.* Легенда о Луковке (в связи с вопросом о литературных влияниях): Тезисы доклада // Międzynarodowy zjązd slawistów (filologów słowiańskich): Księga referatów. - Warszawa, 1934. - Sekcja 2.

slavisty I. I. Sreznevského na jeho cestě po Lužici r. 1840, z níž vzešel na svou dobu dobrý Istoričeskij očerk serbo-lužickoj literatury v petrohradském ŽMNP v květnovém svazku 1844. Práce Sreznevského vynikala poměrně kritickým přehledem látky, odbornou průpravou, získanou přímo na místě a za stálé účasti Smoleřovy, na základě archiválních studií v Budyšíně, Zhořelci, Žitavě a jinde, vyznamenala se také bezprostředním líčením jednotlivých literátů lužických, z nichž zejména šťastně byla zachycena postava Zejleřova a buditelské dvojice: Smoleř a Jórdan» (стр.127).[330] Посылаю Вам оттиск моей работы о личных именах у Достоевского.[331] Надеюсь, что в январе выйдет моя книга – сборник моих научных работ по Достоевскому[332] за последние годы. Непременно пошлю Вам, как только книга выйдет. Мне пришлось лечиться в Карловых Варах. От скуки занялся темой «Русские писатели на Богемских водах».[333] Кое-что удалось найти нового. Но не хватает русских архивов. Сейчас готовлю ста-

---

[330] Пер. со словац.: О Я. А. Смолере: «...При том Смолер с пользой участвовал в лужицких исследованиях русского слависта И. И. Срезневского во время его поездки по Лужице в 1840 г.; в результате этих исследований в свое время в петроградском «Ж[урнале] М[инистерства] Н[ародного] П[росвещения]», в майской книжке 1844 г. был опубликован интересный «Исторический очерк сербо–лужицкой литературы». Работа Срезневского выделялась критическим подходом к рассматриваемому материалу и была тщательно подготовлена при непосредственном участии Смолера прямо на месте на основе архивных разысканий в Будишине, Згорелие, Житаве и др. Она также отличалась живым изображением отдельных лужицких литераторов; особенно удачно были нарисованы портреты Зейлера и будительской пары «Смолер – Йордан».

[331] *Бем А. Л.* Личные имена у Достоевского. // Сборник въ чест на проф. Л. Милетич: За седемдесет годишнината отъ рождението му (1863–1933). София, 1933.

[332] *Бем А. Л.* О Достоевском. Т.3. У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский. - Прага, 1936.

[333] А. Л. Бем опубликовал на чешском, русском и немецком языках несколько заметок и сообщений на указанную им тему. Здесь, видимо, имеется в виду статья «Богемские воды: (Предварительное сообщение)» (Центральная Европа. - Прага, 1934. - № 5).

тью о Н. Станкевиче в Праге[334] и в Карловых Варах.[335] – Девочки мои совсем выросли. Ирина кончает в этом году франц[узскую] гимназию. Таня уже в пятом классе. Учатся они отлично. Литературой русской занимаюсь с ними дополнительно. Жена очень устает от забот и работы по хозяйству. Сердечный привет Наталье Алексеевне. Пусть напишет и о себе, и о Вас. Берегите себя и не переутомляйтесь. Привет всем, кто помнит. Искозу кланяюсь – и его жене. Любящий Вас А. Бем.

Антонина Иосифовна просит кланяться Вам и Нат[алье] Ал[ексеевне]. Еще – не прощайте, и думать не хочу об этом. Ваш.

48 [А. Бем В. Срезневскому]

[Прага], 5–го февр[аля] [1935].

Глубокоуважаемый, дорогой, бесконечно дорогой Всеволод Измайлович, получил письмо Натальи Алексеевны с извещением о Вашей болезни и страданиях, к[о]т[орые] Вам приходится переносить.[336] Захотелось сейчас же отозваться на письмо. Так больно и обидно, что нельзя пойти к Вам, побыть с Вами, и, чем можно, облегчить Ваши страдания. Сейчас особенно остро чувствую нашу разлуку. Я все эти дни вспоминал и думал о Вас. Корректирую свою книгу о Достоевском, кот[орую] посвящаю

---

[334] *Бем А. Л.* Н. В. Станкевич в Праге //Центральная Европа. - Прага, 1935. - № 6.

[335] *Bem A. L.* Russische Schriftsteller in Karlsbad // Deutsche Tageszeitung (Karlsbader Badeblatt). - Karlsbad, 1935. - № 191, 196; *Item.* Russische Schriftsteller in Karlsbad // Germanoslavica. - Brünn; Prag; Wien, 1935. - №3/4; *Item.* Der Russische Denker N.W.Stankewitsch in Karlsbad im Jahre 1837: Dem Karlsbader Stadtarchiv gewidmet // Deutsche Tageszeitung. - Karlsbad, 1937. - № 234, 238, 240, 244.

[336] Письмо публикуется в Приложении, см № 61.

учителям своим, а значит и Вам, в первую очередь.[337] Ведь Вам я в своей научной работе бесконечно обязан. Антонина Иосифовна желает Вам поскорее оправиться. Привет Нат[алье] Ал[ексеевне]. Ей скоро напишу. Поправляйтесь же, голубчик. Ваш А. Бем.

49 [В. Срезневский А. Бему]

[4 июня 1935.]*

Дорогой, милый Альфред Людвигович! Часто, особенно последнее время, когда много говорится про Чехию,[338] вспоминаю про Вас. Вспоминаем вместе с Нат[альей] Ал[ексеевной], вместе с Влад[имиром] Ник[олаевичем];[339] с последним, п[отому] ч[то] вижусь с ним чаще, чем с другими; он к нам заходит вместе с женою каждую субботу послушать музыку Веры,[340] к[отор]ой мы все наслаждаемся и в к[отор]ой забываемся, он стал ко мне особенно близок.

По моему почерку Вы видите, что я еще очень плох, но и это теперь уж успех, лучше гораздо, чем прежде. С месяц, пожалуй больше, я встал с постели – это 6 месяцев с 6 дек[абря]. Было мне очень не важно; теперь я понемногу могу работать; Хаджи-Мурат, разбор архива Ольги Измайловны, а первый нужен скоро,

---

[337] См. письмо № 47, примеч. № 332. Отдельные части книги посвящаются А. Л. Бемом памяти А. А. Шахматова («Грибоедов и Достоевский»), Б. Л. Модзалевского («Пушкин и Достоевский»), С. А. Венгерова («Гоголь и Достоевский») и В. И. Срезневскому («Толстой и Достоевский»).

[338] В. И. Срезневский имеет, видимо, в виду статьи в советской прессе в связи с подписанием 16 мая 1935 г. договора о взаимной помощи между СССР и Чехословакией.

[339] См. письмо № 1, примеч. № 104.

[340] Срезневская Вера Измайловна, сестра В. И. Срезневского.

уж я и так задержал работу. В прошлом году я усердно работал над перепиской моего отца с Григоровичем и Болгарская академия взялась за издание, но что-то замедлила. Романский,[341] к[отор]ый ведет это дело, не отвечает на мои письма уж месяцев 5. Другая моя работа приостановилась из-за моей болезни и невозможности ходить – это письма Ганки; есть еще начатая работа, словаки: путешествие отца моего 1842 г., тема была сбита Ганкой. Я писал [в] этот год Вл[адимиру] Андр[еевичу] по поводу писем Ганки и газетных слухов об этом в Праге – уже в постели. Жалею я, что моя работа, тоже пражская, расстроилась – это письма Мартынова,[342] она взяла много труда; Влад[имир] Андр[еевич] хотел было когда-то заняться этой перепиской (письма отца к Мартынову), да верно нет денег в Слав[янском] уставе; а интересная переписка! Вот видите, я все хочу работать, да, видно, нужно кончать. Прощайте, дорогой мой друг, милый Альфред Людвигович.

4 июня 1935 г.

Надя Вам просит кланяться, Н[аталья] А[лексеевна] тоже; она впрочем смогла написать. Темно.

**К письму сделана приписка рукой Н. А. Вукотич:* Милый Альфред Людвигович! Я письмо Ваше получила – но самостоятельно написать не могла, очень много у меня всякого дела. Вс[еволод] Изм[айлович] только ходить не может, а голова его еще хорошо работает, и Вы ему не верьте, что он так уж плох, поживем и поработаем еще. Как будет свободная минуточка – напишите, а пока посылаю серд[ечный] мой привет Вам и семье.

---

[341] Романский Стоян Маринов (1882–1959), болгарский филолог, славист, академик, главный секретарь Славянского института при Софийском университете.

[342] См. письмо № 42, примеч. № 313.

50 [В. Срезневский А. Бему]

[12.V.1936].

Дорогой, милый, родной мой Альфред Людвигович!

От Вас так давно нет вестей, что просто странно. Что с Вами и Вашими, над чем работаете, как здоровье Ваше? Напишите! Недавно я писал В[ладимиру] А[ндреевичу] Ф[ранцеву] про смерть Никольского[343] и сказал, что событие это перенесло меня в то далекое время, когда мы вместе с Вами рылись в его библиотеке в его тогда хорошеньком, чистеньком доме в Ц[арском] Селе; был я у него в позапрошлом году зимою; холодно у него; работает он в пальто. И немного не до конца довел он свою сорокалетнюю работу;[344] и кто-то ее кончит. – В прошлом году Нат[алья] А[лексеевна] писала Вам про мою тяжелую болезнь, нынче роли наши переменились: осенью с ней случился этот поганый грипп, потом воспаление моч[евого] пузыря, потом перекинулось на глаза и это самое худшее; она не может читать, п[отому] ч[то] начинается страшная резь; то же происходит от влияния света; а теперь еще случилось: когда она сходила с трамвая, вожатый дернул и она упала на бок и на колено; несколько дней уж она лежит, и когда встанет, неизвестно. Так оба мы калеки, я ведь до сих пор не научился ходить, ноги перелом не срастается. – Ваши карточки библиографические все еще у меня, думаю передать их Шохор-Троцкому; он им очень будет рад; у него ценная б[иблиоте]ка (и рукописная тоже) по Толстому; и что у меня есть – мои работы – передам ему. У него, я думаю, не пропадет, и после него кто-нибудь позаботится. Я все думаю, куда что дену, и жалко иное, а нужно. – Фед[ор]

---

[343] Никольский Николай Константинович (1863–1936), историк, археограф, академик.

[344] Имеется в виду работа «Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей» (174000 карточек).

Ив[анович] теперь здесь и работает, и здоров и силен. А. Н. Коргуева уж 3 года умерла. Над[ежда] Вас[ильевна] лишенная б[иблиоте]ки, живет в Академии.* Все хочется припомнить Ваших знакомых, от к[отор]ых Вы отрезаны с давних пор.** Прощайте, будьте здоровы. Напишите мне! Ант[онине] Иосифовне шлю привет, желаю здоровья и дочкам милым. Ваш В. Срез[невский]

12. V. 36.

А что эта ваша книга «У истоков творч[ества] Дост[оевского]» [345] Вышла ведь? Пожалуй, к осени.

Верен ли адрес?

* Я часто вижу В[ладимира] Ник[олаевича], он заходит нередко к нам. Только вижу тех, кто заходит.

** Много лет работал я над «Нар[одными] рассказами»,[346] печатаются уже.

51 [А. Бем В. Срезневскому]

Прага, 20 июня 1936.

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Измайлович.

---

[345] См. письмо № 47, примеч. № 332, письмо № 48, примеч. № 337.

[346] Речь идет о цикле рассказов Л. Н. Толстого, которые В. И. Срезневский комментировал для 25-го тома «Полного собрания сочинений» Толстого (М., 1937).

Поверите ль, что Ваше письмо меня так разволновало, что я до сих пор не могу Вам на него ответить. Даже не знаю, как это объяснить. Все это время думаю о Вас, о Наталье Алексеевне, а сесть и написать не могу себя заставить. Вероятно от того, что в письме не передашь и сотой доли того, что хотелось бы. Известие о несчастном случае с Натальей Алексеевной нас с женой очень огорчило. Надеюсь, что все прошло благополучно. Передайте ей, что ее по-прежнему помню и люблю.

Мне сейчас особенно больно, что я не могу Вам, Всеволод Измайлович, дорогой мой, помочь в Вашей работе над архивом Измаила Ивановича. Теперь я к этому больше подготовлен чем тогда, когда помогал Вам при устройстве выставки. Славянскими языками, хотя и пассивно (кроме чешского, на к[о]т[ором] говорю и отчасти пишу) овладел всеми. Будучи в Карловарах, заинтересовался темой о русских, здесь побывавших, и напечатал об этом статью. Нашел в тамошнем архиве неизвестное письмо И. С. Тургенева, к[о]т[орое] опубликовал.[347] Занимаюсь немного попутно и русскими, побывавшими в Праге.[348] Одним словом, будь я с Вами, я бы мог в Вашей работе оказаться полезным, и Вас бы не так тревожил вопрос об участи Ваших работ. Я должен сказать, что такого сотрудничества, к[а]к с Вами, я уже никогда не смогу осуществить. Мне здесь в моей научной работе пришлось и приходится очень трудно. Да, кстати, – недавно исполнилось 25 лет моей литературной деятельности, да и мне уже исполнилось в мае пятьдесят.[349] А сделано очень немного из то-

---

[347] *Bem A. L.* Ein unbekannter Brief I.S. Turgenevs // Germanoslavica. - Brünn; Prag; Wien, 1936. Bd.4. H.1-2.

[348] См.: *Bem A. L.* Rušti učenci v Praze (léta šedesátá) . - Praha, 1938; *Он же.* Русские в Праге: Альбом К. Эрбена // Центральная Европа. - Прага, 1938. - № 5/6; *Он же.* Русские в Праге: Доктора Ф. С. Цыцурин и И. Крамаренков (1844 год) // Русский врач в Чехии и Моравии. Прага, 1939.- № 6/7.

[349] В чешской и русской зарубежной печати были опубликованы многочисленные поздравления А. Л. Бему по случаю его дня рождения и 25-й годовщины литературной деятельности. В них дана высокая оценка работ юбиляра о творчестве Достоевского, отмечена его деятельность в Обществе Ф. М. Достоевского. См., например, приветствия, опубликованные в пражских газетах

го, что мечталось и хотелось. Часто вспоминаю незабвенной памяти Алексея Александровича Шахматова (очень бы хотелось иметь его карточку), он меня все уговаривал держать магистерский экзамен. Сколько бы это нервов и сил мне сберегло! А под Вашим крылышком мне все это казалось совершенно не нужным.

Книжку свою я послал Вам, к[а]к только она вышла, с надписью. Очевидно она по назначению не дошла. Послал вторично, на этот раз заказной бандеролью. Надеюсь, что она теперь дойдет. С тревогой думаю о том, как Вы ее воспримете. Боюсь, что Вас огорчит статья о Толстом, но я ничего не мог с собою поделать. Такое у меня сложилось убеждение.[350]

Девочки мои выросли. Старшая – Ирочка – уже студентка. Изучает французскую литературу и латынь. Она меня радует серьезным отношением к своим занятиям. Осенью будет держать дополнительный экзамен по греческому языку. Младшая – Таня – переходит в седьмой класс и хочет после окончания итти на медицинский. Учится тоже хорошо. Жена и я очень износились за эти годы и часто болеем. И в этом году на август поедем в Карловары. Мне без этого не дотянуть до конца будущего учебного года. Работы у меня всегда много. К юбилею Пушкина работаю над чешским изданием сочинений Пушкина в четырех томах. Новые переводы лирики Пушкина Петра Кржички очень хороши.[351] Видели ли Вы в «Slavi‘и» мою статью о «Фаусте у Пушкина».[352] Меня сейчас тема «Фауст в русской литературе»

продолж..

«Národní Listy» (23. IV. 1936), «České slovo» (5. V. 1936), в русских эмигрантских изданиях – «Новости» (5. V. 1936), «Меч» (16. VI. 1936).

[350] Имеется в виду уже неоднократно упоминавшаяся книга А. Л. Бема «О Достоевском. Т. 3. У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский» (Прага, 1936), одна из статей которой называлась «Художественная полемика с Толстым: (К пониманию «Подростка»)».

[351] *Puškin A. S.* Vybrané spisy / Red. A. Bem a R. Jakobson. Praha, 1936-1938. Sv. 1-4. Петр Кржичка (1884–1949), чешский поэт и переводчик.

[352] *Бем А. Л.* «Фауст» в творчестве Пушкина // Slavia. – Praha, - 1934/1935. Seš. 2/3.

очень занимает.[353] За карточку большое спасибо – очень Вы на ней прежний (у меня она на столе перед глазами). Привет Вл[адимиру] Ник[олаевичу] и всем, кто меня помнит. Антонина Иосифовна кланяется. Сердечно Ваш А. Бем

353 См. например: *Бем А.Л.* Осуждение Фауста: (Этюд к теме «Масарик и русская литература» ...) // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1933. - Т. 5; *Он же* «Фауст» в творчестве Достоевского // Записки Научно-исследовательского объединения. - Прага, 1937. Т. 5.

Приложение

52 [А. Бем А. Чертковой][354]

[Петроград],16.VIII.1918.

Дорогая Анна Константиновна,

Все это время после возвращения моего[355] собирался писать Вам, но было такое чувство, что надо писать Вам сосредоточившись, а этого-то все это время у меня не было. Так и откладывал со дня на день.

Сначала по поводу Вашего письма с вопросами о «Цветнике» Рукопис[и] моей статьи с приложением несколько переработанного письма Вашего и заметки Владимира Григорьевича о «Предисловии» к «Цветнику» у меня нет; она в Москве, где должен печататься сборник.[356] Ваши письма ко мне в связи с работой о «Цветнике» у меня сохранились и я их Вам пересылаю. Только хотел бы получить их потом обратно. К сожалению заметка Владимира Григорьевича приложена в оригинале к статье, а копии у меня нет. Думаю, что именно эта заметка Вам нужна. Во всяком случае посылаю все, что нашел у себя.

Вернулся я с месяц тому назад и уже приспособился к здешней, правда очень нелегкой, жизни. Труднее всего – разлука с близкими (семья моя осталась в Киеве) и трудность письменно

[354] ОР РГБ. Ф. 345. Карт. 66. Ед. хр. 24. Л. 18.

[355] Речь идет о возвращении А. Л. Бема из Киева в Петроград летом 1918 г. (см. об этом письмо № 17).

[356] Статья об участии Л. Н. Толстого в подготовке сборника «Цветник» с приложением письма А. К. Чертковой и заметки В. Г. Черткова на эту тему была подготовлена А. Л. Бемом для второго выпуска сборника «Толстой: Памятники творчества и жизни». Сборник печатался в Москве и вышел только в 1920 г.

общаться с ними. Это в личном, а так – уж очень много горя кругом; о своем и говорить к[а]к-то неловко. Спасает работа, но правильно ли спасаться? Совсем покончил со списком,[357] т[о] е[сть] рукопись всю сдал в типографию. Набрана уже большая часть, остались только приложения. В Киеве ко мне доходили вести о Вас через Ник[олая] Ник[олаевича] Апостолова, с кот[орым] я довольно часто встречался. От него с одной стороны, от Всев[олода] Измайловича – с другой, знал урывками о тяжелом для нас всех вопросе с изданием сочинений Л[ьва] Н[иколаеви]ча.[358] Я и сейчас по существу дела плохо понимаю, что мешает общей работе всех, кому дорог Л[ев] Н[иколаеви]ч. Одно ясно: будет большим несчастием, если не удастся найти общей почвы для работы, п[отому] ч[то] плохо себе представляю, как можно такое большое дело вести врозь. Что касается меня, то у меня, Анна Константиновна, странное несколько чувство – мне не хочется, что-то внутри говорит против, не хочется ближе вникать во все подробности, не хочется разбирать за и против, взвешивать на весах разума – кто прав и в чем прав. М[ожет] б[ыть] это и нехорошо, м[ожет] б[ыть] и надо определить свое отношение, но я так боюсь утратить то непосредственное чувство радости, кот[орое] я испытываю при мысли, что теперь наконец наступила возможность работать над писаниями Л[ьва] Н[иколаеви]ча, что теперь наконец доступно то, что было под семью замками. Вы помните, как тяжело было узнать, что снова нельзя будет отдаться дорогому делу без чувства боли и тревоги за успех его. Уйти вовсе от работы я не могу и не хочу, хотя еще не представляю себе, что именно смогу, находясь в Петрограде, делать; но было бы очень тяжело для меня, если бы мое участие в работе над изданием сочинений отдалило бы меня от друзей Л[ьва] Н[иколаеви]ча, к[о]торых ценю и хорошим отношением ко мне кот[орых] очень дорожу. Пишу Вам

---

[357] «Толстовским списком» или «Списком» А. Л. Бем обычно называл свой «Библиографический указатель творений Л. Н. Толстого». О нем см. примеч. № 154 к письму № 16.

[358] См. письмо № 17, примеч. № 159, 160.

об этом, дорогая Анна Константиновна, пот[ому] что уверен, что Вы правильно меня поймете, а если и не согласитесь со мною, то все-же не осудите. Кончаю просьбой: нельзя ли мне прислать Ваши последние издания, я ведь полгода ничего не видел почти из книг. Мне они нужны для списка.

С душевным приветом А. Бем.

Александровский пр[оспект] 3, кв. 12.

P.S. Всев[олод] Изм[айлович] уехал на месяц в отпуск. Перед отъездом был в такой суете, что не удавалось с ним к[а]к следует обо всем переговорить. Всего доброго.

53 [А. И. Бем В. И. Срезневскому][359]

[Збраслав], 29 января 1925 г.

Многоуважаемый Всеволод Измайлович,

Весточка от Вас так обрадовала и взволновала Ал[ьфреда] Л[юдвиговича]... Он сам не свой, когда тем или иным путем узнает о Вас и о других близких ему и по работе и вообще людях. Живем по-прежнему за городом, А. Л. трудно ездить ежедневно в Прагу, но, с одной стороны, в Праге найти подходящее жилье с нашими средствами невозможно, с другой – не хочется детей увозить из деревни. Климат здесь сырой, нездоровый, а в Праге к этому прибавляется копоть и др[угие] минусы большого города. Вот и маемся. Ирочке, старшей, скоро девять лет, следовало бы посылать в школу, но в чешскую не хочется, вот и занимаюсь с ней дома, занятия несистематические, ну да Бог с ними, это от нее не уйдет, а пока пусть набирается сил. Живем в условиях очень примитивных. У А. Л. даже нет своей комнаты для работы,

---

[359] РГАЛИ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 2580а. Л. 2-3об.

всего лишь свой стол да полка с книгами – вот и [весь] «папин кабинет». Девочки отца очень любят, но злоупотребляют его добротою и кротостью. Настроение у него чаще бодрое, жизнерадостное, но стал он очень нервным, устает очень, работает много, засиживается далеко за полночь, а отдохнуть нет ни времени, ни места. Занимаем комнату с кухней, дом чудной, гулко разносится всякий звук, шум, да и, что греха таить, – мало бережем мы его отдых и покой. В лучшем случае уведу часа на 1/½ – 2 детей из дому, но и это не всегда возможно. Посланных Вами книг[360] А. Л. не получал. Лучше всего, если бы Вы посылали их на Славянский семинарий на имя пр[офессора] Мурко с передачей ему. Более точный адрес я припишу ниже. Вам он, насколько мне помнится, посылал оттиски своих работ, собирает для Толстовского музея вырезки из всех русских газет; у него имеется их уже большая папка, вот только как переслать – не придумаешь. Работает над Достоевским, в прошлом году читал курс русской литературы, гл[авным] обр[азом] до 19 в[ека],[361] проработал его, много ухлопал на это сил и времени. Конечно, больше всего времени уходит на добывание средств к жизни, поэтому его научная работа продуктивной быть не может.[362]

---

[360] См. письмо № 30.

[361] Имеются в виду лекции по истории русской литературы, прочитанные А.Л. Бемом в Педагогическом институте им. Я. А. Коменского в 1923/1924 учебном году.

[362] Письмо рукой А. И. Бем, без подписи. Далее следует текст приписки А. Л. Бема (см. письмо № 31).

54 [В. Тукалевский В. Срезневскому][363]

Прага, 20.I.[19]26.

Дорогой Всеволод Измайлович,

Если бы Вы знали, как я обрадовался, когда получил от Вас письмо. Вашу, хотя и левую руку, я сразу же узнал, так что и левая рука пишет почти тем же почерком, как и правая, а будем надеяться, что Вас скоро вылечат совсем. Так это тяжело, что и Вам, и Ольге Измайловне пришлось перенести такую болезнь. Но ведь, как говорят специалисты и как мне тоже приходилось наблюдать, вылечивают даже более серьезную форму. Так что только надо пока потерпеть, а главное, применять необходимые способы лечения. Может быть, хорошо бы было Вам поехать полечиться за границей? Я думаю, что Вам могли бы устроить такую поездку от Академии. Тут ведь в наших краях врачи вылечивают теперь самые разнообразные болезни, которые раньше считались даже неизлечимыми. За время последнего десятилетия медицина все-таки далеко шагнула вперед, а вот насчет других наук действительно как будто плоховато.

Так бы мне хотелось хоть одним взглядом посмотреть на Академическую библиотеку и толстовский отдел. Как раз на этих днях мы получили уже первую партию книг из Москвы для нашей библиотеки. Ряд изданий XVIII века, к которому я питаю такую склонность. Теперь у нас полный комплект Записок и Известий Академии.[364] И везде, куда ни посмотришь, всюду часто встречается фамилия «Срезневский». Есть и комплект «Сборни-

---

[363] РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 2991. Л. 16-17.

[364] Видимо, имеются в виду издания: Записки Императорской Академии наук. СПб., 1896-1927. - Т. 1-32; Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. - СПб., 1862-1895. - Т. 1-75. Наряду с последним изданием с 1918 г. существовали также «Известия Академии наук», но они выходили сериями по ряду как гуманитарных, так и технических дисциплин, поэтому собирать их В. Н. Тукалевскому вряд ли было нужно в полном комплекте.

ка Исторического общества",[365] и другие комплектные издания, которые удалось пополнить. Но еще так много нам надо. Караваева получил,[366] а Ундольского[367] все нет. Не знаю, где бы можно было достать.

Часто в разных газетах и журналах читаю Ваше имя в связи с предстоящим изданием юбилейным писаний Льва Николаевича.[368] Но, собственно, подробностей у нас на этот счет мало. С большой радостью сделал бы что мог, чтобы поделиться с Вами теми материалами, которые здесь собираю для нашей библиотеки. Ведь можно было бы устроить обмен дублетами и даже специальную посылку Вам тех материалов, которые печатаются за границей о Толстом. Переписывался с Константином Семеновичем по этому поводу, но пока наша переписка как-то затормозилась. А мне бы очень хотелось для заграницы устроить здесь хотя бы собрание основных материалов для Толстовианы. Тем более, что к нам постоянно приезжают из разных стран: Германии, Франции, Бельгии за литературой по Толстому. Прага ведь в центре и уже понемногу начинают узнавать нашу библиотеку. А я всегда каждого иностранца за ту помощь, которую мы ему оказываем, сейчас же «подковываю» на счет сообщения мне толстовской библиографии в той стране, из которой он приезжает. Недавно даже один негр приехал, интересуется Толстым и даже читает по-русски, специально подучил, чтобы читать Толстого. Он, между прочим, единомышленник Махатама Ганди.

---

[365] «Сборники Русского исторического общества» выходили в Санкт-Петербурге в 1867-1916 гг., было издано 148 т. Содержали документальные материалы по по истории России XV - XIX вв.

[366] Имеется в виду библиография: *Каратаев И. П.* Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами, 1491-1730. - СПб., 1861.

[367] Описание этого библиографического указателя см. письмо № 5, примеч. № 122.

[368] В. Н. Тукалевский имеет в виду Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах, вышедшее в 1928-1958 гг. Его тома имели подзаголовок «Юбилейное издание».

Очень был бы рад как-нибудь принять участие в Вашей работе по Толстому. Здесь ведь еще в Париже А. Хирьяков,[369] служит в одной книжной французской фирме. Написал ему, но еще не получил ответа.

Вообще в Париже жизнь более оживленная, чем у нас, но зато там и больше эмигрантской склоки. Она втягивает много народу и сил. У нас же на этот счет спокойнеее. Все или учатся, или учат. Это характерно для Праги. Конечно, и здесь ведут кое-кто «политику», но это все больше «между делом». Из этого, конечно, ничего не выходит, пусть тешатся, раз иного занятия нет.

И еще у меня есть мечта: получить большой бюст Льва Николаевича для нашего Толстовского уголка в Библиотеке. Такой, как есть в музее у Вас. Если бы можно было его достать, то всю упаковку и пересылку можно было бы сделать через Чехо-Словацкое консульство. Тем более что скоро, очевидно, состоится признание СССР де-юре Чехо-Словакией[370] и разные преграды будут сняты. Хотя должен сказать, что и сейчас книги свободно посылаются нам, конечно со специального разрешения. И еще хотелось бы иметь маску Льва Николаевича. У меня даже для этого заказана специальная маленькая витринка. Хотелось бы знать, что стоит то и другое в золотых рублях.

Так много еще хотелось бы Вам написать, дорогой Всеволод Измайлович. Но уж до другого раза. Прошу передать мой сердечный привет всем Вашим и Наталии Алексеевне.

---

[369] Хирьяков Александр Модестович (1863-1946), журналист, знакомый Л. Н. Толстого.

[370] Переговоры между СССР и Чехословакией о взаимном признании де-юре и об установлении нормальных дипломатических отношений велись в 1925 г. и активизировались в 1926 г. Однако, несмотря на значительное сближение позиций, сторонам не удалось в те годы достичь соглашения. Отношения между СССР и Чехословакией в полном объеме были восстановлены только в 1935 г.

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо и за известия о Вас, буду надеяться, что в скором времени снова получу от Вас письмо, которое будет для меня не меньшей радостью, чем первое.

Глубоко Вас уважающий и искренне преданный Вам

Вл. Тукалевский.

55 [Т. Крюкова А. Бему][371]

21.XI.[19]26.

Многоуважаемый Альфред Людвигович!

Очень я виновата перед Вами, что задержалась с письмом. Простите меня ради Бога. Относительно книги Цейтлина[372] – я много раз справлялась и до сих пор ничего еще не могу сделать. В Петербургских магазинах – ее нет. Я обошла по порядку все книжные магазины Литейного, Невского, Петроградской стороны – безрезультатно. Заходила и на случайные книжные рынки. Теперь заказала эту книжку в Москв[е] и, как только получу ее, Вам пришлю. Только обидно очень, что не могу достать ее в скором времени, ведь Вам ее надо скорее. Надеюсь, впрочем, что все-таки поспеет она во-время. На днях, наконец, удалось увидеть Аркадия Семеновича и говорить с ним. Он очень был рад узнать о Вас и о Вашей жизни. Много рассказывала ему о занятиях Достоевским, о семинарии[373] и вообще о моих странстви-

---

[371] LA PNP. F. A. Bem. Kart. 4. В печатной описи фонда Бема (*Dandová M.* Alfréd Ljudvigovič Bém (1886-1945): Literární pozůstalost. - Praha, 1985. - S.11) Крюкова ошибочно названа Крючко, что соответствует чешскому «Крючкова".

[372] *Цейтлин А. Г.* Повести о бедном чиновнике Достоевского: (К истории одного сюжета). - М., 1923.

[373] О Семинарии по изучению Достоевского см. письмо № 34 и примеч. № 3 к этому письму.

ях и впечатлениях. Содержание статьи о «Хозяйке»[374] ему передала вкратце. Работу же о «Вечном муже»[375] он имеет. Сообщила также о новых работах над «Двойником».[376] Он всем этим очень заинтересовался, но все же скептически покачал головой касательно «фрейдиянства»,[377] он так выразился. Относительно 3-го сборника под его редакцией дело обстоит плохо. Вероятно он не выйдет, так что вопрос о напечатании статьи о «Хозяйке» – пока отпадает.[378] Спрашивала о новых работах по Достоевскому. За это время ничего интересного не выходило («Письма Достоевского к жене»,[379] кажется, в Прагу попали?) Новое издание Достоевского выходит (под ред[акцией] Томашевского) аккуратно. Сейчас вышел 6-ой том и приготавливается к напечатанию

---

[374] Имеется в виду доклад «Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского)», прочитанный А. Л. Бемом в Семинарии по изучению Достоевского. Соответствующая статья была впервые опубликована на чешском языке в сборнике: *Bém A. L.* Tajemství osobnosti Dostojevského (Praha, 1928) и на русском в сборнике: О Достоевском. Т. I. (Прага, 1929).

[375] См.: *Бем А. Л.* Развертывание сна. («Вечный муж» Достоевского) // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. - Прага, 1924. - Т.1. Вып. 2.

[376] Вероятно речь идет о докладе А. Л. Бема «Нос» Гоголя и «Двойник» Достоевского», сделанном в Семинарии по изучению Достоевского и впоследствии с незначительными изменениями опубликованном в виде статьи в журнале «Slavia» (1928. - Sv. 7. Seš. 1). Статья неоднократно перепечатывалась, см.: *Bubeníková M., Vachalovská L.* Alfréd Ljudvigovič Bém (1886-1945?): Bibliografie. - Praha, 1995- С. 25,27,36.

[377] Одной из главных особенностей литературоведческих исследований А. Л. Бема было применение психоаналитического метода З. Фрейда при анализе произведений классической русской литературы, прежде всего произведений Ф. М. Достоевского. А. Л. Бем пытался использовать в литературоведении учение Фрейда и психиатра Н. Е. Осипова (о нем см. письмо № 36, примеч. № 272). Наиболее последовательно психоаналитический метод был применен в книге Бема «Достоевский. Психоаналитические этюды» (Прага, 1938).

[378] Очевидно имеется в виду третий том сборника «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы» (т. 1 и 2 вышли в 1922–1924 гг.); том в свет не вышел.

[379] См.: Письма Ф. М. Достоевского к жене / Предисл. и примеч. Н. Ф. Бельчикова.. М., 1926.

7-ой. Очень интересны там дополнения. Полностью приведены разночтения различных изданий. В томах 9–10 (кажется) будут печататься материалы Арк[адия] Семен[овича] и он обещал послать эти тома Вам.[380] Относительно вообще посылки книг в Прагу – говорила, и, кажется, удастся уладить дело. Я бы была очень рада.

Арк[адий] Семен[ович] говорил, что в 1925 году в Красном Архиве (кажется, №1) напечатаны были материалы его по «Преступлению и наказанию».[381] Ему хотелось, чтобы Вы прочитали. Докатились ли в Прагу также «Письма русских писателей к Достоевскому" под редакц[ией] Пиксанова, Центрархив?[382]

Больше пока по Достоевскому никаких новинок я не видела. Слушаю лекции в Университете Комаровича.[383] Ему я тоже много рассказывала о наших занятиях. Из литературной жизни вообще мало еще я восприняла. Это время было у меня много хлопот по устройству на службу и мало читать приходилось. Все-таки кое-что могу сообщить. А именно: вышло полн[ое] собр[ание] сочинений С. Есенина[384] (несколько книжек о Есени-

---

[380] Имеется в виду «Полное собрание художественных произведений» Ф. М. Достоевского под редакцией Б. Томашевского и К. Халабаева (t. 1–13 - Л.,1926–1930). Томашевский и Халабаев готовили к печати также 9, 10 и последующие тома издания. На обложке т. 10 было объявлено о предстоящем выходе в свет т. 11 и 12 под редакцией А. С. Долинина с письмами Достоевского, однако вместо писем в этих томах были напечатаны «Дневники писателя», а в т. 13 – статьи.

[381] Т. А. Крюкова ошибается, приписывая публикацию в «Красном архиве» А. С. Долинину. В этом журнале (1925. - Т. 7. – С. 146–200) были напечатаны архивные материалы «Преступление и наказание: Из «Записных книжек" Ф. М. Достоевского», подготовленные И. И. Гливенко. А. С. Долинин написал на публикацию Гливенко обстоятельную рецензию «Новые тексты Достоевского» (Былое. – М., 1925. - № 4. - С. 253–259).

[382] Из архива Достоевского: Письма русских писателей / Под ред. и с предисл. Н. К. Пиксанова. - М.; Пг., 1923. - (Центрархив).

[383] Комарович Василий Леонидович (1894–1942), литературовед, преподавал в Ленинградском университете; вместе с А. Л. Бемом был участником Пушкинского семинария С. А. Венгерова.

[384] См.: *Есенин С. А.* Собрание стихотворений. - М.; Л., 1926–1927. - Т. 1–4.

не тоже, но очень слабых), полн[ое] собр[ание] сочинений Неверова.[385] Издается Вяч[еслав] Шишков, изд[тельство] «Земля и фабрика» (изд[ано] хорошо).[386] Госиздат выпустил книжку рассказов Л. Леонова (хорошо издана тоже).[387]

Из последних новинок я прочитала роман С. Клычкова «Чертухинский балакирь»[388] и К. Федина «Наровчатская хроника»[389]... Мне бы очень хотелось знать Ваше мнение об этих книгах. Дошли ли они до Праги? Массами выходят переводные книги разных народов, земель и писателей. Я прихожу в отчаяние, т[ак] к[ак] нет никакой возможности разобраться в такой массе книг. Особенно сильно переводное наводнение со стороны Франции.

О литературных лекциях и занятиях и докладах пока не могу ничего написать. Был недавно в Малом театре вечер Блока,[390] но прошел он очень шаблонно, бесцветно и было немного досадно и больно за Блока. Кроме семинария Комаровича о Достоевском, никаких лекций я не посещаю пока. О занятиях в этом семинарии буду писать подробно..., а также и о всем том, что известно мне будет в области литературной.

Мои дела со службой пока еще не наладились, но надеюсь, что скоро уладятся. Вероятно с 1-го декабря я буду заниматься в качестве стажера в Библиотеке Ак[адемии] наук. Пока служба будет бесплатной, но со временем дадут жалование. Так что го-

---

[385] См.: *Неверов А. С.* Полное собрание сочинений. - М.; Л., 1926. - Т.1–7.

[386] См.: *Шишков В. Я.* Полное собрание сочинений. - М.; Л., 1926–1929. - Т. 1-12.

[387] См.: *Леонов Л. М.* Рассказы. - М., 1926.

[388] См.: *Клычков С. А.* Чертухинский балакирь. - М.; Л., 1926.

[389] *Федин К. А.* Наровчатская хроника. - Харьков, 1926.

[390] Непонятно, о каком вечере пишет автор письма. Скорее всего, это был вечер в связи с пятой годовщиной со дня смерти А. А. Блока, о подготовке и проведении которого сообщалось в ленинградской печати, но он состоялся не в Ленинградском малом театре оперы и балета, а в ленинградском Большом драматическом театре.

ризонты мои проясняются. Я ведь было совершенно измучилась с хлопотами.

Вс[еволода] Изм[айловича] и Нат[алью] Ал[ексеевну] вижу часто. Они Вам кланяются. Аркадий Семенович тоже. Я с грустью вспоминаю прошлую зиму и мои занятия. Валент[ина] Алекс[еевна][391] и Ростислав Владимирович[392] писали мне о планах и ходе занятий на будущий (т[о] е[сть] [19]26–[19]27) год и у меня сердце сжалось и жаль было, что я всего не услышу. Ростислав Вл[адимирович] писал о Вашем докладе (по поводу «Двойника»). Грустно было, что я его не могла слышать.

Вообще прошлый год у меня часто в мыслях. Во внешней жизни у меня перемены. Переехала на новую квартиру (Петроградская сторона, 1-ая улица Деревенской бедноты, бывш[ая] Большая Дворянская, д. 10, кв. 20). Это изменило немного уклад моей жизни и на время всколыхнуло мирное течение ее. Петербург сейчас выглядит серо и тоскливо. Наступившая было зима обманула нас и опять скрылась. Теперь сырость и грязь, часто идет дождь. Вообще: нудная, тоскливая осень ... Совсем Петербург Достоевского.

Особенно утром, когда белый туман окутывает все и всех и город готов «искуриться дымом ...». Впрочем, я теперь с мест Достоевского (жила прежде на Вознесенском, недалеко от Сенной) переехала к Троицкому мосту и теперь у меня вокруг меньше обстановки Достоевского.

Пока до свидания.

Желаю Вам всего, всего наилучшего. Если нужны Вам какие-либо книги, сведения – я с большим удовольствием напишу и пришлю. Простите за промедление с «повестями о бедном чи-

---

[391] Имеется в виду Рябова Валентина Алексеевна (1887–?), ближайший друг Н. Е. Осипова.

[392] Плетнев Ростислав Владимирович (1903–1985), русский славист, литературовед, член Семинария по изучению Достоевского.

новнике Достоевск[ого]». Право, это не от меня зависело. Но постараюсь прислать.

Была бы очень рада получить от Вас весточку.

Таня.

19/XI–[19]26.[393]

56 [Н. Вукотич А. Бему][394]

[Сухум, июнь или начало июля 1927].[395]

Дорогой Альфред Людвигович!

Ваше письмо настигло нас в Сухуме, в котором мы живем почти месяц, и будем жить еще до 14-го июля, если события не заставят нас выехать раньше. Очень мне было приятно получить от Вас письмо, с Вашими строками на меня всегда налетают воспоминания прошлого, такого и близкого и далекого в одно и то же время. Опасания Ваши и тревоги за Всев[олода] Изм[айловича] не основательны; Mason[396] не видя В[севолода] И[змайловича] после его болезни, не мог судить о его состоянии по мимолетному впечатлению. В[севолод] И[змайлович] очень поправился, гораздо больше, чем можно было бы ожидать после такой ужасной, почти смертельной болезни. Он очень хорошо

---

[393] Когда настоящая книга была уже в производстве, в печати появилась публикация писем Т. А. Крюковой к А. Л. Бему – см.: *Магидова М.* К истории литературных контактов А. Л.Бема 1920–х гг. (Письма А. С. Долинина и Т. А. Крюковой) // Достоевский и мировая культура. Альманах №19. - СПб., 2003. – Публикация содержит тексты писем № 55 и 59 нашей публикации с комментариями М. Магидовой.

[394] LA PNP. F. A. Bem. Kart. 4.

[395] Датируется по содержанию письма и по письму А. Л. Бема от 17 августа 1927 г. (см. № 37). Рукой Бема в начале письма ошибочно проставлено: «1927 (осень)».

[396] Мазон. О нем см. письмо № 26, примеч. № 205.

ходит, лазает со мною по высоким горам, почти не утомляет[ся], речь вернулась и он нередко только ошибается и говорит вместо одного слова – другое, работоспособность почти такая-же, но ей мешает невозможность писать правой рукой; но и это вернется т[ак] к[ак] многие движения он уже делает. Он так усердно работал перед отъездом над примечаниями к сочинениям Толстого, что я поторопилась увезти его из Ленинграда. Ему приходится работать для Моск[овского] издания и для Ленинградского, и то и другое издание торопится выйти к юбилею.[397] Помощник его по Рукопис[ному] отделению (новый, и Вы [его] не знаете) помогает ему по вечерам работать над Толстым, главным образом записыва[ет] то, что диктует ему Вс[еволод] Изм[айлович]. Нам здесь очень хорошо живется; хозяева – наши друзья и мы окружены любовью и заботами. Место здесь необычайной красоты: наш балкон, обвитый лиловой глицинией - выходит на море, около балкона цветут магнолии, ее цветы величиной с тарелку с сильным запахом лимона. В саду растут пальмы, апельсины и различные хвойные растения, вывезенные из всех стран света. Нашим друзьям оставили во владении небольшой дом в парке и дали им пенсию. Они, кроме того, сдают комнаты с пансионом, и это все вместе дает им возможность безбедно существовать. Теперь хочется Вам написать о себе: Леля, как Вы по-видимому знаете, вышла в январе замуж за такого же молодого, как она сама (они однолетки) и такой же специальности, – оба они гидрологи, Леля кроме того еще и химик. Она уже два года как кончила университет, а он кончает этой осенью. Оба они уехали на 3 месяца в Старую Бухару работать по своей специальности в Тропический институт, а остальное время будут жить, как и жили, со мною. Леля не могла со мной жить врозь, чему я конечно бесконечно рада, тем более, что к ноябрю буду бабушкой, и буду воспитывать, вернее помогать расти[ть] нового гражданина. Леля служит в Гидрологическом институте, а зять в школе

---

[397] Речь идет о первых томах изданий произведений Л. Н. Толстого – «Полного собрания сочинений» в 90 томах (М.; Л., 1928–1958) и «Полного собрания художественных произведений» в 15 томах (М.; Л., 1926–1930).

для взрослых, преподает естествознание. Мы живем скромно, но не нуждаемся. Варвара Платоновна[398] вышла в отставку и, получая пенсию, живет по-прежнему с нами, ведя наше несложное хозяйство. Я очень потолстела, к моему ужасу во мне 5 п[удов] 2 ф[унта]. Можете Вы себе представить такую махину! Дорогой мой, Вы не стремитесь мысленно в библиотеку, – от прежнего в ней почти ничего не осталось: все холодно, формально и сильно развилась канцелярщина, как пример, у нас заведена книга, в которую записывают тех служащих, которые пропустили день или не во-время пришли, для каждого пустяка необходимо разрешение директора, да и он мало доступен. Служащих много, толку мало, формализм заедает. Вот видите, какие перемены за Ваше отсутствие. Дорогой мой, все что я пишу относ[ительно] библиотеки должно остаться между нами, чтоб как-нибудь не дошло до нежелательных ушей. В[севолод] И[змайлович] шлет горячий привет и просит сообщить Вам, что любит Вас по-прежнему и очень желает Вас увидеть. Кланяется Ан[тонине] Иосиф[овне] и детям. Крепко жму руку. Ваша Н[аталья] А[лексеевна]

57 [Н. Вукотич В. Бонч-Бруевичу][399]

[Ленинград, между 20.XI и 31.XII.1929].[400]

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

События таким вихрем налетели на нашу Академию, так взволновали нас всех, что не было никакой возможности на чем-

---

[398] Домработница в семье Н. А. Вукотич.

[399] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 252. Ед. хр. 51. Л. 14-15об.

[400] Письмо не имеет даты. Датируется на основании просьбы В. Д. Бонч-Бруевича от 20 ноября 1929 г. к Н. А. Вукотич сообщить ему о событиях в Библиотеке Академии наук и его ответа на публикуемое письмо от 31 декабря 1929 г. (ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 137. Ед. хр. 134. Л. 1, 2-2 об.).

нибудь сосредоточиться и собрать свои мысли, все это и было причиной моего молчания. Постараюсь как можно объективнее рассказать Вам о всех наших событиях. Вы помните вероятно как в 1917 и в след[ующих] годах поступали к нам, в библиотеку, архивы.[401] Было напечатано в газетах воззвание о передаче архивов в Академию, и полученные архивы, в большом количестве, складывались у Всеволода Измайловича в старом помещении друг на друга за шкапами, т[ак] к[ак] места для них не было. Что возможно было при наличии двух служащих, записывалось, но большая часть архивов ждала своей очереди. С переездом в новое здание архивы были сложены на стеллажах в специальном помещении и часть их в шкафах. Целый ряд событий как-то: переезд и устройство Рукописного отделения,[402] подготовка к юбилею,[403] болезнь Вс[еволода] Изм[айловича], которая заставила его выбыть из строя почти на год,[404] борьба с Платоновым,[405] не давали возможности описать все архивы, и часть их не была занесена в книги. Вс[еволода] Изм[айловича] очень тяготили некоторые документы и он очень хотел передать их по назначению, но не мог этого сделать сам, без разрешения своего начальства. В особенности его тяготили акты об отречении Николая и Михаила[406] и он каждому директору сообщал о своем желании не хранить их в Рукописном отделении. Так было и при вступлении

---

[401] О поступлениях рукописей в Библиотеку Академии наук в годы революции и гражданской войны см.: История Библиотеки Академии наук СССР, 1714-1964. - М.; Л., 1964. - С. 317-318.

[402] См. письма № 28 и 30.

[403] В сентябре 1925 г. в СССР был торжественно отмечен 200-летний юбилей Академии наук.

[404] См. письмо № 32.

[405] См. письма № 38 и 39

[406] Акты об отречении от престола Николая II и его брата Михаила поступили в Библиотеку Академии наук летом 1917 г. Об этом было официально сообщено секретарю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета СССР еще в 1926 г. Правомерность нахождения в Библиотеке актов об отречении и ряда других документов тогда же была обоснована С. Ф. Платоновым.

Яковкина[407] на место помдиректора за три дня до приезда комиссии, о котором Вс[еволод] Изм[айлович], конечно, ничего не знал. Яковкин сообщил комиссии, и с этого момента началась раскопка во всех хранилищах Академии, давшая богатый материал комиссии. Комиссия работала очень долго и только на днях, кажется, окончила просмотр Рукописн[ого] отделения. Вс[еволод] Изм[айлович] был спокоен, все показывал, что у него есть, в чем помогала ему его совсем свежая память, и председатель комиссии Фигатнер, почувствовав в нем правдивого и честного человека очень хорошо к нему отнесся, оберегая его от могущих быть неприятностей. Приезжала и следственная комиссия из Москвы,[408] на которой Вс[еволод] Изм[айлович] дал свои объяснения. Пять человек из Рукописного отделения были арестованы, в числе их Ф. И. Покровский и С. А. Еремин,[409] которых Вы знаете. Их арест очень огорчает Вс[еволода] Изм[айловича], т[ак] к[ак] он считает их не виноватыми в том, что в Рукописном отделении хранились документы, о которых они, может быть, ничего и не знали. Надо надеяться, что при расследовании дела невиновность их обнаружится и они скоро будут на свободе. Проверка аппарата очень многих сняла, и теперь у нас новые

---

[407] Яковкин Иннокентий Иванович (1881-1949), правовед, историк, библиограф. Родился в Иркутске, В 1910-1929 гг. работал в Публичной библиотеке, в 1927-1929 гг. исполнял обязанности ее директора. В 1930 - 1949 гг. - директор Библиотеки Академии наук.

[408] Н. А. Вукотич имеет в виду приезд из Москвы 23 октября 1929 г. члена Коллегии ОГПУ Я. Х. Петерса и руководителя Секретно-политического отдела ОГПУ Я. С. Агранова, которые под председательством уже находившегося в Ленинграде и возглавлявшего комиссию по чистке Академии наук члена коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции Ю. П. Фигатнера с привлечением ряда других лиц образовали Особую комиссию Наркомата рабоче-крестьянской инспекции для расследования «сигналов» о наличии в Академии наук важных государственных документов, которые хранить там не следовало. На основе данных, собранных комиссиями, ОГПУ было сфабриковано «Академическое дело», по которому репрессиям подверглось значительное количество ученых.

[409] О Ф. И. Покровском см. письмо № 6, примеч. № 125. Еремин Степан Антонович, сотрудник Рукописного отделения Библиотеки Академии наук, работал с рукописными материалами по языкознанию, фольклору и краеведению.

люди, которые будут с помощью оставшихся строить новую жизнь в Академии. Не знаю, все ли я Вам написала, что Вы хотели бы знать. Задавайте вопросы и теперь я тотчас-же Вам отвечу.

Н. Вукотич.

58 [В. Срезневский Ю. Фигатнеру][410]

[Ленинград, конец 1929 или 1930].[411]

Вы мне сказали, что в известном случае я могу обратиться к Вам за помощью. Нынче, мне кажется, это время настало. Теперь, когда все б[олее] или м[енее] начинает успокаиваться и работа понемногу входит в свою колею, вдруг неожиданно началось движение против меня, опять началось расследование по поводу хорошо известного Вам Нелегального собрания, именно той его части, к[отор]ая заключает в себе белогвард[ейскую] печать и ко мне никакого касательства не имеет, кроме как простого собирателя. На меня возводится подозрение не со стороны, мне кажется, ГПУ, а со стороны, по всей видимости, моего начальства, желающего меня как-ниб[удь] потопить. У меня, к[оторо]го Вы, как мне кажется, считаете честным и правдивым человеком, в моем служебном кабинете в ящиках моего стола производился обыск, правда вполне корректный и в моем присутствии, но в присутствии моего товарища по службе у себя. Это было сделано для указания неверности подозрения, а участие в обыске моего сослуживца имело целью показать начальству ложность его взглядов, происходящих от невидимых влияний моих врагов.[412]

---

[410] РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 2533. Л. 4. Черновой вариант карандашом, без даты. О Ю.П. Фигатнере см. письмо № 57, примеч. № 408.

[411] Письмо датируется по времени начала фабрикации «Академического дела», арестов сотрудников Академии наук и следствия в отношении арестованных.

[412] Вряд ли ОГПУ производило обыск в столе В. И. Срезневского с тем, чтобы

Я просил бы Вас, Юр[ий] Петр[ович], к[а]к-ниб[удь] повлиять на лиц, меня окруж[ающих] и дать мне снова возможность начать спокойно заниматься своими научными работами. Уж очень измотались мои силы в последние дни.

59 [Т. Крюкова А. И. и А. Л. Бемам][413]

[Ленинград, не ранее декабря 1929].[414]

Многоуважаемые и дорогие Антонина Иосифовна и Альфред Людвигович!

Поздравляю Вас с наступающим Праздником, Новым годом и желаю Вам всего, всего наилучшего.

Мне праздник приходится встречать не дома и грустно очень. Волга наша замерзла, санный путь установился, но 200 верст – на лошадях (от Козьмодемьянска до ближайшего железнодорожного пункта) утомительно и дорого. Рада, что все-таки буду встречать Праздник в семье. Хозяева, у которых я живу, милые и приветливые люди. Они любят меня. Так что и елочка и встреча

продолж..

помочь ему избавиться от подозрений начальства. По всей вероятности, обыск был средством давления на ученого и имел целью сделать для него невозможным работу в библиотеке.

[413] LA PNP. F. A. Bem. Kart. 4.

[414] Письмо без даты. Год его написания обозначен рукой А. Л. Бема как 1927, затем цифра «7» была исправлена на «6». Однако датировке Бема противоречат приводимые в письме сведения о вышедших в СССР в 1928 г. книгах и упоминание о закрытии ленинградского Научно-исследовательского института книговедения (существовал до 1933 г., с 1926 г находился в составе Публичной библиотеки в Ленинграде, в 1929 г. был выделен из нее в самостоятельное учреждение). Предоставление Т. А. Крюковой работы в Публичной библиотеке, о котором она пишет в письме, могло быть связано или с реорганизацией Института книговедения в 1929 г. или с его полной ликвидацией в 1933 г.

Нового года, со всеми традициями, приносящими уют и теплоту, будут.

Мое дело со службой – все еще не устраивается. Я была в отчаянии, когда, дойдя до самой цели, мне пришлось разочароваться. Дело в том, что заниматься в Ак[адемии] наук мне разрешили, но с условием, что я достану командировку от Института книговедения, куда я поступила. Я была уверена в удаче, праздновала уже победу и, вдруг, институт закрывается... Все планы мои рухнули. Теперь меня опять посетила надежда. Мне разрешили работать в Публичной библиотеке, а оттуда устроиться в Академию наук будет легче, библиотечный стаж будет у меня. Вообще вздохнула я свободнее, а то, было, совсем приуныла.

С Арк[адием] Семеновичем говорила недавно по телефону. Относительно Цейтлина[415] он написал в Москву и я надеюсь, что скоро смогу выслать эту книгу Альфреду Людвиговичу.

Сегодня была в книжном магазине и просматривала книги, вышедшие вновь по истории литературы. Встретила книгу Вашу, Альфред Людвигович, изданную Ак[адемией] наук, «Библиографический указатель к произведениям Толстого» изд. 1926 г.[416] Знаете ли Вы про ее издание? Еще интересных книг мало нашла. Напишу названия некоторых, кот[орые] бросились в глаза: 1) Е. Ф. Никитина «Русская литература от символизма до наших дней» (это опыт библиографии – достоинства и полноты библиогр[афии] – не знаю, т[ак] к[ак] не читала).[417] 2) Вересаев. «Пушкин в жизни» III-ий выпуск, 1927 год.[418] 3) «Писатели», сборник автобиографий современников (очень многие писатели дали ав-

---

[415] См. письмо № 55, примеч. № 372.

[416] См. письмо № 16, примеч. № 154.

[417] См.: Никитина *Е. Ф.* Русская литература от символизма до наших дней. М., 1926.

[418] См.: *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни. - М., 1927. - Вып. 3.

тоб[иографические] заметки).[419] 4) Гроссман – «Пушкин в театральных креслах».[420]

Когда буду работать в Публичной библиотеке, знакомиться буду со всеми новинками и постараюсь сообщать Вам о всем в Прагу. Очень интересует меня семинарий по Достоевскому. Ваш, Альфред Людвигович. Как в нынешнем году работа там? Я узнаю о нем от Плетнева и от Валентины Алексеевны Рябовой и тогда сообщаю обо всем моим знакомым «достоевистам», т[ак] к[ак] их, конечно, интересует все это. Вам посылаю вырезку из газеты, м[ожет] б[ыть] интересной покажется...[421] Знали ли Вы о смерти Волынского?[422] Она как-то прошла для меня незаметно и я только недавно из газеты старой узнала о ней.

Петербург сейчас морозный и праздничный. На улицах предпраздничная суета, запах елок и праздничный гул толпы. В окнах магазинов – сокровища для детей расставлены. Даже мое взрослое сердце радостно бьется, когда я вижу в витринах магазинов выставленные елочные украшения, какие же восторги несутся от маленьких человечков к этим витринам!

Думаю, и Таня с Ирочкой уже давно готовятся к елке. Посылаю им на елку маленькие подарочки одновременно с письмом. Это к елке... Надеюсь, что елка эта, как в прошлом году, благополучно доживет до Танюшиных имянин и отпразднует их вместе с ней.

---

[419] См.: Писатели: Автобиографии, портреты современных русских прозаиков / Под ред. Вл. Лидина. - М., 1926.

[420] См.: *Гроссман Л. П.* Этюды о Пушкине: Пушкин в театральных креслах. - М., 1928.

[421] О какой статье идет речь, установить не удалось, вырезка среди писем не сохранилась.

[422] Волынский Аким Львович (настоящие имя и фамилия Хаим Лейбович Флексер, 1861–1926), литературный и балетный критик, историк и теоретик искусства, автор монографии «Ф.М. Достоевский» (СПб., 1906; Изд. 2-е. - СПб., 1909).

Погода у нас морозная. В Козьмодемьянске, думаю, сейчас снег, тишина, сугробы. В Петербурге тишины провинциальной зимы нет, но снег выпал в изобилии. Утром иней покрывает все здания и крыши, а ночью при лунном свете и звездах блестит и хрустит под ногами снег. Ждем «крещенских» и «татьянинских» морозов, сейчас же испытываем их предшественников (рождественские морозы).

Пока всего, всего хорошего.

До свидания.

Ваша Таня.

Мой новый адрес: Ленинград, Петроградская сторона, 1-ая улица Деревенской бедноты. Д.10, кв.20, мне.

60 [В. Срезневский В. Бонч-Бруевичу][423]

[Ленинград,] 20. VI. [19]31.

Дорогой Владимир Дмитриевич!

Пишу Вам с просьбой дать мне совет и помочь, если окажется возможным. Мое положение в Библиотеке опять стало шатким; видимо моему начальству очень я не по нутру. Вы знаете ведь, что матерьяльный состав Рук[описного] отделения в нынешнем году очень изменился: в Рук[описном] отд[елении] должны остаться лишь старые рукописи до XVII в., и то не все, и старообрядческие XVIII и XIX; все собрания XIX в., которые я так усердно копил, ушли от нас частью в архив Академии, частью в Пушкинский дом (ныне ИНЛИ).[424] Взамен их поступили старые

[423] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 338. Ед. хр. 18. Л. 9-10 об.

[424] 20 июня 1931 г. Пушкинский дом получил официальное название «Институт новой русской литературы» (ИНЛИ), а с ноября 1931 г. стал называться Ин-

рукописи из Археографической комиссии, иностранные рукописи, хранившиеся отдельно, собрания инкунабул, редкие иностранные книги (случайные собрания), гравюры и немного иностранных литографий – совсем не подходящие к старому цельному Рукоп[исному] отделению русских рукописей. Предположено невероятно уменьшить подручную библиотеку Рук[описного] отд[еления], распылив остальную часть по всей б[иблиоте]ке (между проч[им] и переданную Вами Вашу б[иблиоте]ку и б[иблиоте]ку Майкова и д[олжно] б[ыть] б[иблиоте]ку моего отца). Уменьшается и самое помещение Отделения в пользу вошедшего в Академию помещенного в б[иблиоте]ке Лихачевского музея[425] названного теперь музеем книги, документа и письма. Все это делается чисто академическою комиссией, главным же образом библиотечным начальством в лице директ[ора] Яковкина и уч[еного] секретаря Гуковского,[426] в обоих случаях без всякого моего участия. Из Рук[описного] отд[еления] иногда приглашается лишь одна моя помощница С. А. Щеглова,[427] с работой которой о Петрашевском Вы недавно познакомились.[428] Сложная, научная работа

продолж..

ститутом русской литературы (ИРЛИ)

[425] Лихачев Николай Петрович (1862-1936), историк, археограф, искусствовед, книговед, с 1925 г. академик. Собрал уникальную коллекцию по истории письменности, на основе которой в 1918 г. был создан Палеографический кабинет, вошедший в 1925 г. в состав учреждений Академии наук и преобразованный в музей. С 1931 г. - Институт книги, документа и письма.

[426] Гуковский Григорий Александрович (1902-1950), литературовед, специалист по истории русской литературы XVIII в. В Библиотеке Академии наук проработал до 1934 г.

[427] Щеглова Софья Алексеевна (1886-1965), специалист по истории украинского стихотворчества XVI – XVII вв., истории русской драматургии и русского театра XVIII в. В 1922-1933 гг. работала в Русском и в Рукописном отделениях Библиотеки Академии наук, затем была арестована и сослана в Среднюю Азию. С 1937 г. жила в Саратове, преподавала в школе, пединституте и университете. В 1951 г. переехала в Киев.

[428] Имеется в виду подготовленная С. А. Щегловой для сборников «Звенья» под редакцией В. Д. Бонч-Бруевича публикация писем М. В. Буташевича-Петрашевского. См.: *Буташевич-Петрашевский М. В.* Письма из ссылки /

Рук[описного] отд[еления] совсем непонятна тем лицам, которые служат в Библиотеке, в этом я убедился в сегодн[яшнем] собрании Совета б[иблиоте]ки; им хочется все подчинить расчетам «человекодней» и наша серьезная научная работа [им] ничего не говорит. Я знаю, что дир[ектор] Яковкин, о действиях к[ото]рого против Отделения и против меня лично я писал Вам в прошлом году, спит и видит как бы удалить меня из Б[иблиоте]ки. Вся моя долгая более 35 лет работа для Б[иблиоте]ки, все собранные мною коллекции рукописей, образованный мною знаменитый Нелегальный отдел (в к[отор]ый вошло около 40000 листков и прокламаций, не говоря о книгах, рисунках и пр[очем], подобранная справочная б[иблиоте]ка, подаренная Академии ценнейшая рукописная коллекция моего отца – все это одними забылось, другим неизвестно. Интересно, что когда 3 года назад меня хотели назвать героем труда, местком наш официально заявил, что деятельность моя ему неизвестна, а потому звание это мне присудить нельзя; в том же роде и теперь; но такая полная неосведомленность вполне понятна для члена месткома (кажется, слесаря), но не понятна у служащего в Библиотеке. Платонов, когда он был директором Библиотеки, Вы помните, ко мне относился худо, худо относился и к Рукоп[исному] отд[елению], так же худо относился к Толстовскому музею и хотел его уничтожить. Для Толстовского музея его желание исполнилось.[429] Он хотел действовать и против меня лично; меня он думал заменить моим товарищем и обратился к этому лицу с предложением, но мой товарищ был настолько благороден, что не допустил даже разговора, а сразу обрезал речи Платонова.[430] Вообразите: что-то

продолж..

· Вступительная статья и комментарий С. А. Щегловой // Звенья. - М.; Л., 1933. - Сб. 2.

[429] В сентябре 1930 г. Толстовский музей был выведен из состава Библиотеки Академии наук и объединен с преобразованным в Институт новой русской литературы Пушкинским домом.

[430] В. И. Срезневский пишет здесь о Ф. И. Покровском. Сотрудница Библиотеки Академии наук А. Б. Никольская (1899-1987), арестованная по одному «делу» с С. А. Щегловой, в 1974 г. написала рассказ «Иннокентий Васильевич» (опубликован в журнале «Простор», Алма-Ата, 1987, № 9), где сюжет и дей-

подобное повторяется. Яковкин теперь добивается того же, но похитрее Платонова, ведет линию может быть более верную: он всячески льстит моему товарищу, старается, обходя меня как лишнего, вступить в разговоры и совещания с ним. Этот человек - Щеглова, устроенная в Рукоп[исное] отд[еление] мною, не как Покровский, идет на приманку, хотя все время чувствует себя неловко. Скажите мне, что мне делать? Подчиниться ли судьбе или воевать, и есть ли какая-нибудь польза в борьбе, если здесь все ведет борьбу против меня. Мне жаль моего отдела, когда вместо 12 прежних служащих всего трое, когда нет в отделении служителя, когда из 7 комнат за Отделением остается только 3, и это все отнимается без обсуждения вопроса, без ожидания отпора, а просто как приказание. 28 или 29 июля Яковкин назначает мне аудиенцию, как сообщил он мне через Щеглову. Пожалуйста напишите мне, что присоветуете мне делать, и помогите ...

Ну, будьте здоровы.

Ваш В. Срезневский.

продолж..

ствующие лица взяты из жизни библиотеки. Биография главного героя рассказа, директора Иннокентия Васильевича Рокоткина почти совершенно идентична с биографией И. И. Яковкина. Ф. И. Покровский выведен в рассказе как «старик», «служивший там около 50 лет, большой специалист и знаток своего дела, занимавший очень скромную должность», но отказавшийся от повышения (предложенного ему, впрочем, не прежним директором, а вновь назначенным Рокоткиным) и вскоре «пропавший».

61 [Н. А. Вукотич А. Л. Бему][431]

[Ленинград,] 26. I. [19]35.[432]

Дорогой Альфред Людвигович!

Сообщаю Вам о болезни Всеволода Измайловича: 7-го декабря, он, проходя по темному коридору в свою комнату, упал, хотел подняться, но снова упал, ударился обо что-то твердое и повредил себе бедро. Все время он лежит в постели, очень мучаясь судорогами в больной ноге. Призванные первыми два хирурга не нашли повреждение, находя, что налицо есть только повреждение нерва, и его лечили невропатологи и терапевты, и только призванный на консилиум проф[ессор] Буш сразу установил повреждение в кости. Болезнь мучительная и длительная, и бедный Всеволод Измайлович очень страдает. Он сильно ослабел и поворачиваться без помощи совсем не может. Работать ему запрещено. Вы можете себе представить, как ему тяжело переносить свою беспомощность и бессилие. Напишите ему, он так радуется Вашим письмам. Он шлет Вам и Ант[онине] Иосиф[овне] сердечный привет.

Писала Вам по поручению Всеволода Измайловича, а теперь хочется написать от себя. Прежде всего хочется Вам сказать, милый и дорогой Альфред Людвигович, что несмотря на многолетнюю разлуку я Вас по-прежнему люблю и помню, в особенности я вспоминаю Вас во время тяжелых переживаний, которых на мою долю выпало не мало. В такие минуты я вижу Ваши хорошие глаза, полные сочувствия и сожаления, и думаю тогда, что где-то далеко есть у меня еще друг. Сколько раз собиралась Вам писать, и всегда что-нибудь отвлечет. Вы знаете, что я больше не

---

[431] LA PNP. F. A. Bem. Kart. 4.

[432] А. Л. Бем ответил Н. А. Вукотич на это письмо 24 мая 1935 г. (см публикацию: *Горяинов А. Н., Робинсон М. А.* Шесть писем А. Л. Бема и о А. Л. Беме // Славяноведение. – М., 1998, - №4. - С. 101–102). Публикуемуе письмо позволяет понять характер болезни В. И. Срезневского и уточнить дату получения им травмы.

служу и даже дома не работаю по библиографии, внуки взяли все мое время, они захватили меня полностью и у меня нет времени для чего-нибудь другого. Я не жалею, что оставила службу, там меня заменили легко, а дома некому воспитывать ребят. Леля и ее муж гидрологи, полгода работают на Тонсовских[433] озерах, другую половину года обрабатывают материалы. Зять имеет два места, Леля берет еще вечернюю работу и т[аким] образом для детей у них не остается много времени, и еслиб я не вышла в отставку, то дети были бы большую часть времени на домработнице. Два года тому назад, после сильного потрясения (опасная болезнь Лели и внука), я внезапно почти потеряла зрение, но его спасло впрыскивание соли Трунечека,[434] и я теперь могу читать, что является для меня отдыхом и развлечением, но приходится соблюдать осторожность, т[ак] к[ак] работает только один глаз. Пострадало у меня и сердце. У меня миодегенерация его и приходится лечиться, что я делаю не очень аккуратно. Я ведь старая теперь, дорогой мой, мне 67 лет, а ведь еще сравнительно недавно, до 1927 г. я работала по 12 часов, при чем преобладающей была общественная работа. И детские городки, и клубы, и инспекторство школ и детских домов, чего, чего только не было, а теперь ... только бабушка. Но воспитывать детей так интересно, что я не жалею, что у меня такое звание; дочери своей я мало отдавала времени из-за общественной работы, так теперь плачу долг ее детям. Моему внуку 7 лет, а внучке 3, дети славные, способные и интересные своим внутренним содержанием. Миша уже мой друг, с ним обо многом можно говорить, он очень чуткий и сердечный мальчик, Танюша - славная толстушка, жизне-

---

[433] Имеются в виду озера (крупнейшее – Тонское площадью 102 квадратных километра), расположенные на территории Северо-Сибирской низменности между низовьями рек Енисея и Лены.

[434] Имеется в виду «Трунечека сыворотка», предложенный в 1901 г. чешским врачом Карелом Трунечком (K. Truneček, 1866-1937), раствор щелочных солей обычной кровяной сыворотки человека, взятых в той же пропорции, что и в сыворотке, но в удесятеренной концентрации. В СССР С. Ф. Майков и И. А. Шилов предложили видоизмененную сыворотку Трунечека под названием «гиперсол». Применялась при болезнях сосудистой системы человека.

радостная, веселая и ласковая. Все было бы хорошо, еслиб не болезнь Вс[еволода] Изм[айловича], которая очень огорчает меня и заботит. Надеемся, что мучения его скоро прекратятся, нога заживет и он снова будет таким же, как до болезни. Я каждый день хожу к нему на несколько часов, ночью же у него дежурит сестра милосердия. Вот, дорогой мой, как много я Вам написала, хотелось бы о Вас и о Вашей семье узнать побольше. Будьте здоровы и бодры, передайте привет жене.

Ваша Н. Вукотич

Л[енин]град, 53. В[асильевский] О[стров] 3-ья линия, д. 42, кв. 7.

62 [Н. Вукотич А. Бему][435]

Так как я была уверена, что Вс[еволод] Изм[айлович] будет просить меня дать ему прочесть мое письмо к Вам, то поэтому относительно его здоровья пишу неправду. Он очень болен, при падении он сломал шейку бедра и нога его больше ходить не будет, потому что удар пришелся на парализованную сторону и операция бесполезна.[436] Кроме того, у него повышенная температура, исследование показало белок в моче, значит и почки пострадали. Слаб он так сильно, что не может даже повернуться на бок, часто говорит вместо одних слов другие, но в общем мозг его не пострадал, и когда страдания уменьшаются – интересуется всем. Боимся за легкие, вообще тревожно очень, и Вы понимаете, как тяжело у меня на душе. Его многолетняя, неизменная дружба так скрашивала мою жизнь. Лучшего друга у меня никогда не было. Когда будете писать ему, не пишите ничего о ноге. Он ничего не знает.

---

[435] LA PNP. F. A. Bem. Kart. 4. Публикуемый текст был, вероятно, отправлен А. Л. Бему вместе с письмом № 61. Рукой Бема на письме проставлен год: «1935”.

[436] Об улучшении здоровья В. И. Срезневского после этой болезни см. письмо № 49.

Список сокращений

АН – Академия наук

БАН – Библиотека Российской академии наук

ГубОНО - общепринятое в 1920-е гг. сокращение для обозначения учреждения - Губернский отдел народного образования.

ЖМНП (ŽMNP), Журнал Министерства народного просвещения.

МНП – Музей национальной письменности (Прага)

МС – Матица словацкая (Мартин)

ОР РГБ - Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

ОР и РК РНБ - Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

РАН – Российская академия наук

РГАЛИ - Российский государственный архив литературы и искусства.

СБ – Славянская библиотека (Прага)

СНБ – Словацкая национальная библиотека (Мартин)

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив (Санкт–Петербург)

LA PNP - Literární archiv Památníku národního písemnictví (Praha) – Литархив МНП

Л – Ленинград

М – Москва

Пг – Петроград

СПб – Санкт–Петербург

вып. – выпуск

г. – год

д. – дело

ед. хр. – единица хранения

ж. – журнал

изд. – издательство, издатель, изданный

карт. – картон

л. – лист

о. – отец

оп. – опись

примеч. – примечание

р. – рубль

ред. – редакция, редактор

сб. – сборник

см. – смотри

сост. – составитель, составил

т. – том

ф. – фонд

Именной указатель*

* В именной указатель не включены имена А.Л.Бема и В.И.Срезневского.

inslav

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

Университетская набережная. Петровская Кунсткамера, где размещалась в конце XIX – первой четверти XX в. Библиотека АН

ТОЛСТОЙ

ПАМЯТНИКИ ТВОРЧЕСТВА И ЖИЗНИ

I

РЕДАКЦІЯ
В. И. СРЕЗНЕВСКАГО
И
А. Л. БЕМА.

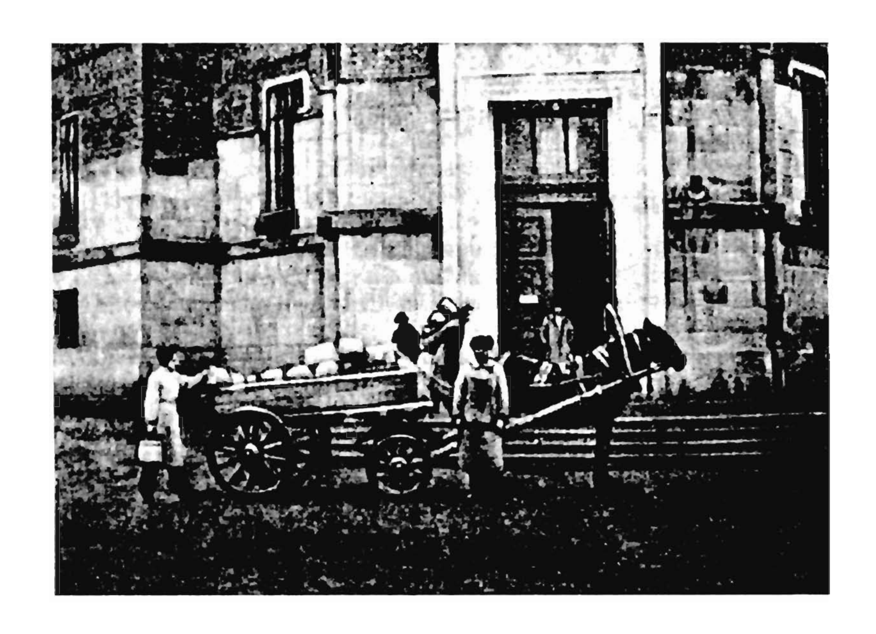
ИЗД-ВО
„ОГНИ"
1917

ПЕТРОГРАДЪ

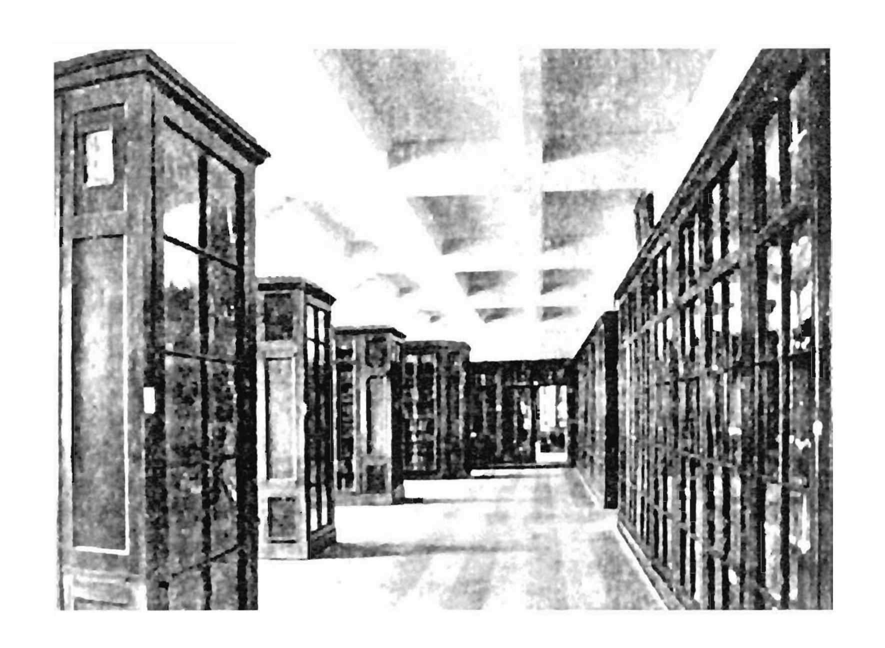
Толстой. Памятники Творчества и жизни I. Редакция В. И. Срезневского и А. Л. Бема. Изд. «ОГНИ», Петроград, 1917. – Титульный лист.

Академик А. А. Шахматов, директор Первого (Русского) отделения БАН

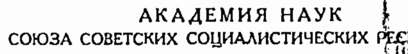
Переезд Русского отделения в новое здание БАН (1922 г.)

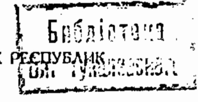

Рукописное отделение в Новом здании БАН

Открытие Нового здания БАН 9 сентября 1925 г.
Сидит (1–й справа) В. И. Срезневский

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТВОРЕНИЙ

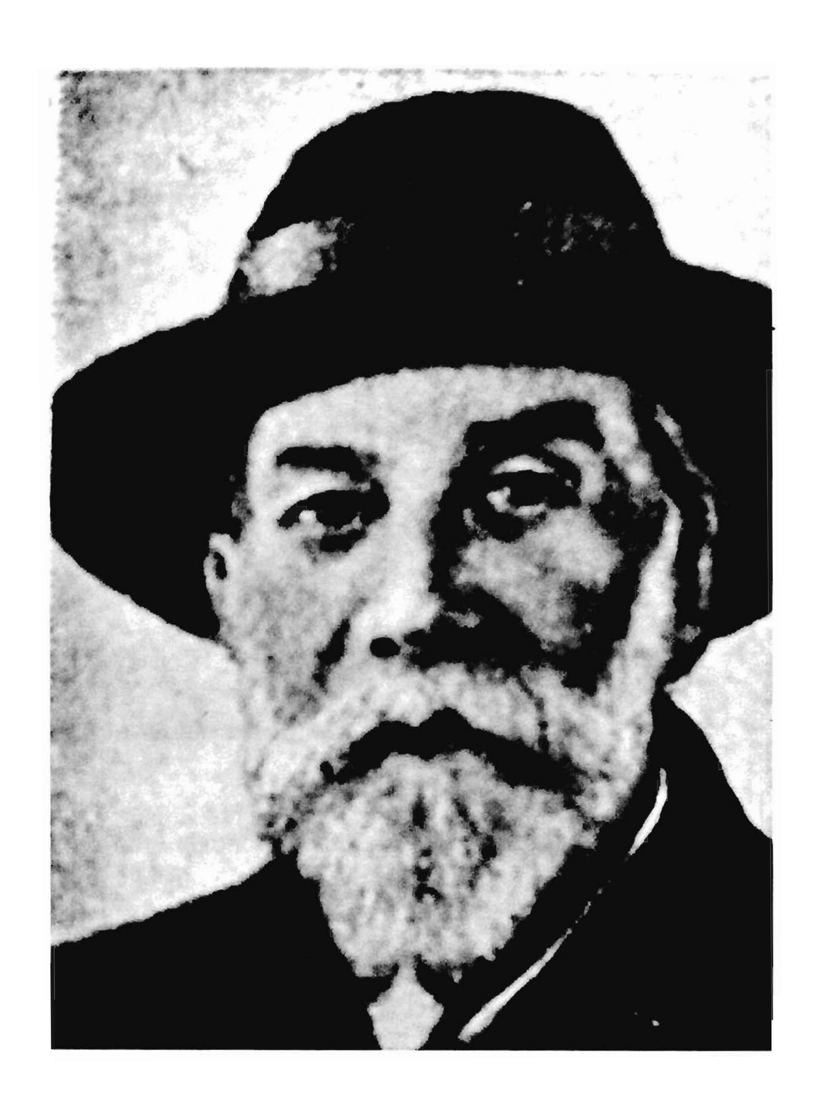
Л. Н. ТОЛСТОГО

Составил А. Л. Бем

С дополнениями
В. И. Срезневского

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1926

Библиографический указатель творений Л. Н. Толстого. Составил А. Л. Бем. С дополнениями В. И. Срезневского. Изд. АН СССР, Ленинград, 1926. – Титульный лист.

В. И. Срезневский

А. Л. Бем (1936 г.)

Альфред Людвигович Бем /
Всеволод Измайлович Срезневский

ПЕРЕПИСКА
1911 – 1936

Составление, подготовка текста, введение, комментарии,
именной указатель
Милуша Бубенникова и Андрей Николаевич Горяинов

Vydala Masarykova univerzita v Brně roku 2005
pro Slavistickou společnost Franka Wollmana

1. vydání, 2005 Náklad 200 výtisků
Tisk Vydavatelství MU, Brno-Kraví Hora

55-970-2005 02/58 5/FF

ISBN 80-210-3681-8

О составителях

Милуша Бубеникова (1957) – литературовед, кандидат филологических наук (PhD), автор и один из редакторов сборников, посвященных истории русской эмиграции в Чехословакии («Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945») (1993–1996), составитель книг «Alfréd Ljudvigovič Bém (1886–1945?). Bibliografie» (в соавт., 1995), А. Л. Бем «Письма о литературе» (1996) и «Russia in Czech Historiography» (2002). Член–корреспондент Российского общества Достоевского. Живет в Праге.

Андрей Николаевич Горяинов (1929) – историк и библиограф, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской Академии наук, автор многих работ о славяноведении в Советской России и Русском Зарубежье, составитель и автор комментариев к воспоминаниям видного российского филолога–слависта С. Б. Бернштейна «Зигзаги памяти» (М., 2002). Живет в Москве.

Написали о книге:

«Переписка представляет собой важный документ о времени ее возникновения, а также вклад в историю славистики как таковой. … Переписка является хорошо составленным целым, отдельные части которого действуют комплементарно, взаимно отражают друг друга и интерпретируются. Речь идет не об обычной линеарной серии, а о целом умно составленном, включающем обширную вступительную статью и подробный комментарий. … Трагическая судьба обоих корреспондентов наглядно показывает положение науки и ее деятелей в бурном XX веке.» (*И. Поспишил*)

«Альфред Бем был непредставимо активный человек. Рядом с научной деятельностью он много внимания уделял молодым людям не только в Карловом университете, но также в других учреждениях, основанных русскими эмигрантами в Чехословакии. … Альфред Бем является выдающейся личностью, которая вошла в чешскую и словацкую культуру, и значение которой иногда не дооценивается. Бесспорной заслугой составителей и авторов этой публикации является факт, что они обратили на него внимание.» (*З. Сладек*)